Детск. Чтен.
1789 г.
2. XIX. XX.

ДѢТСКОЕ
ЧТЕНІЕ
ДЛЯ
СЕРДЦА и РАЗУМА.

ЧАСТЬ XIX.

МОСКВА,
ВЪ Университетской Типографіи,
У Н. Новикова,
1789.

9406.

Государ. Научная
БИБЛИОТЕКА
при
Казанском Госуд. Ун-те

ЧЕСТНОЙ ОТКУПЩИКЪ,

ДРАМА
ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Перевель съ Французскаго
А П**

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Г. ВЕРВИЛЬ.
ТИБО, его Откупщикъ.
МАРГАРИТА, жена Откупщикова.
ВАЛЕНТИНЪ, мнимой сынъ ихъ.
ЖОРЖЪ, ЖАНЕТА, ЛУИЗОНА, } ихъ дѣти.
ЗЕМСКОЙ.
РОБЕРТЪ, ЖЕРВЕ, ПЕЛАЖЪ, } Откупщиковы сосѣди.

Дѣйствіе въ Тибовомъ домѣ.

ДѢЙСТВІЕ I.

(*Театръ представляетъ избу, въ которой стоитъ поставецъ, столъ и нѣсколько стульевъ; а въ другой сторонѣ видна закрытая занавѣсомъ колыбель, въ которой спитъ ребенокъ.*)

ЯВЛЕНІЕ I.

Маргарита (*стоитъ подлѣ стола, отрѣзываетъ два ломтя хлѣба, и намазываетъ на нихъ масло.*)

Проведя лучшую половину жизни нашей въ работѣ, притти въ нищету! Какую пользу принесло намъ то, что мы никогда не жалѣли трудовъ своихъ, желая хорошо воспитать дѣтей нашихъ? Ужь бы такъ и быть, естьли бы всѣ онѣ могли сами себѣ доставать хлѣбъ! Любезныя дѣти! о васъ я плачу, а не о себѣ! Лишась нашего скота, мы всего лишились. Что теперь у насъ осталось, чѣмъ никакъ не льзя заплатить нашему господину за откупъ. Что съ нами будетъ! Естьли бы добродушной мужъ мой не ободрялъ меня, то я скоро бы умерла отъ горести. Ахъ, какъ онъ швердъ! Какъ спокоенъ при всемъ

всемъ нашемъ нещастіи! Естьли бы я не увѣрена была, что онъ по любви скрываетъ отъ меня половину своей печали, боясь меня огорчить, то его надлежало бы почесть нечувствительнымъ. „О чемъ плакать, Маргарита? говоритъ онъ, когда я не могу отъ слезъ удержаться: мы лишились скота: ну что же? По чему знать, что Богъ пошлетъ намъ? Онъ никогда не оставляетъ добрыхъ людей въ нуждѣ. Я на Него надѣюсь.„ — Ахъ! онъ самъ, не будучи богатъ, никогда не забывалъ нещастныхъ! Сколько семействъ въ нашей деревнѣ спасъ онъ отъ бѣдности своими совѣтами и помощію! Право, на свѣтѣ мало такихъ людей. Я имѣю то, чего нѣтъ у многихъ богатыхъ женщинъ — добраго мужа и дѣтей, которыя насъ любятъ, которыя поведеніемъ своимъ радуютъ сердце наше. Когда подумаю обо всѣхъ милостяхъ Провидѣнія, то чувствую, что Оно объ насъ печется, и печаль моя во сто разъ легче становится. Ободрись же, Маргарита! У тебя еще осталось то, что можетъ усладить всѣ твои горести. [*Оборачивается, подходитъ къ дверямъ и кличетъ:*]

Жанета! Жанета!

ЯВЛЕНІЕ II.

Маргарита, Жанета.

Жанета [*входя*] Я здѣсь, матушка. Что тебѣ?

Маргар. Возьми свой завтракъ.

Жанета. Да мнѣ и половины много. Я никакъ не могу съѣсть всего, матушка.

Маргар. Это обыкновенная твоя доля. Ужь не неможешь ли ты?

Жанета. Нѣтъ, матушка; однакожь я чувствую, что впередъ никогда уже не буду ѣсть такъ много, какъ прежде ѣдала.

Маргар. Что это? давно ли ты стала любить подчиванье? Возьми же, возьми, и не говори пустова.

Жанета [*взявъ хлѣбъ, ломаетъ его надвое.*] Право, для меня этова много. Довольно съѣсть и половину. [*Другую половину подаетъ матери*] Возьми, оставь это сестрицѣ.

Маргар. Да развѣ ты можешь знать, сколько ей надобно?

Жанета. Этова съ нее будетъ; болѣе она не попроситъ.

Маргар. Видно, что ты очень знаешь сеспру свою, она такъ же съѣстъ цѣлой

цѣлой ломоть, какъ и ты. Вотъ другой, которой я для нее приготовила.

Жанета. Нѣтъ, нѣтъ, она этотъ оставитъ къ вечеру; а ввечеру раздѣлитъ его по поламъ со мною. Дай же намъ волю, матушка! мы ужь такъ уговорились.

Маргар. Желала бы я знать, что значитъ этотъ уговоръ?

Жанета. Начто объ этомъ спрашивать? Это тайна между нами. Пожалуй, матушка, не показывай, что ты это знаешь.

Маргар. Нѣтъ, я неотмѣнно хочу, чтобы ты сказала мнѣ причину этова.

Жанета. Ну если ты приказываешь, такъ я тебѣ скажу. Вчера ввечеру мы слышали, что батюшка говорилъ тебѣ: Когда у насъ весь скотъ померъ, то намъ должно отдаться во власть Божію, и стараться обратить это нещастіе въ нашу пользу. Мы должны быть еще трудолюбивѣе, и сберегать сколько можно болѣе, чтобы пропитать нашу семью. Ты обняла его и отвѣчала, что первая подашь собою въ томъ примѣръ. Я тотчасъ вызвала сестру. Мы обняли другъ друга такъ же, какъ и вы; и все то, что вы для насъ хотите сдѣлать,

уговорились мы съ нашей стороны сдѣлать для васъ.

Маргар. Вы слишкомъ много берете участія въ нещастіи нашемъ. Вы еще очень молоды; вамъ не надобно его чувствовать. Не бойтесь ничего. Богъ будетъ имѣть объ насъ попеченіе. Ахъ! я теперь чувствую, какъ щастливы матери! [*Обнимаетъ ее*] Чѣмъ можно оцѣнить ту любовь, которую ты оказываешь къ своимъ родителямъ? Не тужи. Для васъ сберегла я это масло; и нынѣ ты еще можешь съѣсть весь этотъ хлѣбъ. Тебѣ надобно укрѣплять свои силы, чтобы послѣ, когда будешь велика, могла ты и для насъ доставать хлѣбъ. Вѣдь тебѣ будетъ очень весело работать для нашего пропитанія?

Жанета. Очень ли весело! Ахъ, матушка! по щастію мы уже и теперь можемъ работать. Правда, что руки наши малы; но за то мы можемъ въ день работать долѣе — а все то, что выработаемъ, отдадимъ батюшкѣ, чтобы онъ накупилъ скота. Мы будемъ выкармливать куръ, и станемъ продавать яица; а деньги, матушка, деньги всѣ принесемъ тебѣ съ радостію.

[*Видя, что мать ея плачетъ.*]

О!

О! пожалуй не плачь! Это отнимет̀ъ у меня руки.

Маргар. Я плачу отъ радости, любезной другъ мой! — Однакожь пора тебѣ завтракать. Въ домѣ еще многое прибрать надобно; а мнѣ хочется, чтобы къ приходу отца твоего было все въ порядкѣ.

Жанета. Развѣ онъ пошелъ въ поле съ братцами?

Маргар. Нѣтъ, онъ пошелъ въ городъ. Ему нужда поговорить съ Господиномъ.

Жанета. Тѣмъ лучше. Батюшка всегда веселъ, когда отъ него приходитъ. Вѣдь господинъ Вервиль очень доброй человѣкъ?

Маргар. Конечно. До сихъ поръ онъ былъ къ намъ очень милостивъ. Дай Боже, чтобы милости его продолжались! Теперь намъ болѣе въ нихъ нужды. Лишась всего скота, намъ не чѣмъ платить ему; а самые тѣ люди, которые насъ болѣе другихъ ласкаютъ, когда мы можемъ служить имъ, часто бываютъ противъ насъ всѣхъ хуже, когда чего нибудь отъ насъ лишаются.

Жанета. Я увѣрена, что Господинъ нашъ не изъ такихъ людей.

Маргар. И я то же думаю; иначе мы бы совсѣмъ пропали.

Жанета. Какъ я нетерпѣливо дожидаюсь батюшки, чтобы услышать пріятныя вѣсти! Онъ нынѣ поутру будетъ назадъ?

Маргар. Онъ пошелъ очень рано, и я дожидаюсь его всякую минуту.

Жанета [*положа свой хлѣбъ на столъ*]. Такъ я прежде завтрака пойду за виномъ, и поставлю его въ холодокъ. Онъ конечно съ охотою выпьетъ рюмочку.

Маргар. Нѣтъ, прежде поѣшь; а это беру я на себя.

Жанета. Ты сама не давно у меня спрашивала, весело ли мнѣ будетъ дѣлать что нибудь для моихъ родителей; а теперь не велишь мнѣ служить батюшкѣ.

Маргар. Хорошо, я не хочу у тебя отнять этова удовольствія. Знаю же и то, что отецъ за это тебя приласкаетъ.

Жанета. Право не знаю, кто изъ насъ двухъ бываетъ довольнѣе, когда я заслуживаю ласку его. И теперь постараюсь заслужить ее. [*Уходитъ.*]

ЯВЛЕНІЕ III.

Маргарита.

Любезныя дѣти! Богъ свидѣтель тому, что нищета страшна мнѣ для васъ; вы же всего болѣе и утѣшаете меня. Не должна ли я еще лучше любить васъ тогда, когда вы однѣ остаетесь у меня? Безъ этова нещастія не могла бы я знать всей вашей ко мнѣ любви. Можетъ быть вы поможете мнѣ преодолѣть мою горесть, отъ того, что буду стараться скрывать ее отъ васъ. Нѣтъ, я не хочу жалобами своими превожить веселыхъ сердецъ вашихъ. [*Подходитъ къ колыбели, вынимаетъ ребенка, прижимаетъ его къ груди своей, и смотритъ на него съ нѣжностію.*] Тебѣ одному буду сказывать свои огорченія, тебѣ, еще нечувствующему нещастія твоихъ родителей! Я могу при тебѣ плакать, неогорчая тебя своими слезами. Щастливой младенецъ! я плачу о твоей участи, а ты отвѣчаешь мнѣ улыбкою!

[*Цѣлуетъ его съ восхищеніемъ.*]

Государ. Научная БИБЛІОТЕКА при

ЯВЛЕНІЕ IV.

Маргарита, Жанета.

Жанета. [*Входитъ въ ту минуту, когда Маргарита держитъ на рукахъ ребенка.*] Матушка! дай мнѣ братца, чтобы и я также его разцѣловала. [*Беретъ его и цѣлуетъ.*] Не правда ли, другъ мой, что и ты будешь трудиться для отца и матери, когда съ меня выростешь? Увидишь, какъ я буду тебя, крошку, няньчить, чтобы ты скорѣе выросъ и пришелъ въ силу! Намъ теперь недосугъ, а ты спи.

[*Кладетъ его опять въ колыбель. Между тѣмъ Маргарита глядитъ на нихъ обоихъ такими глазами, въ которыхъ сквозь слезы видны любовь и радость. Жанета оборачивается къ матери и говоритъ.*]

Матушка! я вынула вино, и поставила его въ холодокъ. Дай мнѣ ключь отъ поставца; я достану бѣлье и камзолъ для батюшки.

[*Беретъ ключь и отворяетъ поставецъ.*]

Какъ жарко! Я думаю, что онъ придетъ весь въ пошу и насилу будетъ дышать.

Мар-

Маргар. Ахъ! когда отецъ твой сдѣлаетъ что ни есть хорошее для своей семьи, то прибѣжитъ безъ памяти.

Жанета. [*Затворяетъ поставецъ и кладетъ на стулъ бѣлье.*] Я его знаю. Онъ тотчасъ пойдетъ въ поле. Ему не хочется потерять ни одной минуты.

Маргар. Этимъ онъ подаетъ намъ доброй примѣръ. А ты теперь бы хорошо сдѣлала, естьли бы съѣла свой хлѣбъ, чтобы поцѣловавшись съ отцемъ, тотчасъ итти въ школу.

Жанета. Въ школу? Да я уже туда не пойду.

Маргар. Не пойдешь! Какъ, развѣ ты не хочешь болѣе учиться читать и писать? Нѣтъ, другъ мой! въ какой бы нуждѣ мы ни были, я все надѣюсь, что помощію работы будемъ въ состояніи учить васъ. Лучше соглашусь отдать половину послѣдняго куска своего, да лишь бы учились дѣти мои.

Жанета. За это не надобно уже платить денегъ. Развѣ братъ мой Валентинъ читаетъ хуже угрюмаго Магистера? Валентинъ будетъ нашъ учитель. Давиче онъ сказалъ намъ: Сестрицы! вѣдь вы знаете, что послѣ обѣда я полчаса отдыхаю? Такъ естьли вы хотите,

я стану въ это время учить васъ; а ввечеру, возвратясь домой, опять буду читать съ вами. Учитесь только прилѣжно; а то вы скоро будете столько знать, сколько знаетъ самая лучшая ученица въ нашей деревнѣ. — Мы начнемъ съ нынѣшняго дня, и ты увидишь, матушка, какъ все хорошо будетъ.

Маргар. И Валентинъ это самъ вздумалъ?

Жанета. Самъ, матушка; мнѣ бы этова никакъ не пришло въ голову. За меня болѣе всѣхъ заплатили родители наши, сказалъ онъ: для того что я всѣхъ старѣе. Если-ли бы они не такъ много на меня издержали, то бы эти деньги остались у нихъ для моихъ сестеръ. И такъ я долженъ, сколько могу, учить васъ тому, что самъ знаю, когда батюшка съ матушкою не могутъ уже платить за васъ.

Маргар. Ахъ! могли ли мы, уча его, думать, что у васъ когда нибудь и нужнаго не будетъ? Правда, что намъ довольно дорого стоило его ученье; однакожь теперь я этому очень рада. Деньги наши не потеряны. Валентинъ благодаренъ, и всячески старается намъ доказывать свою благодарность.

ЯВЛЕНІЕ V.

Маргарита, Жанета, Луизона.

Луизона [*прыгая.*] ВотЪ онЪ! вотЪ онЪ!

Маргар. Что ты говоришь, Луизона?

Луизона. Батюшка пришелЪ.

(Продолженіе будетЪ впредь.)

ХРАБРОСТЬ,

Анекдотъ.

Во время осады одного города Тюренъ какъ-то оскорбилъ своего Офицера, которой за то и вызвалъ его на поединокъ. Онъ принялъ вызовъ, съ тѣмъ договоромъ, чтобы ему самому назначить мѣсто поединка. По томъ повелъ своего противника въ такое мѣсто, гдѣ летали непріятельскія ядра. Офицеръ поблѣднѣлъ. — „Не уже ли вы боитесь ядеръ? сказалъ ему Тюренъ: Государь мой! истинная храбрость состоитъ въ томъ, чтобы презирать опасность для отечества, а не въ томъ, чтобы умерщвлять своихъ согражданъ за такія обиды, которыя происходятъ обыкновенно отъ одной неосторожности.„

ЧЕСТНОЙ ОТКУПЩИКЪ.

Продолженіе.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тибо, Маргарита, Жанета, Луизона.

Маргарита. [*Бросясь къ Тибо съ распростертыми руками.*] А, другъ мой!

Жанета. [*Цѣлуя у него руку.*] Батюшка!

Луизона. Какъ же я рада, что ты назадъ пришелъ!

Тибо. Здравствуй, Маргарита! здравствуйте, любезныя дѣти!

Маргар. Я думаю, что ты очень усталъ.

Тибо. Ни мало. А ты, бѣдная, кажешься что-то печальна. Глаза у тебя красны. Я вижу, что ты плакала.

Маргар. Правда, другъ мой; однакожь не огорчайся — я плакала отъ радости, что имѣю такихъ хорошихъ дѣтей. Естьли бы ты зналъ, какъ онѣ нынѣшнимъ утромъ меня ушѣшили, говоря о тебѣ!

Тибо. Это мнѣ очень весело. Исполняя свою должность, всего пріятнѣе видѣть, что и наши ближніе исполняютъ

се. Пошедши въ городъ, думалъ я все о васъ; а возвратясь вижу, что жена и дѣти мои также обо мнѣ думали. Это очень утѣшно.

Маргар. Не хочешь ли чего выпить? Не перемѣнишь ли бѣлья! Жанета все для тебя приготовила.

Тибо. Нѣтъ, благодарю. Одна эта мысль могла бы облегчить усталость мою. [*Цѣлуетъ въ лобъ Жанету.*]

Маргар. Ты видѣлъ господина? Ну какъ онъ съ тобою обошелся?

Тибо. Такъ, какъ я думалъ. У него доброе и чувствительное сердце. Этотъ человѣкъ, Маргарита, подлинно совершенной человѣкъ.

Маргар. Тронулся ли онъ нашимъ нещастіемъ? Разскажи мнѣ все.

Тибо. Какъ скоро ему сказали, что я пришелъ, то онъ, не заставя меня ждать ни одной минуты, вышелъ ко мнѣ, и ввелъ меня въ самую лучшую горницу своего дома.

Жанета. Въ лучшую горницу?

Тибо. Да, Жанета. Онъ пилъ тогда съ своей женой кофе. Велѣли для меня подать на тотъ же столъ доброй окорокъ, и сама госпожа отрѣзала мнѣ отъ него кусокъ.

Лук-

Лунзона. Сама госпожа?

Тибо. Сама своими руками, да еще и съ пріятнѣйшимъ видомъ.

Маргар. О милая госпожа!

Тибо. Никакъ не велѣли мнѣ говорить о дѣлѣ, пока я завтракалъ.

Маргар. Видишь, какъ это хорошо! А по томъ?

Тибо. Ну, любезной Тибо, сказалъ мнѣ по томъ господинъ: что у насъ новаго? Худыя вѣсти, отвѣчалъ я: въ недѣлю померла вся моя скотина отъ болѣзни, которая произошла отъ этой ужасной засухи. Я совсѣмъ разворился, и пришелъ васъ объ этомъ увѣдомить, чтобы вы могли отдать свою землю другому откупщику. Вамъ же отдаю все то, что у меня осталось. Мнѣ очень тяжело, что не могу васъ совершенно удовольствовать. Однакожь даю честное слово работать день и ночь, чтобы заплатить вамъ все сполна. Хлѣбъ будетъ мнѣ казаться горекъ, пока не заплачу вамъ всего до послѣдней полушки.

Маргар. О! конечно мы это съ радостію сдѣлаемъ. Что же сказалъ господинъ?

Тибо. Я уже слышалъ о твоемъ разореньѣ, бѣдной Тибо, и очень жалѣю о томъ. И я также, сказала госпожа своимъ пріятнымъ голосомъ: жалѣю отъ всего моего сердца.

Маргар. Любезные люди! Они оба добросердечны.

Тибо. Я не съ тѣмъ пріѣхалъ, сказалъ я, чтобы заставить васъ сожалѣть о себѣ. Слава Богу, мнѣ еще можно работать. Меня безпокоитъ то, что не могу съ вами разквитаться. Признаюсь, что печалитъ меня и семья моя. Ахъ! я бы отдалъ жизнь свою за то, чтобы жена и дѣти мои никогда не терпѣли нужды! Вы богаты, да не имѣете дѣтей. Вы не знаете, какъ больно видѣть страданіе тѣхъ, которыхъ мы на свѣтъ произвели! О! естьли бы вы имѣли такихъ дѣтей, какія у меня! Естьли бы вы ихъ любили всею душею! Естьли бы и онѣ васъ такъ же любили, какъ любятъ меня мои дѣти! . . . . Сказавъ это, отъ горести закрылъ я лице руками. Поднявъ опять голову, увидѣлъ, что господинъ на меня не глядитъ. Онъ оборотился къ своей женѣ. Съ нѣжностію смотрѣли они другъ на друга, и глаза ихъ наполнились слезами.

Это

Это была уже не одна жалость; я догадался, что ихъ тутъ другое трогало.

Маргар. И ты не спросилъ у нихъ причины тому?

Тибо. Не смѣлъ. Какъ скоро хотѣлъ было я опять говорить объ моихъ дѣтяхъ, господинъ тотчасъ перемѣнилъ рѣчь. Я видѣлъ, что они таили какую нибудь горесть, и не зналъ, какъ бы поскорѣе выйти изъ такова разговора. Началъ говорить имъ о своемъ хлѣбѣ; считалъ, что они могутъ за него взять — —

Маргар. И господинъ не осердился, когда ты сказалъ, что не можешь ему всего заплатить?

Тибо. Ничего; напротивъ того онъ сказалъ мнѣ: Послушай, Тибо! тебѣ не надобно отчаяваться. Ступай къ своей женѣ. Я велю закладывать лошадей, и самъ къ тебѣ буду. Тамъ мы съ тобою сдѣлаемся. Я всегда почиталъ тебя честнымъ человѣкомъ, и соглашусь на все, что будетъ тебѣ угодно.

Маргар. Можно ли? А сколько мы ему должны?

Тибо. Тысячу восемь сотъ талеровъ.

Маргар. Боже мой! сколько же еще на насъ останется!

Тибо. Правда. Да естьли бы не повалился у насъ скотъ, естьли бы родилось сѣно, то бы мы могли заплатить эту сумму и еще вдвое.

Маргар. Что же съ нами будетъ, другъ мой?

Тибо. Не станемъ отчаяваться, Маргарита. Руки наши стоютъ золота. Естьли будемъ живы и здоровы, то со временемъ заплатимъ свой долгъ. Вотъ все мое утѣшеніе. Я бы умеръ съ горя, естьли бы не надѣялся, что откладывая талеръ за талеромъ, могу наконецъ заплатить все. Собрала ли ты всѣ деньги, которыя у насъ остались?

Маргар. Собрала, другъ мой; сочла и положила въ мѣшокъ. [*Вынимаетъ изъ сундука кожаной мѣшокъ.*] Тутъ нѣтъ и ста талеровъ.

Тибо. А мнѣ помнится, что тутъ было ровно сто.

Маргар. Правда; да я вынула двѣнатцать франковъ, чтобы намъ хотя нѣсколько времени было чѣмъ содержать свой домишка.

Тибо. [*Смотря на нее пристально.*] Другъ мой! можно ли намъ содержать домъ свой чужими деньгами? Сохрани Боже, чтобы такая мысль когда нибудь при-

пришла къ намъ въ голову! Положи опять въ мѣшокъ эти двѣнатцать франковъ, любезная Маргарита!

Маргар. [*Вздохнувъ.*] Ты правду говоришь — вотъ они.

[*Кладетъ двѣнатцать франковъ въ мѣшокъ, и прячетъ его въ сундукъ.*]

Тибо. Хорошо. Теперь намъ остается собрать все свое платье и пожитки, чтобы отдать ихъ господину. Оставимъ у себя только то платье, которое теперь на насъ. Такимъ образомъ мы можемъ показаться ему безъ зазрѣнія совѣсти. Вотъ одинъ способъ спастись отъ погибели! [*Тихонько стучатся*]

Жанета. [*Побѣжавъ къ дверямъ.*] Кажется, что у дверей стучатся. Кто-то тамъ стоитъ. [*Возвращается и говоритъ въ полеголоса:*] Это Земской.

Тибо. Земской! Что ему до меня? У насъ съ нимъ нѣтъ никакихъ дѣлъ.

Маргар. Я вся дрожу. Мы пропали, другъ мой. Видно, что судъ входитъ въ наши дѣла. Я знаю Земскаго. Надобно, чтобы было какое нибудь нещастіе, когда онъ пришелъ къ намъ.

Тибо. Будь покойна, другъ мой; намъ не чего бояться. Возьми дѣтей и оставь меня съ нимъ одного.

Маргар. Нѣтъ, нѣтъ! я не хочу тебя одного оставишь.

Тибо. Поди, поди. Какъ онъ ни золъ, а меня не испугаетъ. Ты меня огорчишь, естьли здѣсь останешься. Пожалуй поди.

Маргар. Естьли приказываешь — —

[*Уходитъ, взявъ Жанету и Луизону за руку. Земской съ ними встрѣчается и кланяется. Дѣвочки испугавшись прижимаются къ матери, и уходятъ.*]

ЯВЛЕНІЕ VII.

Земской, Тибо.

Земской. Здравствуй, Тибо! Кажется, ты прошелъ не давно по городской дорогѣ?

Тибо. Можетъ быть, господинъ Земской; я только что пришелъ отъ нашего господина, которому надобно было объявить о худомъ состояніи дѣлъ моихъ.

Земской. Какъ! не посовѣтуясь со мною! Сдѣлались ли вы съ нимъ?

Тибо Нѣтъ еще.

Земской Тѣмъ лучше. Я пришелъ сказать тебѣ, что могу тебя противъ него защитить.

Тибо.

Тибо. Противъ него? Развѣ не онъ выпросилъ тебѣ это мѣсто?

Земской. Правда. Для того-то я и не хочу итти противъ него явно. Намѣреніе мое то, чтобы тайно помогать тебѣ. Я сыщу тебѣ приказнаго человѣка въ городѣ, которой и неправое дѣло сдѣлаетъ правымъ. Понимаешь меня? ну совершеннаго плута. Онъ вѣрно поможетъ тебѣ; я ему пріятель.

Тибо. Совершенной плутъ твой пріятель! Смотри, какая дружба! Пожалуй, я бы это и такъ угадалъ.

Земской. Вѣдь это такъ говорится. Я хочу сказать, что онъ такой человѣкъ, которой можетъ вывести тебя изъ всякаго затрудненія. Обстоятельства для тебя полезны. Когда годъ чрезвычайно дуренъ, то судьи дѣлаютъ нѣкоторую убавку въ откупной суммѣ.

Тибо. А заставляютъ ли они откупщиковъ давать господамъ болѣе, когда годъ чрезвычайно хорошъ?

Земской. Нѣтъ.

Тибо. Когда такъ, то я не пойду просить вашихъ судей. Естьли бы я получилъ и двѣ тысячи талеровъ прибыли отъ моего откупу, то господинъ не могъ бы потребовать съ меня болѣе положен-

наго. Когда же я самъ теряю двѣ тысячи талеровъ, то и мнѣ не льзя ничего требовать съ господина.

Земской. Такъ ты презираешь Правленіе, которое хочетъ подать тебѣ руку помощи?

Тибо. Я не презираю Правленія, однакожь совѣсть мою уважаю еще болѣе. Естьли торгъ мой не противенъ законамъ, то Правленію не во что тутъ и мѣшаться. Хотя бы оно и совсѣмъ освободило меня отъ моего обязательства, однакожь честь велѣла бы мнѣ исполнить его.

Земской. Ни честь ни совѣсть твоя въ этомъ дѣлѣ не пострадаютъ. Вѣдь не ты виною такова великова нещастія.

Тибо. По чему ты знаешь? Можетъ быть я виноватъ въ томъ, что накупилъ вдругъ столько скотины. Мнѣ должно было купить гораздо менѣе; тогда бы я не столько потерялъ, и денегъ бы у меня осталось довольно для заплаты за откупъ.

Земской. Твоя ли вина или не твоя, да это уже сдѣлалось. Знаешь ли, другъ мой, чему ты себя подвергаешь, отдавшись во власть Господину Вервилю? Онъ можетъ тебя посадить въ тюрьму.

Тибо.

Тибо. Естьли такъ, то какъ же лишить его этова права? Естьли же онъ намѣренъ поступить со мною человѣколюбиво, то начто отнимать у него это удовольствіе?

Земской. Хотя бы Господинъ Вервиль и не сталъ на тебѣ строго взыскивать, однакожь онъ смертной; а наслѣдники его можетъ статься не будутъ такъ снисходительны. Когда же прибѣгнешь къ Правленію, то можешь отъ всего избавиться; потому что оно велитъ дать тебѣ квитанцію.

Тибо. Можетъ ли Правленіе заставить думать Господина Вервиля, что онъ получилъ все, когда онъ въ самомъ дѣлѣ не получалъ всего?

Земской. Нѣтъ; но войдя въ твое состояніе, оно увѣритъ его, что ты не можешь заплатить ему.

Тибо. Для этова нѣтъ нужды итти въ судъ. Я и самъ могу это доказать ему. Онъ уже извѣстенъ о моемъ нещастномъ состояніи, и не можетъ потребовать съ меня болѣе того, что у меня есть.

Земской. Безъ сомнѣнія; но надобно все дѣлать порядкомъ. Приказной человѣкъ, котораго я для тебя сыщу, тотчасъ

часъ напишетъ тебѣ прошеніе, которое подай мнѣ, и по которому я отрапортую Правленію о твоемъ состояніи. По томъ съ цѣновщиками оцѣню твой хлѣбъ, сдѣлаю опись твоимъ пожиткамъ, а послѣ начнемъ дѣло.

Тибо. И все это сдѣлается даромъ?

Земской. Это бы несправедливо было. Мѣсто мое имѣетъ свои права. Да вѣдь не ты будешь платить. Это все напередъ вычтено будетъ изъ той суммы, которую тебѣ надлежало бы заплатить Господину Вервилю.

Тибо. Такъ онъ еще менѣе получитъ.

Земской. Что тебѣ до того нужды?

Тибо. Какъ что нужды? Я конечно не дамъ тебѣ поживиться своими деньгами, съ тѣмъ, чтобы отнять ихъ у Господина Вервиля. Тебѣ я ничѣмъ не долженъ, а господину обязанъ вѣчною благодарностію за его ко мнѣ милости.

Земской. Ты все будешь съ нимъ квитъ. Вмѣсто всего долгу, достанутся ему твои пожитки; впрочемъ могу еще нѣкоторую часть изъ нихъ тебѣ сберечь; а то, что впередъ выработаешь, будетъ твое.

Тибо. А я не такъ думаю. Что у меня теперь осталось, то все отдамъ гос-

господину; а что впередъ ежедневно могу сберечь сверьхъ пропитанія своей семьи, то буду сбирать и отдавать ему, чтобы мало помалу съ нимъ разплатиться.

Земской. Не уже ли хочешь ты изтощить всѣ свои силы, работая безъ всякой прибыли? Не уже ли во всю свою жизнь станешь пахать на другихъ?

Тибо. [*Съ чувствительностію.*] Ахъ! ты не знаешь того удовольствія, которое человѣкъ чувствуетъ, будучи самъ собою доволенъ! Съ какою радостію стану по временамъ приносить ему плоды моихъ трудовъ! Какое буду чувствовать удовольствіе, доказывая ему свою благодарность; доказывая, что онъ во мнѣ не ошибся, почитая меня честнымъ человѣкомъ, и что потерявъ все мое небольшое имущество, не лишился я честности!

Земской. Теперь вижу, бѣдной Тибо, что ты въ дѣлахъ ничего не смыслишь.

Тибо. То есть, я не хочу тебѣ помогать въ твоихъ дѣлахъ. Ты думаешь, что я буду слугою твоего корыстолюбія, и желаешь завести меня въ дѣло для того только, чтобы самому получить прибыль. Для чего ты не пошелъ

къ

къ господину и не вызвался служить ему по дѣлу его со мною? Ты зналъ, что онъ по милосердію своему не захотѣлъ бы меня разсорить вконецъ, а думалъ, что я могу быть неблагодаренъ и стану стараться не заплатить того, что я ему по справедливости заплатить долженъ? Нѣтъ, Земской! забудь, естьли хочешь, его къ тебѣ милости; а что до меня касается, то я буду ихъ вѣчно помнить. До этова времени не имѣлъ я въ тебѣ нужды, а думаю и никогда имѣть не буду. Поди, ищи другихъ дѣлъ тѣмъ плутамъ, которыхъ ты называешь своими пріятелями.

Земской. Какъ! ты смѣешь меня поносить! Знаешь ли, что я рано или поздно могу отмстить тебѣ?

Тибо. Ты бы у меня скорѣе задрожалъ, естьли бы я захотѣлъ сказать Господину Вервилю о твоихъ проискахъ.

Земской. Нѣтъ, нѣтъ, любезной Тибо! Сдѣлай милость — —

Тибо. Поди вонъ, подлецъ! Я не хочу пользоваться ни твоими совѣтами, ни случаемъ къ твоему наказанію.

[*Земской уходитъ въ замѣшательствѣ.*]

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тибо. Вотъ тѣ люди, которые должны стараться о соблюденіи спокойствія въ деревняхъ! Они тово и ищутъ, чтобы сдѣлать безпорядокъ и раздоръ, и совсѣмъ разворяютъ поселянъ, заводя ихъ въ приказныя хлопоты. Вмѣсто того, чтобы стараться соглашать бѣднаго съ богатымъ, они только лишь стараются ихъ другъ съ другомъ поссорить. Какой господинъ не будетъ милостивъ къ своему откупщику, узнавъ, что откупщикъ почитаетъ его своимъ отцомъ? Будь же ты моимъ отцомъ, Господинъ Вервиль! Я поручаю тебѣ съ довѣренностію не только собственную свою судьбу, но и судьбу жены и дѣтей моихъ.

Конецъ перваго Дѣйствія.

(*Продолженіе будетъ впредь*).

ДУРАКЪ.

Одинъ знатной человѣкъ держалъ у себя въ домѣ забавнаго дурака, и однажды далъ ему посохъ, приказывая, чтобы онъ отдалъ его тому, кого найдетъ еще глупѣе себя. Черезъ нѣсколько лѣтъ по томъ господинъ занемогъ. Дуракъ пришелъ къ нему въ комнату. Больной сказалъ слабымъ голосомъ, что онъ долженъ скоро съ нимъ разстаться. Куда же хочешь ты отправиться? спросилъ дуракъ. На тотъ свѣтъ, отвѣчалъ господинъ. — „Когда же ты возвратишься къ намъ? Недѣли черезъ четыре что ли?„ — Нѣтъ! — „Такъ черезъ годъ?„ — Нѣтъ! — „Когда же?„ — Никогда! — „Что же ты припасъ на такую дальнюю дорогу и на житье въ томъ мѣстѣ, куда отправляешься?„ — Ничего! — „Ничего? сказалъ съ удивленіемъ дуракъ: такъ возьми же мой посохъ. Ты хочешь навсегда оставить насъ, а ничего не приготовилъ и ни мало не думалъ, какъ бы тебѣ жить щастливо и весело на томъ свѣтѣ, откуда ты никогда не возвратишься? Возьми же мой посохъ, возьми; потому что я не дѣлалъ еще такого дурачества — ты глупѣе меня.„

ЧЕСТНОЙ ОТКУПЩИКЪ.

Продолженіе.

ДѢЙСТВІЕ II.

ЯВЛЕНІЕ I.

Тибо, Маргарита.

Тибо. НѣтЪ, Маргарита, намЪ не чего опасаться Земскаго. УцѣряЮ тебя, что онЪ теперь боится меня гораздо болѣе, нежели я его.

Маргар. Ну слава Богу! Я знаю, что ты и для моего спокойствія не станешь меня обманывать.

Тибо. ТакЪ будь же покойна. Теперь скажу тебѣ добрыя вѣсти. Я думалЪ, что Жерве, такЪ же какЪ и я, лишился всей своей скотины; а ходя у себя по саду, увидѣлЪ сквозь заборЪ, что четыре добрыя коровы ходятЪ по его лугу.

Маргар. Ну такЪ что же, мой другЪ?

Тибо. ВѣдЬ у насЪ сЪ нимЪ есть уговорЪ, по которому двѣ изЪ этихЪ коровЪ принадлежатЪ мнѣ.

Маргар. КакЪ это?

Тибо. А вотъ какъ. Когда скотъ нашъ сталъ валиться, увидѣлъ я, что Жерве очень печаленъ. Тогда былъ я богатѣе его, и такъ обѣщался ему не покинушь его въ нуждѣ. Онъ благодарилъ меня за добрую волю мою такъ искренно, что я вздумалъ тотчасъ доказать ему дружбу свою дѣломъ. Хотя стадо мое было гораздо болѣе, нежели его, однакожь мы положили смѣшать всю нашу скотину, которая останется жива, и раздѣлить ее по поламъ. Я тогда никакъ не думалъ, чтобы это условіе было не въ его пользу; да и нынѣ бы не захотѣлъ этимъ воспользоваться, естьли бы дѣло только отъ насъ зависѣло. А теперь уже это не въ моей власти. Мнѣ должно собрать все свое и отдать господину. Я почту себя воромъ, естьли упущу хотя одну полушку.

Маргар. Да видѣлъ ли ты Жерве послѣ нашего нещастія?

Тибо. Нѣтъ, я теперь послалъ къ нему изъ саду Жоржа. Да вотъ онъ уже и возвратился.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тибо, Маргарита, Жоржъ.

Тибо. Ну что сказалъ Жерве?

Жоржъ. Что онъ не знаетъ, о чемъ я ему говорю, и не понимаетъ, какое тебѣ дѣло до его коровъ.

Тибо [*удивясь.*] Такъ надобно думать, что ты ему не то говорилъ?

Жоржъ. Нѣтъ, точно то, батюшка. Я ему отъ слова до слова сказалъ все, что ты мнѣ приказывалъ. А Жерве такъ хорошо понялъ рѣчи мои, что пересказалъ ихъ Земскому, которой у него случился. Онъ и самъ придетъ съ тобой переговорить.

Тибо. Хорошо, хорошо, одно слово насъ съ нимъ согласитъ. Жерве знаетъ самъ, что мы другъ другу обѣщали.

Маргар. Да есть ли у тебя розписка въ томъ, что онъ тебѣ обѣщалъ?

Тибо. Я не имѣю въ ней нужды. Можетъ ли быть что вѣрнѣе даннаго слова? А когда оно ничего не значитъ, такъ нѣтъ уже честности.

Маргар. Ты полагаешь, что всѣ люди такъ думаютъ, какъ ты. О другъ мой когда дѣло идетъ объ интересѣ — —

Тибо. Что ты говоришь? Я не могу такъ дурно думать о своемъ сосѣдѣ, почитавъ его всегда добрымъ человѣкомъ. Вотъ и онъ. Увидишь, какъ все хорошо кончится. [*Жоржу.*] Теперь въ тебѣ нѣтъ нужды, Жоржъ; можешь итти къ своему дѣлу.

Жоржъ. Хорошо, батюшка. — [*Уходитъ.*]

ЯВЛЕНІЕ III.

Тибо, Маргарита, Жерве.

Тибо. Хорошо сдѣлалъ, Жерве, что самъ пришелъ. Я бьюсь объ закладъ, что Жоржъ все перевралъ.

Жерве. Конечно; потому что я совсѣмъ не понялъ словъ его. Онъ мнѣ сказалъ, что ты прислалъ его за моими коровами.

Тибо. Нѣтъ, я приказывалъ ему просить у тебя моихъ.

Жерве. Твоихъ?

Тибо. Да, да, изъ тѣхъ, которыя ходятъ по твоему лугу. Вѣдь у тебя осталось четыре?

Жерве. Четыре; да развѣ онѣ твои?

Тибо

Тибо. Двѣ изъ нихъ мнѣ принадлежатъ. Развѣ мы не дали другъ другу слова, раздѣлить пополамъ все, что у насъ останется?

Жерве [*въ замѣшательствѣ.*] Однакожь, Тибо — —

Тибо. Безъ всякихъ околичностей. Скажи прямо, былъ ли между нами этотъ договоръ?

Жерве. Я не могу отъ этова отпереться, сосѣдушка; однакожь мы часто говоримъ то, чего послѣ не можемъ сдѣлать. Подумай, въ какомъ я теперь состояніи. Отъ большова стада осталось у меня только четыре скотины, а изъ нихъ еще отдашь тебѣ двухъ?

Тибо. Мое состояніе хуже твоего, потому что я принужденъ у тебя ихъ просить. Когда мы дѣлали съ тобою договоръ, то для кого казался онъ полезнѣе? Вѣдь у меня было гораздо болѣе коровъ, нежели у тебя. Не я ли хотѣлъ честнымъ образомъ помочь тебѣ? Не самъ ли ты почиталъ это за благодѣяніе съ моей стороны? Осмѣлься въ этомъ запереться.

Жерве. Такъ, сосѣдъ; да послѣ такой потери. . . .

Тибо. Вотъ какова твоя честность! Ты одинъ изъ тѣхъ людей, которые хороши бываютъ въ благополучіи; а когда придетъ нещастіе, такъ и все пропало. Маргарита знаетъ тебя болѣе, нежели я. Вижу, какъ надобно думать о прямодушіи людей!

Жерве. Земской сказалъ мнѣ, что и Правленіе не можетъ меня въ этомъ обвинить.

Тибо. Мнѣ уже не чего съ тобою говорить, когда ты совѣтуешься съ крючками прежде, нежели съ совѣстію. Я былъ твой другъ, да еще и теперь не забылся столько, чтобы тащить тебя въ судъ, и публично заставить признаться въ своей нечестности. Уступаю тебѣ коровъ твоихъ. Я бы никогда не потребовалъ ихъ, естьли бы мнѣ не надобно было употребить всѣхъ средствъ для разплаты съ Господиномъ Вервилемъ. Теперь лишній годъ на него проработаю. Поди отъ меня. Я забываю твое слово.

Жерве [горестнымъ голосомъ.] О Тибо! ты колишь меня ножемъ въ сердце! (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тибо, Маргарита.

Тибо [*закрывъ лицо руками.*] Онъ меня обманулъ. А я почиталъ его вѣрнѣйшимъ другомъ своимъ! Могъ ли этова ожидать отъ него?

Маргар. [*подходя къ нему.*] Полно, другъ мой. Теперь пришла моя очередь утѣшать тебя.

Тибо. О Маргарита! я не тужу о потерѣ богатства, но не могу не тужить о потерѣ дружбы!

Маргар. Успокойся; мы найдемъ лучшихъ друзей. Вотъ богатой Робертъ. Можетъ быть онъ пришелъ съ какимъ нибудь хорошимъ предложеніемъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тибо, Маргарита, Робертъ.

Робертъ. Здравствуй, Тибо! Ну, какъ идутъ твои дѣла?

Тибо. Худо, Робертъ. Тебѣ конечно извѣстно, что я совсѣмъ раззорился.

Робертъ. Такъ, мнѣ это сказывали; за тѣмъ я къ тебѣ и пришелъ.

Тибо. Я всего лишился.

Робертъ. Какъ! у тебя еще прекрасная рожь; ты можешь за нее взять хорошія деньги. Естьли хочешь ее продать, Робертъ твой покупщикъ. Я куплю ее на корнѣ, такъ какъ она есть, и заплачу чистыя денежки. Что же ты скажешь?

Тибо. Я очень радъ, что ты хочешь купить эту рожь. Господинъ нынѣшнимъ утромъ сюда пріѣдетъ. Ты можешь съ нимъ договориться. Я не буду у тебя переторгивать.

Робертъ. Что мнѣ нужды до господина? Это твоя рожь.

Тибо. Назадъ тому нѣсколько дней была она моя; а теперь уже нѣтъ.

Робертъ [*съ удивленіемъ.*] Какъ! развѣ ты ему продалъ ее?

Тибо. Нѣтъ; но когда померла вся моя скотина, то мнѣ уже не чѣмъ ему платить. Я отдаю ему все, что имѣю.

Робертъ. Развѣ ты съ ума сошелъ? Пока онъ по формѣ не откажетъ за собою твоего хлѣба, до того времени хлѣбъ твой, и ты можешь дѣлать съ нимъ, что хочешь. Ты и такъ уже много потерялъ. Спроси у Маргариты, что она объ этомъ думаетъ.

Мар-

Маргар. Я думаю, что намъ надобно, чего бы то ни стоило, заплатить весь свой долгъ. Пусть мы лишились своей скотины: да вѣдь ее не господинъ у насъ отнялъ. Чѣмъ онъ виноватъ? Потеря наша.

Робертъ. Не уже ли надобно отдать и послѣдній кусокъ хлѣба? Вѣдь должно что нибудь поберечь на поправку своего состоянія.

Тибо [посмотря на него сурово.] Поберечь съ убыткомъ нашего милостиваго господина?

Робертъ. Онъ богатъ. Все, что ты ему отдашь, будетъ для него менѣе, нежели для тебя талеръ.

Тибо. Конечно онъ можетъ и безъ этова жить; но мнѣ ли отнимать у него? Честно ли это будетъ?

Робертъ. Да развѣ ты не знаешь, что онъ человѣкъ жалостливой и великодушной?

Тибо. Для того-то и не должно во зло употреблять его великодушія.

Маргар. Развѣ можно противъ него поступать безчестно, для того, что онъ честно поступаетъ противъ другихъ?

Тибо. Нѣтъ, Робертъ, это бы было мерзко.

Робертъ. Не будь такъ гордъ, и подумай хорошенько. Вѣдь какъ на что посмотришь. Онъ конечно бы сдѣлалъ тебѣ добро: сдѣлай же добро самъ себѣ. Развѣ это будетъ худое дѣло, когда ты включишь себя въ число тѣхъ нещастныхъ, которымъ онъ помогаетъ?

Тибо. Не долго бы онъ пользовался этимъ удовольствіемъ, естьли бы всѣ откупщики его послѣдовали твоимъ совѣтамъ.

Робертъ. Какъ ты упрямъ! Я только попустому теряю время. Мнѣ осталось сказать тебѣ одно слово. Хочешь ли ты продать мнѣ свою рожь, или нѣтъ?

Тибо [*съ презрительною усмѣшкою*] А! я теперь тебя понимаю. Знаю, для чего ты берешь такое участіе въ моемъ нещастіи. Послушай. Ты богатъ, и эта покупка для тебя ничего не стоитъ. Я знаю лучшій способъ, которымъ мы оба съ тобою поживиться можемъ.

Робертъ. Хорошо, хорошо! Посмотримъ, что такое.

Тибо. Господинъ сюда скоро будетъ. Съ нимъ всегда полной кошелекъ, золотые часы и другія дорогія вещи. Хочешь ли итти въ лѣсокъ, чтобы тамъ его ограбить? Тутъ будетъ не мало прибыли.

Ро-

Робертъ [*отступя нѣсколько шаговъ назадъ.*] Что ты говоришь, Тибо?

Тибо. Вѣдь онъ богатъ. Чего онъ тутъ лишится, то будетъ для него менѣе, нежели для насъ талеръ.

Робертъ. Хорошо, а висѣлица?

Тибо. Такъ только она тебя останавливаетъ! — Робертъ! естьли бы я былъ судья, то бы доказалъ тебѣ, что дѣло, которое ты мнѣ предлагаешь, не менѣе достойно висѣлицы. Отнять у человѣка деньги, или захватить плоды его земли, за которую платишь не нѣмъ — я не знаю, Робертъ, которая изъ этихъ двухъ кражъ хуже.

Робертъ. Я вижу великую розницу.

Тибо. Можетъ быть; однакожь, подумавши объ этомъ хорошенько, ты конечно со мною согласишься.

Робертъ. Нѣтъ, нѣтъ, братъ! Худой бы барышъ получилъ я, естьли бы такъ думалъ. Подумай самъ хорошенько, Тибо. Что, господинъ твой будетъ тебя благодарить, когда ты для него совсѣмъ разсоришься? Нѣтъ, онъ только презритъ тебя, и хуже съ тобою поступитъ.

Тибо. Да, естьли бы у него было такое сердце, какъ у тебя, то бы я имѣлъ причину боятся его. *Ро-*

Робертъ. Да скажи мнѣ, упрямой человѣкъ, что я сдѣлалъ худова, хотѣвши избавить семью твою отъ совершенной бѣдности? Ты будешь причиною мученія и смерти дѣтей своихъ. Я прошу тебя только о томъ, чтобы ты за сходную цѣну продалъ мнѣ рожь свою. Этими деньгами —— ——

Тибо [*схвативъ его за руку.*] Робертъ! въ восемь дней я потерялъ все свое имущество, и скоро не буду имѣть ни одной полушки. Однакожь прежде, нежели вздумаю доставать себѣ пропитаніе какимъ нибудь безчестнымъ образомъ [*снявъ шляпу*] прошу тебя, Боже, убить меня громомъ Своимъ!

Робертъ [*съ насмѣшливымъ видомъ.*] Хорошо. Что тебѣ нужды до жены и до дѣтей? Пускай онѣ умираютъ съ голоду. Лежа на соломѣ, ты къ удовольствію своему услышишь, что о тебѣ скажутъ: Тибо доброй, честной человѣкъ!

Тибо. А тебя будутъ всегда называть плутомъ. Негодяй! тебѣ и безъ того не льзя прожить денегъ своихъ, а ты такъ жаденъ къ прибыткамъ, что хочешь грабить другихъ, и сдѣлать меня такимъ же злодѣемъ, каковъ самъ ты!

[*Схва-*

[*Схвативъ его за плеча.*] Выдь сію минуту изъ моего дому, или я тебя прибью. [*Выгоняетъ его.*]

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тибо, Маргарита.

Тибо. Я въ жизнь свою не видывалъ такова безстыднова плута. Ему извѣстно, что я не могу терпѣть ни малѣйшей несправедливости, а онъ пришелъ предлагать мнѣ страшной грабежъ. Не осмѣлился бы онъ этова сдѣлать, когда я былъ въ хорошомъ состояніи. Бѣдность ужасна, когда она подвергаетъ человѣка такимъ обидамъ. О Маргарита! употребимъ всѣ наши силы, чтобы не поколебаться въ бѣдности! Чѣмъ мы бѣднѣе, тѣмъ честнѣе быть должны.

Маргар. Иначе подумали бы, что мы были честны отъ богатства.

Тибо. Это утѣшаетъ меня въ теперешнемъ моемъ огорченіи. Жена! не станемъ слушать другихъ. Намъ нѣтъ ни въ комъ нужды. [*Слышитъ стукъ у дверей*] Кто стучитъ? Не уже ли мнѣ ни одной минуты покою не будетъ?

(*Продолженіе будетъ впредь*).

АНЕКДОТЫ.

Почти всѣ преступленія произходятъ отъ неразсудительности. Рѣдко погрѣшаютъ съ намѣреніемъ, еще рѣже по невѣдѣнію, а по большой части отъ недостаточнаго разсужденія, или отъ излишней поспѣшности. Одна Сократова привычка служитъ въ семъ случаѣ наилучшимъ наставленіемъ. Когда онъ, слѣдуя Греческому обычаю, много бѣгивалъ или разгорячался отъ другихъ тѣлесныхъ упражненій, то никогда вдругъ не пивалъ, подошедши къ колодцу, но пошихоньку лилъ въ ведро воду, и опять выливалъ ее. Сей Философъ дѣлалъ это не только для того, что въ жару пить опасно; но болѣе для того, чтобы вообще не удовлетворять вдругъ своимъ желаніямъ, и прежде подумать. Ни въ какомъ случаѣ разсудительность не бываетъ такъ нужна, какъ въ разговорахъ. И такъ изреченіе Поэта Симонидеса есть важная истина: *Часто раскаиваются въ томъ, что сказали; но никогда не раскаиваются въ томъ, что умолчали.*

Не многіе люди терпѣливо сносятъ то, что заочно говорятъ объ нихъ дурно. Сократъ съ величайшимъ равнодушіемъ слушалъ, что его поносятъ за глаза, и всегда говаривалъ: *Естьли заочно и бить меня станутъ, такъ я ни слова не скажу.*

Еще большую терпѣливость оказалъ Царь Антигонъ. Сидя въ своей ставкѣ, услышалъ онъ, что двое воиновъ, которые стояли подлѣ ставки, весьма злобно бранили его. Слушавъ нѣсколько минутъ сію брань, выглянулъ онъ изъ ставки, и сказалъ: *Естьли хотите такъ говорить обо мнѣ, то отойдите подалѣе, чтобы я этова не слыхалъ.*

Діонисій, Сиракузской Тиранъ, спросилъ съ насмѣшкою Философа Аристиппа: „отъ чего бы это произходило, что Философы такъ часто ходятъ къ знатнымъ людямъ, а знатные никогда не ходятъ къ Философамъ?„ — Это произходитъ отъ того, отвѣчалъ Аристиппъ, что Философы нужды свои знаютъ, а знатные нѣтъ.

Павелъ Эмилій, ободряя побѣжденнаго и унылаго Персея, сказалъ побѣдившимъ Римлянамъ: *Вотъ примѣчанія достойной примѣръ непостоянства вещей человѣческихъ! Вамъ наиболѣе говорю сіе, о юноши! Никогда не должно во дни щастія гордиться и угнѣтать людей нещастныхъ; никогда не должно полагаться на щастіе. Тотъ единственно есть мужъ, котораго душа въ щастіи не превозносится и въ нещастіи не унываетъ.*

ЧЕСТНОЙ ОТКУПЩИКЪ.

Продолженіе.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тибо, Маргарита, Пелажъ.

Пелажъ. Здравствуйте, добрые люди!

Тибо [*подойдя къ нему съ грубымъ видомъ.*] Что тебѣ надобно, Пелажъ? Что, и ты пришелъ предлагать намъ какое нибудь безчестное дѣло?

Пелажъ [*тихимъ голосомъ.*] Я, Тибо? Развѣ ты когда нибудь слыхалъ отъ меня такія предложенія?

Тибо [*обнимая его.*] Нѣтъ, нѣтъ, прости меня. Этому причиною остатокъ моей досады. Естьли бы ты зналъ, что со мною въ этотъ часъ случилось, то бы конечно извинилъ недовѣренность мою ко всѣмъ людямъ на свѣтѣ. Приказной хочетъ, чтобы я покрывилъ душею; другъ мой платитъ за мое благодѣяніе неблагодарностію; а самой богатой крестьянинъ въ нашей деревнѣ хочетъ за деньги купить честность мою.

Пелажъ. Забудь этихъ подлецовъ. Естьли зло почитаютъ они своимъ ремесломъ, то тебѣ не надобно на нихъ

сердиться. Послушай — дѣло все состоитъ въ двухъ словахъ. Я знаю, что ты не въ состояніи платить Господину Вервилю. На сей разъ не могу тебѣ дать всей суммы. Попроси сроку. У меня есть что заложить; я буду твой порука, а ты можешь оставить за собою откупъ.

Маргар. [*мужу своему, которой отъ великаго изумленія стоитъ неподвижно.*] Видишь, другъ мой, какая добродѣтель! [*Пелажу.*] Любезной сосѣдъ! какъ пришла тебѣ къ голову такая спасительная для насъ мысль?

Пелажъ. Это ни мало не удивительно. Добродушной Тибо, думалъ я, помогалъ всѣмъ тѣмъ, которыхъ онъ видѣлъ въ нуждѣ; жалко будетъ, естьли ему теперь никто не поможетъ — подумалъ и пришелъ къ вамъ.

Маргар. [*про себя.*] Самъ Богъ послалъ его къ намъ.

Пелажъ. Тибо! ты не говоришь ни слова? [*Подаетъ ему руку.*]

Тибо [*схвативъ его руку, и сжавъ ее крѣпко*] Любезной Пелажъ! не думай, чтобы это происходило отъ нечувствительности. Я сердечно тронутъ твоимъ

имѣ предложеніемъ; однакожь никакъ немогу принять его.

Пелажъ. Для чего же? Оно для тебя не безполезно. Какъ бы ни хорошо былъ разположенъ къ тебѣ Господинъ Вервиль, однакожь дѣло пойдетъ еще лучше, когда я поручусь; ему уже не можетъ быть никакова убытку.

Тибо. Но кто же тебѣ за меня будетъ порукою?

Пелажъ. Твоя честность, разумъ твой и твое трудолюбіе.

Тибо. Видишь, какъ все это надежно! Одинъ худой годъ раззорилъ меня, а другой можетъ и тебя раззорить со мною.

Пелажъ. Нужды нѣтъ; иду на то.

Тибо. А этова я и не хочу. Довольно и того, что я наказываюсь съ своею семьею: на что мнѣ еще наказывать друзей своихъ? Я бы совсѣмъ покою лишился. Туманъ, облачко, не большой вихрь, приводили бы меня въ страхъ.

Пелажъ. Естьли бы ты зналъ, любезной Тибо, какъ огорчаетъ меня твой отказъ! Не уже ли я не могу ничего для тебя сдѣлать?

Тибо. Ты уже довольно для меня сдѣлалъ, облегчивъ бѣдное мое сердце. Оно разтерзано; но слезы, которыя вижу въ

твоихъ глазахъ, цѣлятъ раны его. О другъ мой! какъ ми тяжело сдѣлаться для другихъ жалкимъ, однакожь сожалѣніе гораздо сноснѣе поношенія! Благодаря Бога, ты никогда не будешь жалѣть, что знакомъ со мною. Гдѣ бы я съ тобою ни встрѣтился, не будетъ мнѣ нужды надвигать на глаза шляпы, или отворачивать голоры, чтобы не покраснѣть отъ твоего взора.

Пелажъ. Чѣмъ ты упорнѣе, тѣмъ болѣе чувствую къ тебѣ дружбы. А ты, жестокой человѣкъ, не хочешь быть моимъ другомъ!

Тибо. Подумай, другъ мой, подумай! Я знаю, что ты не богатъ. Другъ ли я тебѣ буду, когда доведу тебя до разворенія, для того чтобы самому черезъ то поправиться? Нѣтъ, любезной сосѣдъ, я еще никого не раззорялъ; да и впередъ этова обо мнѣ не скажутъ. Во всю жизнь свою хочу засыпать съ сердцемъ невиннымъ. Только въ такомъ состояніи солома кажется царскою постелею.

Пелажъ. Болѣе тебя не принуждаю. Чувствую, что я недостоинъ вывесть тебя изъ нужды. Конечно Самъ Богъ хочетъ помочь тебѣ. Только о томъ прошу тебя, чтобы послѣ Него избралъ

ты

ты меня въ первые свои помощники. Руки мои, и все, что имѣю, все къ твоимъ услугамъ. Прощай.

[*Уходитъ. Тибо провожаетъ его до дверей, пожимая его руку.*]

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тибо, Маргарита.

Тибо. Ну, слава Богу, Маргарита! у меня есть другъ! Однакожъ хорошо, что онъ ушелъ. Можетъ быть я бы склонился на его прозьбу, боясь его огорчить. Теперь мы избавились отъ этова жестокова искушенія. Надобно только впередъ отъ него беречься. Ну, жена, пойдемъ! Такъ и быть. Соберемъ наши пожитки до послѣдней бездѣлицы. Приготовимъ все къ пріѣзду господина. Мнѣ прискорбно будетъ, естьли онъ подумаетъ, что мы хотя минуту колебались въ исполненіи своей должности.

[*Занавѣсъ опускается.*]

Конецъ втораго Дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ. III.

[*Занавѣсъ подымается; вездѣ разбросаны разныя пожитки, а на столѣ лежитъ связка платья и бѣлья.*]

ЯВЛЕНІЕ I.

Тибо, Маргарита.

Тибо. Ободрись, Маргарита, скрѣпи свои силы сколько можешь, пока мы всѣ свои хлопоты кончимъ.

Маргар. Кажется, что все уже кончено.

Тибо. Какъ! намъ уже не чего больше отдать господину? Я никогда такъ не желалъ быть побогатѣе, какъ теперь, когда разстаюсь со всѣмъ своимъ богатствомъ. Вездѣ ли ты пересмотрѣла?

Маргар. Вездѣ, мой другъ. Я всякой ящикъ опрокидывала.

Тибо [*отдыхая.*] Теперь мнѣ легче. А то казалось, что все это лежало у меня на сердцѣ и его давило.

Маргар. Ты, думаю, очень усталъ. Не хочешь ли выпить рюмку вина?

Тибо. Налей и себѣ и мнѣ въ этотъ стаканъ.

[*Беретъ со стола серебрянной стаканъ.*]

Мар-

Маргар. [*наливая.*] Что съ тобою сдѣлалось? Рука у тебя дрожитъ.

Тибо. Ты знаешь, какъ давно этотъ стаканъ въ семьѣ нашей.

Маргар. Однакожь онъ выходитъ изъ нее не за худое дѣло.

Тибо. Дѣдъ при смерти своей всегда отдавалъ его старшему внуку своему, а мнѣ уже не льзя будетъ отдать его моему внуку!

Маргар. Что же объ этомъ тужить! Тѣмъ дѣйствительнѣе будетъ твое благословеніе.

Тибо. Я конечно буду имѣть это удовольствіе. [*Пьетъ и потомъ показываетъ стаканъ женѣ.*] Посмотри, я тутъ сдѣлалъ твой и мой вензель.

Маргар. Ну что же, мой другъ? Этотъ вензель не заставляетъ насъ краснѣться. Сердца наши были всегда болѣе связаны, нежели имена.

Тибо. Да и вѣчно будутъ, хотя и въ послѣдній разъ пьемъ мы изъ этова стакана. Возьми же, любезная Маргарита. [*Подаетъ стаканъ Маргаритѣ, которая подноситъ его ко рту со вздохомъ.*] Теперь надобно разкласть все хорошенько. Начнемъ съ моего подвѣнечнаго кафтана. [*Снимаетъ его со стола,*

развертываетъ и разсматриваетъ.] Какъ же я былъ доволенъ, Маргарита, когда надѣлъ его въ первой разъ, пошедши съ тобою въ церковь! Сколько разъ онъ веселилъ сердце мое пріятнымъ воспоминаніемъ! Никогда не открывалъ я шкафа безъ того чтобы на него непоглядѣть; а глядя на него, никогда не бывало, чтобы я не думалъ съ радостію о томъ днѣ, въ которой была наша свадьба. Теперь онъ веселитъ меня другимъ образомъ.

Маргар. А какъ, другъ мой?

Тибо. Я радуюсь тому, что сберегъ его на уплату нашего долгу. Посмотри, какъ онъ еще новъ. Нынѣ уже не дѣлаютъ такихъ большихъ рукавовъ и широкихъ складокъ. Хорошо, что въ то время не жалѣли сукна. Изъ него выдетъ нынѣшнихъ два кафтана.

Маргар. Вотъ и мое платье. Надобно ихъ положить рядомъ. Мы попросимъ господина, чтобы онъ ихъ вмѣстѣ продалъ. Мнѣ жаль будетъ, естьли ихъ разрознятъ.

Тибо. Не будь такъ суевѣрна, Маргарита. Что намъ нужды, естьли ихъ и врозь продадутъ? Вѣдь сердца наши все такъ же соединены будутъ.

Мар-

Маргар. Нѣтъ, Тибо, я этова не боюсь. Это не суевѣріе, другъ мой; это . . . . не знаю, какъ тебѣ сказать. Однакожь мнѣ бы хотѣлось, чтобы они были все вмѣстѣ.

Тибо. Ну будь покойна. Господинь конечно уважитъ эту небольшую слабость. [*Ему попадается маленькой узелокъ, обвернутой чистою холстиною.*] Что это за узелокъ?

Маргар. Валентиновъ. Ты помнишъ, что мы нашли эти вещи и бѣлье вмѣстѣ съ нимъ въ колыбели. Надобно, чтобы это дорогова стоило. На, посмотри.

Тибо [*увидѣвъ, что Маргарита хочетъ развязывать узелъ, хватаетъ ее за руки.* Нѣтъ, жена, мы не имѣемъ на это никакова права, да и господинъ не можетъ требовать того, что принадлежитъ Валентину. Естьли бы онъ былъ сынъ нашъ, такъ бы другое дѣло. Положи узелокъ въ эту коробочку. Мы поговоримъ объ этомъ съ Господиномъ Вервилемъ.

Маргар. Да, естьли онъ будетъ доволенъ нашими словами!

Тибо. Я не сомнѣваюсь. Онъ чувствителенъ и справедливъ. Когда я раз-

скажу ему всю исторію, онѣ конечно со мною согласится.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тибо, Маргарита, Луизона.

Луизона [*неся на плечахъ платье.*] Возьми, батюшка. Вотъ мое и Жаннетино праздничное платье. На столѣ что ли его положить?

Тибо. На столѣ, душинька, подлѣ нашего.

Маргар. [*заплакавъ.*] Бѣдныя дѣти! какъ мнѣ васъ жаль!

Тибо. Онѣ радуютъ, а не печалятъ насъ. Не уже ли плакать о томъ, что онѣ честны? [*Съ нѣжностію цѣлуетъ Луизону.*] Скажи мнѣ, хочется ли тебѣ, чтобы у тебя этотъ нарядъ остался?

Луизона. Конечно бы хотѣлось, естьли бы и у васъ съ матушкой платье осталось. А какъ вы оба должны его отдать господину, то и мнѣ не надобно моего. Вѣдь тебѣ надобно отдать ему все то, что имѣешь?

Тибо. Все, дочь моя.

Луиза-

Луизона. Я лучше хочу ходить вся въ изодранномъ, нежели слушать, чтобы про меня говорили: смотри, какъ Луизона на чужія денешки щеголяетъ!

Тибо. Хорошо, другъ мой. Такъ надобно разсуждать. Съ такими мыслями человѣкъ всегда щастливъ, всегда почтенъ и покоенъ.

Маргар. Отецъ говоритъ правду; небойся никакой нужды. Мы будемъ работать день и ночь, чтобы вы съ сестрою были довольны.

Луизона. И мы также станемъ всѣми силами работать, чтобы вамъ за то заплатить.

Тибо. Надѣюсь, что помогая такимъ образомъ другъ другу, можемъ мы выйти изъ нашего бѣдственнаго состоянія. А естьли мы и навсегда останемся въ бѣдности, то покрайней мѣрѣ не будемъ ничѣмъ упрекать себя. Ни одинъ человѣкъ въ свѣтѣ неосмѣлится васъ презрѣть. Послѣ нашей смерти могутъ вамъ сказать: родители ваши были бѣдны; а никогда и ни кто не скажетъ, что они были безчестные люди. Вамъ не стыдно будетъ итти на ихъ могилу плакать. Никто васъ не отолкнетъ

кнетъ отъ нее, чтобы въ глазахъ вашихъ топтать ее съ гнѣвомъ.

Луизона [*стараясь улыбкою скрыть слезы свои.*] Я пойду, батюшка, и посмотрю, не забыла ли чего нибудь. Когда Жанета все сдѣлаетъ, такъ мы еще что нибудь принесемъ вамъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тибо, Маргарита.

Тибо. Что, жена, опять печальной видъ? Не уже ли намъ у дѣтей учиться твердости? Намъ надобно сохранять горячую любовь ихъ, и не подавать имъ причины думать о себѣ худо. Имъ извѣстно, что не безпорядочная жизнь причиною нашего раззоренія; однакожь мы можемъ показаться имъ виноватыми, естьли предадимся малодушному отчаянію. Забудемъ свое нещастіе; а станемъ только утѣшаться любезными дѣтьми нашими.

Маргар. Такъ, мой другъ, для матери нѣтъ ничего утѣшнѣе милыхъ дѣтей. Могла ли я надѣяться по ихъ лѣтамъ найти въ нихъ столько твердости и ума?

Тибо.

Тибо. А почему? Я съ своей стороны никогда не думалъ, чтобы такая добрая жена не родила мнѣ такихъ же добрыхъ дѣтей. Онѣ будутъ посохомъ нашей старости. Мы можемъ смѣло на него опереться, когда лѣта приведутъ насъ въ слабость . . . Я слышу Валентиновъ голосъ. Мнѣ надобно переговорить съ нимъ о важномъ дѣлѣ. Маргарита! сдѣлай одолженіе, оставь меня съ нимъ одного.

Маргар. Что это? Развѣ я менѣе твоего беру участія во всемъ томъ, что до него касается? Не уже ли ты думаешь, что онъ мнѣ не такъ дорогъ, какъ тебѣ?

Тибо. Самой твоей горячности къ нему я и боюсь теперь.

Маргар. Ты меня приводишь въ страхъ. Что это за тайность? Не нещастіе ли какое — —

Тибо. Нѣтъ, другъ мой; напротивъ того дѣло идетъ о его благополучіи.

Маргар. А ты не хочешь, чтобы я была тому свидѣтельницею?

Тибо. Ну останься, естьли хочешь. Однакожь обѣщай мнѣ ни въ чемъ не про-

противорѣчить. Естьли его любишь, естьли думаешь только о его благополучіи, то ты должна уговаривать его на то, что я ему предлагать буду.

Маргар. Для чего ты мнѣ прежде не объявилъ своего намѣренія?

Тибо. Вотъ онъ. Ты узнаешь все при немъ.

(Продолженіе будетъ впредь.)

НАСМѢШКИ

Одинъ не весьма разумной человѣкъ наскучилъ своими безразсудными вопросами знакомому своему. Между прочимъ хотѣлъ онъ знать, кто изъ Спартанцевъ всѣхъ умнѣе. Тотъ, отвѣчалъ ему знакомой, которой всѣхъ менѣе на тебя похожъ.

Царь Антіохъ, показывая Аннибалу армію, которую хотѣлъ онъ послать противъ Римлянъ, и гордясь блескомъ и богатствомъ оружія, спросилъ Карѳагенца: *Какъ ты думаешь, довольно ли этова для Римлянъ?* Аннибалъ отвѣтствовалъ: *Хотя и знаю великое корыстолюбіе ихъ, однакожъ думаю, что они будутъ этимъ довольны.*

Одинъ болтунъ остановилъ на улицѣ Философа Аристотеля и разсказывалъ ему множество вздору, безпрестанно приговаривая: *не чудно ли! Это нетакъ чудно*, сказалъ Философъ, *какъ то, что человѣкъ, имѣющій ноги, можетъ стоять и слушать твое пустословіе.*

АНГЛІЙСКОЙ ОТВѢТЪ

Въ одномъ городѣ сдѣлался пожаръ. Одинъ изъ начальниковъ, человѣкъ сердитой и грубой, по своей должности спѣшилъ туда, гдѣ горѣло. Онъ нашелъ на дорогѣ нѣсколько человѣкъ мѣщанъ, которые стояли въ кучѣ, и закричалъ имъ: канальи! бездѣльники! ступайте прочь! — Всѣ побѣжали, кромѣ одного, которой съ смѣста не тронулся. — „Развѣ ты не слыхалъ, что я сказалъ? — „Слышалъ; а какъ я не каналья и не бездѣльникъ, такъ мнѣ и бѣжать отсюду не за чѣмъ.

ЧЕСТНОЙ ОТКУПЩИКЪ.

Продолженіе.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тибо, Маргарита, Валентинъ.

Валентинъ. Здравствуй, батюшка! я пришелъ у тебя спросить, здоровъ ли ты возвратился.

Тибо. Слава Богу, Валентинъ! какъ видишь.

Валентинъ. Что, какъ тебя господинъ принялъ?

Тибо. Такъ какъ я желалъ. Онъ не изъ тѣхъ гордыхъ и нечувствительныхъ людей, которые думаютъ, что бѣдной крестьянинъ носитъ на себѣ одно имя человѣка. Скоро самъ онъ будетъ сюда для разчета со мною. А въ уплату своего долгу отдамъ ему все то, что видишь.

Валентинъ. Какъ! ты вдругъ лишишься того, что наживалъ такъ долго?

Тибо. Это еще будетъ для меня нынѣ не самое тяжелое. Я принужденъ разстаться съ тѣмъ, что для меня гораздо важнѣе этова.

Валентинъ. Да что же у тебя еще останется?

Тибо. Ты, Валентинъ — ты, котораго я такъ любилъ.

Валентинъ. Я, батюшка?

Маргар. [*съ великимъ движеніемъ.*] Что ты говоришь?

Тибо. Когда это слово сорвалось у меня съ языка, такъ уже скажу тебѣ, любезной сынъ, что намъ должно разстаться.

Валентинъ. За что же ты меня отъ себя отсылаешь? Развѣ я передъ тобой въ чемъ виноватъ?

Маргар. Никогда, никогда ты не былъ виноватъ. Я скажу это передъ Самимъ Богомъ. Ты самъ знаешь, Тибо, какъ онъ всегда слушалъ и любилъ насъ.

Тибо. Я то же скажу, Маргарита. Такъ, Валентинъ, ты сдѣлалъ для насъ во сто разъ болѣе, нежели мы могли отъ тебя требовать. Я тебя люблю какъ прямой отецъ; однакожь ты знаешь, что я въ самомъ дѣлѣ не отецъ твой. Естьли бы мы были въ прежнемъ положеніи, ты бы навсегда остался сыномъ нашимъ, сыномъ любезнѣйшимъ. Всѣ дѣти мои почитаютъ тебя своимъ братомъ.

томъ. Мнѣ хотѣлось, чтобы послѣ смерти моей ты раздѣлилъ съ ними небольшое мое имѣніе, которое собралъ я съ твоею помощію. Эта надежда, пріятная моему сердцу, теперь изчезла. У насъ не осталось ничего; не льзя даже думать, чтобы мы и впередъ поправились.

Валентинъ. И въ самую эту минуту вздумалъ ты изключить меня изъ числа своихъ дѣтей?

Тибо. Такъ надобно. Долгъ крови привязываетъ дѣтей къ участи родителей, какова бы ни была она. Естьли мы терпимъ, то и онѣ вмѣстѣ съ нами терпѣть должны. Но какое право имѣю я обременять тебя моимъ нещастіемъ? Нѣтъ, Валентинъ, я тебѣ какъ другъ совѣтую, а естьли надобно, то приказываю какъ отецъ, чтобы ты отошелъ отъ нещастнаго. Тебѣ уже пора о себѣ стараться. Немогши тебя обогатить, радуюсь по крайней мѣрѣ тому, что воспиталъ тебя добрымъ человѣкомъ, и открылъ тебѣ путь къ благополучію.

Валентинъ. Естьли ты хочешь, чтобы я тебя оставилъ, такъ не надобно говорить объ этихъ одолженіяхъ; на-

добно, чтобы я ихъ совсѣмъ забылъ. Ты спасъ жизнь мою еще въ колыбели; женя твоя кормила меня своимъ молокомъ; ты воспитывалъ меня, не ожидая за то награжденія — и послѣ всѣхъ такихъ благодѣяній велишь ты мнѣ быть неблагодарнымъ?

Тибо. Я сдѣлалъ для тебя только то, что всякой человѣкъ обязанъ сдѣлать для другова человѣка. Я былъ бы чудовище, естьли бы далъ тебѣ погибнуть.

Валентинъ. Я самъ буду чудовище, естьли нынѣ оставлю тебя безъ помощи.

Тибо. Ты меня знаешь, Валентинъ. Я почитаю за безчестіе жить на щетъ другихъ.

Валентинъ. И такъ жизнь моя до нынѣшняго дня была безчестна; потому что я жилъ твоимъ хлѣбомъ.

Тибо. Развѣ ты не платилъ мнѣ за то своею работою?

Валентинъ. Пусть я трудами своими заплатилъ тебѣ за твои труды; однакожь сердце мое еще не заплатило тебѣ за любовь твою. Вспомни, батюшка, вспомни время моего младенчества, въ которое былъ я чужой человѣкъ въ семьѣ твоей. Сколько разъ ты обнималъ меня, пришедши съ работы, на которой ты бывалъ

бывалъ долѣе для того только, чтобы меня прокормить! А ты, матушка, не уже ли забыла тѣ нѣжныя ласки, которыми меня осыпала въ самое то время, когда я отнималъ хлѣбъ у дѣтей твоихъ? Когда весь свѣтъ меня оставилъ, вы меня призрили; а теперь хотите, чтобы я васъ оставилъ? Я былъ у васъ сыномъ для того, чтобы быть наслѣдникомъ вашего имѣнія, а теперь откажусь отъ васъ, чтобы не быть участникомъ вашего нещастія? Естьли вамъ могло это на мысль притти, то вы конечно меня презираете. [*Маргарита хочетъ говорить, но отъ слезъ не можетъ сказать ни слова*]

Тибо. Презирать тебя, Валентинъ? Нѣтъ, другъ мой, теперь почитаю тебя еще болѣе. Однакожь я уже сказалъ, что пора тебѣ самому о себѣ думать.

Валентинъ. Нѣтъ, я только о тебѣ думаю. Я хочу обременять себя твоею работою; хочу мучиться твоими горестями. Голову свою, руки, все что имѣю, все отдаю тебѣ. Здѣсь ли ты останешься или пойдешь куда, я отъ тебя не отстану. Бѣги отъ меня, а я побѣгу за тобою. Ты конечно отворишь мнѣ двери свои, когда услышишь, что

я во всю ночь буду стонать у избы твоей.

Тибо. Можетъ быть у меня и избы не будетъ.

Валентинъ. Такъ я пойду за тобою въ дремучій лѣсъ, на вершину каменныхъ горъ, въ подземельныя пещеры. Нигдѣ не уйдешь отъ меня.

Маргар. [*плача взрыдъ.*] Слышишь, мой другъ!

Валентинъ [*бросяясь къ ней.*] Ахъ! Матушка! я зналъ, что ты не оттолкнешь меня отъ сердца своего!

Тибо [*заплакавъ горько.*] Дай и мнѣ обнять себя, любезной сынъ мой! Теперь я прошу тебя, чтобы ты насъ не покидалъ.

Валентинъ. Никогда, никогда, батюшка! Не имѣя ни родителей, ни друзей, кого могу любить болѣе васъ? Вы стали мнѣ въ тысячу разъ дороже послѣ того, какъ всего лищились. Прежде я не жалѣлъ для васъ трудовъ своихъ, а теперь и крови своей не пожалѣю. Ахъ, батюшка! естьли мы уже вѣчно будемъ жить съ тобою, такъ прижми меня еще крѣпче къ сердцу своему!

ЯВЛЕНІЕ V.

Тибо, Маргарита, Жерве.

Жерве [входя въ конецъ предыдущей сцены, и бросаяся къ Тибо.] А меня, Тибо, не уже ли оттолкнешь ты отъ себя?

Тибо [смотря на него съ гнѣвомъ] Ты опять пришелъ сюда, нещастной! Не ужели ты еще недоволенъ тѣмъ, что обманулъ меня? Для чего хочешь своимъ присутствіемъ отнимать у меня то удовольствіе, которое чувствую въ эту минуту?

Жерве. Не мучь меня болѣе. Я уже и такъ жестоко наказанъ совѣстію моею. Ты можешь опять сдѣлать меня честнымъ человѣкомъ, или самымъ презрительнымъ въ глазахъ у всѣхъ людей и въ собственныхъ моихъ.

Тибо. Чего же ты отъ меня требуешь?

Жервей. Дружбы твоей. Не думай, Тибо, чтобы я когда нибудь отказался отъ нее для подлаго интереса! Тебѣ извѣстно мое раззореніе. Меня ослѣпилъ страхъ, что дѣти мои могутъ лишиться пропитанія. Худо помогаешь имъ та-

кими средствами. Я почувствовалъ, что не могу уже ихъ такъ любить, сдѣлавъ для нихъ безчестное дѣло. Избавь меня отъ стыда! Сдѣлай, чтобы я попрежнему любилъ дѣтей своихъ! Будь мнѣ опять другомъ!

Тибо. Ахъ, Жерве! какъ трудно изцѣлить ту рану, которую ты сдѣлалъ въ сердцѣ моемъ! Однакожь меня тронуло твое скорое разкаяніе; я забываю твое дѣло.

Жерве. Сдѣлай, чтобы и я забылъ его, принявъ отъ меня то, что было причиною моего преступленія.

Тибо. Что ты говоришь? Можно ли думать, чтобы я изъ прибыли съ тобою помирился? Нѣтъ, Жерве, естьли хочешь быть моимъ другомъ, оставь свое у себя.

Жерве. Я не хочу и дружбы твоей, естьли ты не исполнишь моей прозьбы. Уже ли ты еще не доволенъ? Вотъ одно средство, которымъ можешь доказать мнѣ свое великодушіе! Не оставляй на глазахъ моихъ всегдашней укоризны, которая меня терзать будетъ!

Тибо. Естьли такъ, я беру; однакожь дай мнѣ слово, что какъ скоро поправится

мое

мое состояніе, то ты позволишь мнѣ сдѣлать для тебя все, что захочу.

Жерье. Твоя воля моя воля. Пусть и добро и худо будетъ у насъ общее!

Тибо. Теперь опять люблю тебя попрежнему. [*Обнимаетъ его.*] Ну, Маргарита, чтобы съ нами въ нынѣшній день ни сдѣлалось, я все буду ушѣшаться тѣмъ, что у меня остался сынъ и другъ.

Конецъ третьяго Дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ IV.

ЯВЛЕНІЕ I.

Жанета [*пробѣгая черезъ первую комнату и кричa у дверей другой*:] Батюшка! машушка! подите скорѣе!

ЯВЛЕНІЕ II.

Жанета, *Маргарита*, *Тибо*.

Маргар. [*выходя первая.*] Ну что ты кричишь?

Жанета. Прекрасная карета осшановилась у нашего двора; въ нее впряжены четыре большія лошади; позади и впереди стоятъ господа всѣ въ галонахъ, а одинъ господинъ сидитъ въ каретѣ. Ахъ, машушка! какое доброе лицо у этова господина! Здравствуй, любезная дѣвушка, сказалъ онъ мнѣ съ усмѣшкою: гдѣ твой отецъ? [*Оборотясь къ Тибо.*] Онъ хочетъ съ тобою говорить.

Тибо. А! это вѣрно нашъ господинъ; я бьюсь объ закладъ. Побѣгу къ нему.

[*Поспѣшно уходитъ.*]

ЯВЛЕНІЕ III.

Маргарита, Жанета.

Жанета [*съ печальнымъ видомъ.*] Такъ это тотъ господинъ, которому, по словамъ батюшкинымъ, принадлежитъ все то, что у насъ есть?

Маргар. Да, Жанета. Мы ему должны много денегъ; а какъ у насъ нѣтъ и половины этой суммы, то въ заплату отдаемъ ему все свое имѣніе.

Жанета. Да на что оно ему? У него такая прекрасная карета, что онъ вѣрно не захочетъ нашей одноколки; а платье его такъ хорошо, что ему стыдно будетъ носить наше.

Маргар. Безъ сомнѣнія. Однакожь онъ велитъ все это продать, и получитъ деньги. Мы не можемъ ему иначе заплатить, да еще и того не достанетъ.

Жанета. Развѣ онъ столько дуренъ, что можетъ сдѣлать съ нами злое дѣло? Онъ посмотрѣлъ на меня очень милостиво.

Маргар. Тутъ нѣтъ никакова злова дѣла, Жанета; справедливость этова требуетъ.

Жанета. Однакожь это очень жалко, что я въ послѣдній разъ вижу свое праз-

дни-

дничное платье. Можноли было думать нынѣшнею весною, когда ты, матушка, дала мнѣ этотъ корсетъ и эту юпку, что я ихъ надѣну только два или три раза? Даже въ прошедшее возкресенье я радовалась, что была такъ нарядна. И ты, матушка, была очень весела. [*Увидѣвъ, что мать обольстилась, цѣлуетъ ея руки.*] Не печалься; я уже болѣе не жалѣю о своемъ платьѣ. Вѣдь мы умѣли его выработать: такъ и теперь выработаемъ такое же, да еще и лучше... Вотъ, вотъ господинъ! Пойду за сестрою въ садъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

[*Маргарита впереди сцены; Г. Вервиль входитъ съ Тибо; а Жанета идетъ вонъ, и встрѣтясь близъ дверей съ Вервилемъ, ему кланяется, становится къ сторонѣ, и потомъ идетъ къ дверямъ.*]

Г. Вервиль. Куда ты бѣжишь, дѣвушка? Развѣ ты меня боишься?

Жанета [*поворотясь.*] Нѣтъ, сударь. Какъ скоро васъ увидишь, такъ уже и страху нѣтъ. Подождите; я тотчасъ прибѣгу назадъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Маргарита впереди сцены, Г. Вервиль и Тибо назади.

Г. Вервиль. Кажется, эта дѣвочка очень весела.

Тибо. Онѣ обѣ съ сестрою такъ веселы и забавны, что любо на нихъ смотрѣть.

Г. Вервиль [*подходя ближе, видитъ Маргариту, которая ему кланяется*] А! здравствуй, Маргарита! Какъ поживаешь?

Маргар. Каково время, таково у насъ и на сердцѣ, сударь; а вѣдь время не очень хорошо. Вы какъ?

Г. Вервиль. Слава Богу. Жена моя велѣла тебѣ кланяться Она чуть было сама со мною сюда не поѣхала.

Тибо. Она бы не худо сдѣлала. Нашъ сельской воздухъ лучше вашего гнилаго городскаго воздуху. [*Увидѣвъ, что Г. Вервиль держитъ въ рукахъ шляпу.*] На что такія церемоніи, милостивой государь? Надѣньте шляпу. Вы у вашего откупщика какъ дома.

Г. Вервиль [*показывая шелковую шляпу, которой надѣть не можно.*] Видишь, что она не войдетъ мнѣ на голову. У насъ въ городѣ шляпъ не надѣваютъ.

Тибо. А здѣсь всѣ въ шляпахъ. Позволите ли? [*Надѣваетъ шляпу.*] Правду говорятъ: что городъ, то нравъ; что деревня, то обычай. [*Про себя.*] Однакожь это очень странно: носи шляпу, которой надѣть не льзя!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Г. Вервиль, Тибо, Маргарита, Шампань и Пикаръ.

Шампань [*несетъ съ Пикаромъ большую покрытую корзину.*] Гдѣ прикажете поставить?

Г. Вервиль. Тамъ въ углу. Хорошо. Пикаръ! скажи кучеру, чтобы онъ ѣхалъ на лучшій постоялой дворъ, и вымазалъ бы тамъ карету.

Пикаръ. Что же прикажете сказать людямъ?

Г. Вервиль. Чтобы они велѣли себѣ изготовить хорошій обѣдъ. Я ихъ подчиваю. Только чтобы не слишкомъ много было вина за столомъ. Я ввечеру отсюду выѣду. Вы можете притти сюда въ шесть часовъ.

Пикаръ. Слышу, сударь. [*Уходитъ.*]

(*Продолженіе будетъ впредь*).

НЕЩАСТНЫЕ ТИТУЛЫ.

Одинъ Гишпанецъ, которой, не смотря на свою бѣдность, хотѣлъ съ Королями равняться, пришелъ ночью въ маленькую Французскую деревеньку, гдѣ былъ только одинъ трактиръ. Въ темнотѣ насилу онъ нашелъ его, и сталъ у дверей стучаться. Хозяинъ съ домашними своими спалъ, но сей стукъ разбудилъ его. Кто тамъ? спросилъ хозяинъ, выглянувъ въ окно. Отвори двери, отвѣчалъ Гишпанецъ: это Донъ Жуанъ Петро, Германдецъ, Родригецъ де Вилланова, Графъ де Малофра, Кавалеръ Св. Яго и Алкантарской. Хозяинъ, затворяя окно, сказалъ: *жаль мнѣ, государи мои, что я всѣхъ васъ не могу у себя помѣстить.*

ХУДАЯ ПАМЯТЬ

Одинъ купецъ, которой никакъ не надѣялся на свою память, записалъ въ своей карманной книшкѣ: *въ проѣздъ мой черезъ Брауншвейгъ женюсь.*

ВИЛЬКЕСЪ.

Славной Актеръ Вилькесъ въ Трагедіи упалъ мертвой. У него былъ тогда пресильной кашель, отъ котораго онъ и представляя мертваго никакъ не могъ удержаться. Всѣ зрители стали тому смѣяться. Онъ вдругъ всталъ и сказалъ: *Со мною теперь сбылось пророчество моей матери, что я и въ самомъ гробѣ стану кашлять.* Сіе такъ полюбилось, что зрители захлопали и закричали: *браво!*

ФОНТЕНЕЛЬ

Однажды спросили у Фонтенеля, какими средствами нажилъ онъ себѣ столько друзей, не имѣя ни одного непріятеля? Я всегда держался одного хорошаго правила, отвѣчалъ онъ: *все возможно, и всякой правъ.*

ЧЕСТНОЙ ОТКУПЩИКЪ.

Продолженіе.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Г. Вервиль, Тибо, Маргарита.

Г. Вервиль. Видишь, Тибо, что намъ будетъ довольно времени поговорить съ тобою. Но напередъ я желаю видѣть всю твою семью. Гдѣ твои дѣти?

Тибо. Всякой за своимъ дѣломъ. Сыновья мои въ полѣ, а дочери въ саду. Изволите ли посмотрѣть свой хлѣбъ?

Г. Вервиль. Не теперь; уже ввечеру, когда будетъ не такъ жарко.

Тибо. Онъ очень хорошъ. Его можно продать пистолей на сто.

Г. Вервиль. Тѣмъ лучше. [*Осматриваетъ всю горницу.*] Что такое? У тебя здѣсь какъ аукціонъ. На что тутъ складены всѣ ваши пожитки и платье?

Тибо. Вѣдь мы знали, что вы будете.

Г. Вервиль. Такъ что же?

Тибо. Я уже давиче поутру сказывалъ вамъ, что мы не можемъ заплатить за откупъ. Для того должно отдать вамъ все наше имѣніе, которое тутъ собрано. Продавъ наши пожит-

ки, платье и хлѣбъ, мы вамъ сколько нибудь уплатимъ. Чего не достанетъ, то постараемся выработать, чтобы заплатить вамъ все до послѣдней полушки. Я надѣюсь, что вы, милостивой государь, примите это нынѣ въ уплату, а въ достальномъ возмете терпѣніе.

Маргар. Вы до сего времени были къ намъ столько милостивы! Къ тому же мы не отъ себя пришли въ нищету.

Тибо. Вамъ извѣстно, что я высушилъ болота, и сдѣлалъ изъ нихъ луга. Трава росла на нихъ хорошая. Всѣ деньги, которыя у насъ остались отъ прошедшаго году, употребили мы на покупку скота, чтобы его выкормя продать. Вѣдь двацать коровъ для нашего брата не шутка. Продавъ изъ нихъ часть, могли бы мы вамъ заплатить все въ срокъ. Пришла засуха. Луга наши были такъ голы, какъ моя ладонь. Скотину кормилъ я тою соломою, которою была покрыта моя изба, и тою, на которой мы сами спали; а иногда кормилъ ее и своимъ хлѣбомъ. Когда хотѣлъ продать весь скотъ, никто не покупалъ его, за тѣмъ, что нечѣмъ было кормить. Сдѣлался падежъ, и я всего лишился.

лишился. Остался у меня только одинъ долгъ на шеѣ. Однакожь я не долженъ никому, кромѣ васъ, милостивой государь. Извольте осмотрѣть поля: увидите, что я не лѣнился ихъ обработывать. Вы конечно повѣрите, что работа всей семьи нашей когда нибудь приведетъ меня въ состояніе заплатить вамъ все. Правда, что я не могу представить за себя никакой поруки, кромѣ моего слова; однакожь, бывъ до сего времени въ своемъ словѣ вѣренъ, осмѣливаюсь надѣяться, что вы мнѣ повѣрите.

Г. Вервиль. Конечно, друзья мои, я васъ знаю. Какъ мнѣ не положиться на слово такихъ честныхъ людей, какъ вы?

Тибо. Благодарю васъ, милостивой государь. Ваши ласковыя слова утѣшаютъ меня еще болѣе, нежели ваши милости. Рѣдко бываетъ, чтобы заимодавецъ называлъ честнымъ человѣкомъ того, кто ему платить не можетъ.

Г. Вервиль. Рѣдко бываетъ и то, любезной Тибо, чтобы заимодавецъ, видя своего должника не въ состояніи платить, отдавалъ ему должную справедливость.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

[*Г. Вервиль, Тибо, Маргарита, Жанета, несущая обѣими руками клѣтку съ цыплятами; и Луизона, держащая одною рукою корзинку съ яицами, а другою передникъ, въ которомъ лежитъ нѣсколько мѣдныхъ денегъ.*

Жанета ставитъ клѣтку къ ногамъ Г. Вервиля, а Луизона тутъ же ставитъ корзинку; по томъ беретъ шляпу его, бросаетъ въ нее деньги и подаетъ ему.]

Луизона. Вотъ, сударь, все что у насъ сыскалось. Вотъ наши цыплята, яицы и деньги. Болѣе у насъ нѣтъ ничего. Не правда ли, Жанета?

Жанета. Конечно, вы можете намъ въ этомъ повѣрить. У насъ ничего не осталось.

Тибо [*заглянувъ въ шляпу изъ за плечъ Господина Вервиля.*] Откуду взяли вы столько денегъ?

Луизона. Матушка продавала въ городѣ сестрициныхъ цыплятъ, яица мои и букеты цвѣтовъ.

Жанета. Мы еще въ первой разъ достали деньги, однакожь съ радостію отдаемъ ихъ тебѣ.

Лу-

Луизона. Отъ всего нашего сердца.

Тибо [*съ восхищеніемъ*] И я такъ же принимаю ихъ. Никогда и никакія деньги такъ меня не ушѣшали! Вотъ вамъ, милостивой государь, еще въ уплату. [*Дѣтямъ.*] Какъ мнѣ весело, любезныя дѣти, что вы такъ же думаете, какъ ваши родители!

Г. Вервиль. Какъ! вы это сами собою сдѣлали?

Жанета. Когда батюшка не въ состояніи вамъ одинъ заплатить, такъ мы должны помогать ему.

Г. Вервиль. А, Тибо! какъ ты щасливъ въ самомъ своемъ нещастіи! Нѣжность твоихъ дѣтей награждаетъ тебя за всѣ убытки. [*Жанетѣ и Луизонѣ.*] Нѣтъ, любезныя друзья, я не лишу васъ перваго богатства вашего. Возьмите назадъ все то, что вы мнѣ отдавали съ такимъ добрымъ сердцемъ. Я имѣю щетъ не съ вами, а съ вашимъ отцомъ.

Тибо. Примите это отъ нихъ, милостивой государь: вѣдь имъ не жаль.

Г. Вервиль. А тебѣ не жаль, что онѣ лишаются всего своего небольшова имѣнія?

Тибо. О чемъ же жалѣть, сударь? Ничто такъ не естественно и не пріятно, какъ получать помощь отъ своихъ дѣтей. Когда бы я былъ такъ богатъ, какъ Король, все бы мое богатство имѣ принадлежало. Когда же у меня ничего нѣтъ, то все, что у нихъ есть, принадлежитъ мнѣ. Такимъ образомъ мы другъ съ другомъ квиты. [*Дѣтямъ.*] Вы вѣрно всегда хотите за насъ платить?

Жанета [*пожавъ его руку.*] А, батюшка!

Луизона. Я бы желала, чтобы у насъ было во сто разъ болѣе этова. Мы бы съ такою же радостію тебѣ все отдали.

Тибо. Слышите ли, сударь?

Г. Бервиль. А я бы не взялъ ничего, естьли бы онѣ и въ тысячу разъ были богатѣе. [*Луизонѣ.*] Возьми, любезная малютка, возьми свое имѣніе.

[*Хочетъ высыпать деньги изъ шляпы въ передникъ къ Луизонѣ; но она не принимаетъ ихъ. Наконецъ будто бы согласается, и беретъ шляпу; но отшедши отъ него, кладетъ ее съ деньгами на столъ, подлѣ другихъ пожитковъ, и уходитъ, говоря ему.*]

Вы возьмете все вмѣстѣ.

Г. Вервиль [*оборотясь къ ней.*] Что ты? Подожди, подожди!

Лукэона. Я не хочу васъ слушать. Пойдемъ, Жанета. [*Прыгая объ уходятъ.*]

ЯВЛЕНІЕ IX.

Г. Вервиль, Тибо, Маргарита.

Тибо [*пододвигая подъ столъ клѣтку и корзину.*] Я уже вамъ сказывалъ, что онѣ у меня плутовки. Ихъ не скоро обманешь.

Г. Вервиль. Развѣ ты захочешь, Тибо, чтобы онѣ подлинно за тебя платили?

Тибо. Для чего же не такъ? Что тутъ мудрости?

Г. Вервиль. Мнѣ кажется, что ты совсѣмъ не знаешь городскихъ обыкновеній.

Тибо. Довольно для меня знать и то, что я дѣлаю хорошее дѣло: какая нужда, въ городѣ ли, или въ деревнѣ? Справедливость и должность для меня всегда одинаковы. Развѣ это у васъ не такъ дѣлается?

Г. Вервиль. По большой части дѣлается у насъ совершенно противное этому.

Тибо. Что вы говорите?

Г. Вервиль. Такъ, мой другъ, тебя это удивитъ, однакожъ это совершенная правда. Когда отъ безразсудныхъ издержекъ тщеславія, или отъ корыстолюбивыхъ и пагубныхъ предпріятій приходятъ въ несостояніе платить долги, тогда стараются укрѣпить дѣтямъ все свое имѣніе, которому вѣрили заимодавцы. Когда же они начнутъ требовать заплаты, то отцы уже ничего не имѣютъ; что у нихъ было, то остается дѣтямъ.

Тибо [*съ презрѣніемъ.*] Какая гнусность!

Маргар. Это ужасно!

Тибо. И законы не противорѣчатъ такимъ плутнямъ?

Г. Вервиль. Помощію приказныхъ крючковъ законы дѣлаютъ безгласными.

Тибо. По этому ваши законы такъ же испорчены, какъ и тѣ люди, которые дѣлаютъ ихъ безгласными. Послушайте, ,милостивой государь! я ничего въ приказныхъ дѣлахъ не разумѣю, однакожъ прямо скажу такому слѣпому суду, что ему на семъ свѣтѣ нечего дѣлать. Естьлибы я былъ обманутъ отцемъ, то пошелъ бы къ дѣтямъ, и спросилъ бы у нихъ, по какому праву взяли онѣ то имѣніе, которое мнѣ принадлежитъ за долгъ? А когда бы дѣти мнѣ сказали, что

что онѣ получили его отъ отца, то я отвѣчалъ бы имъ, что отецъ ихъ не можетъ имъ отдать его; что оно принадлежитъ мнѣ. Я бы заставилъ ихъ продать все безъ остатку, даже до самой постели, чтобы заплатить мнѣ долгъ.

Г. Вервиль. Дѣла такъ не дѣлаются.

Тибо. Я бы сдѣлался съ ними посвоему. Такіе отцы и дѣти ни что иное, какъ шайка разбойниковъ.

Г. Вервиль. Первые виноватѣе.

Тибо. Нѣтъ, милостивой государь! позвольте сказать, что дѣти еще болѣе виноваты. Отцы плуты, а дѣти чудовищи. Когда и чужой подастъ намъ помощь, то не должны ли мы, буде есть въ насъ хотя капля честности, помочь и ему въ нуждѣ? А дѣти всѣмъ обязаны своимъ родителямъ. Ихъ воспитаніе стоитъ имъ тысячи безпокойствъ, убытку, —— трудовъ —— —— Я не могу вздумать объ этомъ безъ ужасу. Когда бы отецъ мой былъ не въ состояніи платить долгу своего, то я почиталъ бы за должность отдать въ уплату за него послѣднюю полушку свою. Наслѣдствомъ моимъ была бы тогда должность спасти отъ безчестія его память и сохранить доброе имя его.

Хотя бы я до самой смерти ѣлъ одинъ хлѣбъ; хотя бы мнѣ надлежало работать до того, чтобы не потъ, а кровь текла съ меня: я бы заплатилъ отцовскіе долги; а заплатя послѣдній, пошелъ бы на его могилу, и сказалъ: Теперь ты ничего не долженъ; спи покойно, родитель мой.

Г. Вервиль. Добродушной Тибо!

Тибо. Такъ, милостивой государь, я бы это сдѣлалъ. Боже мой! могутъ ли называться дѣтьми такія безчеловѣчныя твари, которыя, не хотя лишать себя нѣкоторыхъ пріятностей въ жизни, безъ стыда соглашаются на то, чтобы отцы ихъ назывались бездѣльниками? Я не заимодавецъ, а не могу удержаться, чтобы не проклинать этихъ чудовищъ, а не дѣтей.

ЯВЛЕНІЕ X.

Г. Вервиль, Тибо, Маргарита, Луизона.

Луизона [*съ порогу.*] Батюшка! пригнали Жервеевыхъ коровъ. Велѣть ли ихъ вогнать на дворъ?

Тибо. Я самъ выду посмотрѣть ихъ. Позвольте, милостивой государь; онѣ ваши,

ши. Я уже разскажу вамъ, какъ онѣ мнѣ достались. [*Уходя.*] Благодаря Бога! въ нынѣшній день богатство течетъ къ намъ со всѣхъ сторонъ.

[*Уходитъ съ Луизоной, которая не смѣла подойти ближе къ Г. Вервилю, боясь, чтобы онъ не принудилъ ее взять назадъ денегъ.*]

ЯВЛЕНІЕ XI.

Г. Вервиль, Маргарита.

Г. Вервиль. Мужъ твой меня удивляетъ, Маргарита. Я всегда почиталъ его человѣкомъ честнымъ и справедливымъ; однакожъ никакъ не думалъ, чтобы онъ въ самомъ нещастіи могъ имѣть такія чувства, могъ такъ разсуждать.

Маргар. Я всегда знала душу его, которой вы теперь удивляетесь, милостивой государь. Онъ во всякомъ дѣлѣ ищетъ справедливости; а нашедши, защищаетъ ее противъ всѣхъ, начиная съ самого себя. Однакожъ завсѣмъ тѣмъ онъ исполняетъ только должность свою.

Г. Вервиль. Правда. Но въ такомъ состояніи, до какого онъ теперь дошелъ, не колебаться ни одной минуты — —

Мар-

Маргар. О! вы его не знаете. Онъ лучше захочетъ видѣть всѣхъ насъ безъ куска хлѣба, нежели сдѣлать какое нибудь непозволенное дѣло. Никогда не приходитъ онъ въ отчаяніе, и смѣется надъ фортуною болѣе, нежели она надъ нимъ.

Г. Вервиль. Я думаю, что ты его очень любишь, Маргарита?

Маргар. Ахъ, милостивой государь! какъ мнѣ его не любить! Что бы со мною было, естьли бы онъ меня не ушѣшалъ? Я всегда довольна, видя его спокойнаго; и никакъ не могу увѣрить себя, чтобы мнѣ въ чемъ была нужда, пока Господь Богъ продолжитъ жизнь его. Онъ для меня все.

(*Продолженіе будетъ впредь.*)

ВИЛЬГЕЛЬМЪ ТЕЛЬ.

Вильгельмъ Тель избавилъ свое отечество отъ мучительнаго ига. Когда еще Швейцарія принадлежала къ Нѣмецкой Имперіи, управляли ею Императорскіе Губернаторы, которые обходились съ бѣдными подданными съ ужасною жестокостію. Сіи тираны по чрезмѣрной наглости требовали, чтобы вошкнутому шесту оказывали такую же честь, какъ и имъ самимъ. Мужественной Тель презиралъ такія повелѣнія. Губернаторъ, узнавъ сіе, вздумалъ наказать Теля ужаснымъ образомъ. Тель былъ хорошій стрѣлокъ. Губернаторъ, положа яблоко на голову маленькаго сына его, приказалъ ему стрѣлять въ оное. Тель долго не слушался. Наконецъ взялъ онъ двѣ стрѣлы, и первою щастливо сшибъ яблоко на землю. Губернаторъ спросилъ у него, на что онъ взялъ другую стрѣлу. На то, сказалъ мужественной Тель, чтобы застрѣлить тебя, тиранъ, естьли бы я, вмѣсто яблока, попалъ въ сына. Губернаторъ тотчасъ велѣлъ его посадить на лодку и везти въ отдаленную темницу. Однакожъ Тель ушелъ; и слыша, что Губерна-

бернаторъ будетъ проѣзжать черезъ то мѣсто, засѣлъ подлѣ дороги, и застрѣлилъ его. Съ того времени Швейцары стали свободны.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Двое Студентовъ поѣхали верьхомъ за городъ прогуливаться. На встрѣчу имъ попался крестьянинъ. Студентамъ захотѣлось посмѣяться надъ мужикомъ. Постой, другъ мой, сказалъ ему одинъ изъ нихъ: знаешь ли ты, что мы ученые люди, и можемъ доказать тебѣ, что ты, на прим. не человѣкъ, а травной стебель? — Не сомнѣваюсь, государи мои, отвѣчалъ мужикъ: за то и я могу доказать вамъ, что ваше сѣдло не сѣдло, а лошакъ. — Лошакъ! закричалъ Студентъ: какъ этому быть? — Что между лошадью и осломъ, то называется лошакомъ — сказалъ мужикъ, и пошелъ своею дорогою.

ПИКОЛАТЪ.

Пиколатъ, Женевской гражданинъ, представляетъ намъ такой примѣръ патріотизма, какихъ не много найдемъ въ Исторіи. Во время войны Герцога Савойскаго съ Республикою Женевскою, былъ онъ взятъ въ плѣнъ непріятелями. Надѣялись, что онъ могъ сообщить разныя важныя извѣстія о своемъ отечествѣ, которыми непріятель хотѣлъ воспользоваться. Однакожь тщетны были всѣ обѣщанія и угрозы; и даже самыя жестокія мученія не могли поколебать твердости его. Видя такое рѣдкое мужество, стали его подозрѣвать въ волшебствѣ; и чтобы уничтожить его мнимое адское изкусство, вздумали совсѣмъ обрить его!!! Какъ скоро началась сія операція, смѣлой Пиколатъ схватилъ бритву и отрѣзалъ у себя языкъ, чтобы отнять у себя возможность сказать что нибудь во вредъ своему отечеству. Сей геройской поступокъ привелъ въ восторгъ самыхъ непріятелей его. Они дали ему свободу, и съ честію отослали его назадъ въ его отечество.

ОЧКИ.

Одинъ крестьянинъ видѣлъ, что старые люди для чтенія покупали очки. Онъ пошелъ въ городъ къ купцу, которой торговалъ очками, и требовалъ у него самыхъ лучшихъ очковъ. Купецъ подалъ ему, чего онъ требовалъ. Крестьянинъ, надѣвъ очки, взялъ въ руки книгу, и сказалъ, что очки не годятся. Купецъ подалъ ему другія, но и другія для него не годились. Однимъ словомъ, сколько очковъ онъ ни бралъ, ни которыя не помогали ему читать. Наконецъ сказалъ купецъ: Другъ мой! да умѣешь ли ты читать? *Экой человѣкъ!* отвѣчалъ крестьянинъ: *если бы я умѣлъ разбирать книги, такъ бы на что мнѣ и очки твои?*

ЧЕСТНОЙ ОТКУПЩИКЪ.

Продолженіе.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Г. Вервиль, Тибо, Маргарита.

Тибо. Ну, милостивой государь, радуйтесь! Пара самыхъ лучшихъ коровъ! Поручите мнѣ: я завтра самъ поѣду съ ними на торгъ. Вѣрно возьму за каждую по десяти добрыхъ пистолей. И для Принца не будетъ уступки. Вы можете на это положиться. Еще двѣсти франковъ съ щету долой. Пожалуйте, мы все теперь сочтемъ. Долгъ у меня какъ гора на плечахъ. Куда какъ хочется его заплатить!

Г. Вервиль. Очень хорошо, другъ мой.

Тибо. Вы знаете, что мнѣ осталось вамъ заплатить за откупъ?

Г. Вервиль. Знаю. Только скажи мнѣ напередъ, Тибо, въ самомъ ли дѣлѣ отдаешь ты мнѣ всѣ свои пожитки, платье, хлѣбъ, коровъ и все, что имѣешь?

Тибо. Я никогда не шучу, когда говорю о дѣлѣ, милостивой государь.

Г. Вервиль. Хорошо ли ты объ этомъ размыслилъ? Подумай, что дѣло идетъ обо всемъ твоемъ имѣніи.

Тибо. О моемъ имѣніи? Оно уже не мое. Все принадлежитъ вамъ. Послушайте, милостивой государь. Вы богаты, а я небогатъ. Вы знаете, что мнѣ не можно дарить васъ на щетъ семьи своей. Я отдаю вамъ только то, что вамъ принадлежитъ. Будьте покойны. Я бы вамъ не отдалъ того, что бы по совѣсти могъ удержать за собою. Прилично ли мнѣ васъ дарить! Это бы было для васъ очень смѣшно. Однимъ словомъ, я не могу вамъ заплатить наличными деньгами, и для того отдаю вамъ все, что имѣю; а что сверьхъ того на мнѣ останется, то заплачу, конечно заплачу. Первой талеръ на хлѣбъ, а другой вамъ.

Г. Вервиль [съ холоднымъ видомъ.] Хорошо; но гнусно будетъ съ моей стороны все у тебя отнять. Выбери изъ пожитковъ своихъ то, что тебѣ болѣе нравится. Надѣюсь, что ты мнѣ въ этомъ не откажешь, и въ знакъ дружбы примешь этотъ небольшой подарокъ.

Тибо. Когда вы такъ говорите, то будетъ уже съ моей стороны дурно не воспользоваться вашею милостію. [*Подходитъ*

дитъ къ столу, и беретъ заступъ и грабли.] Я возьму то, чѣмъ работаю. Естьли къ этому еще прилѣжность, такъ никогда не пропадешь.

Г. Вервиль. Болѣе ничего не берешь?

Тибо. Нѣтъ, милостивой государь довольно этова. Только бы Богъ помогалъ намъ; а то я не отчаяваюсь честно прокормить свою жену и дѣтей, да еще мало по малу и вамъ уплачивать.

Г. Вервиль. Хорошо. Теперь твоя очередь, Маргарита. Я не хочу, чтобы вы другъ другу завидовали. Надобно и тебѣ что нибудь взять. Выбирай.

Маргар. И мнѣ, милостивой государь? Вы очень милостивы.

Г. Вервиль. Безъ церемоній. Ну, что ты выбираешь?

Маргар. Естьли вы хотите что нибудь мнѣ пожаловать [*бросясь въ уголъ комнаты и поднявъ занавѣсъ*] то я прошу у васъ колыбели для своего ребенка.

Г. Вервиль [*съ удивленіемъ.*] Какъ! не уже ли и это ко мнѣ же шло! И ты бы у ребенка отняла колыбель?

Маргар. [*подходя къ нему.*] Развѣ мои руки не могли бы ему служить люлькою?

Г. Вервиль. И ты думаешь, чтобы я взялъ ее?

Тибо. Я уже вамъ сказывалъ, что дѣти должны платить за своихъ родителей. Когда одни терпятъ, то по какому праву и другимъ не терпѣть? Нѣтъ ничего такого, чего бы я не дѣлалъ для своихъ дѣтей; а нѣтъ и такого, чего бы я отъ нихъ не ожидалъ. Кровь моя ихъ, а ихъ моя.

Г. Вервиль [*про себя*] Какой человѣкъ! Какъ онъ непоколебимъ въ своихъ правилахъ! [*Вслухъ*] Ну, друзья мои, я вамъ отдаю то, что вы взяли. Но подлинно ли вы отдаете мнѣ все остальное, то есть, свои пожитки, платье, хлѣбъ и скотъ?

Тибо. [*твердымъ голосомъ.*] Отдаемъ, сударь.

Маргар. И безъ всякаго сожалѣнія.

Тибо. Можно сказать, съ радостію.

Маргар. [*вынимая кошелекъ изъ кармана, и подавая его Вервилю*] Возьмите и всѣ деньги, которые у насъ нашлись. [*Г. Вервиль беретъ и бросаетъ его на столъ.*]

Тибо. А вы и не сочли. Тутъ сто талеровъ.

Г. Вервиль. Я твоему слову вѣрю. И такъ вы дѣлаете меня господиномъ всего вашего имѣнія, и соглашаетесь, чтобы я поступилъ съ нимъ какъ хочу, не ожидая съ вашей стороны никакого противорѣчія?

Тибо. Оно уже вамъ принадлежитъ, и по тому мы не имѣемъ на него никакого права, такъ же какъ и на вашу землю. Смѣшно бы было, естьли бы мы стали съ вами спорить.

Г. Вервиль. Подумай, на что ты обязываешься. Я не отвергаю твоего предложенія; но когда дѣло будетъ рѣшено — —

Тибо. О! не бойтесь, чтобы я отрекся отъ своего слова. Нѣтъ, милостивой государь, мы уже и такъ довольны милостію вашею, по тому что вы даете намъ время изправиться. Дѣлайте съ этимъ, что вамъ угодно. А мы будемъ просить Бога, чтобы Онъ даровалъ вамъ во всемъ успѣхъ.

Г. Вервиль. Хорошо. Въ такомъ случаѣ я съ своей стороны, взявъ все то, что мнѣ отъ васъ отдано, объявляю, что вы мнѣ болѣе ничего не должны.

Тибо [*съ великимъ движеніемъ.*] Нѣтъ, нѣтъ, милостивой государь, вы

очень много потеряете. Это все и половины не стоитъ. Стоитъ ли этотъ вздоръ тысячи талеровъ?

Г. Вервиль. Не уже ли я не воленъ взять твои пожитки въ этой цѣнѣ?

Тибо. Не могу вамъ противорѣчить. Однако лучше бы было ихъ оцѣнить, чтобы узнать точно — —

Г. Вервиль. Другъ мой! они для меня такъ дороги, что никто не можетъ ихъ оцѣнить. Это плодъ работы и бережливости честной семьи. Подумавъ, сколько вы употребили трудовъ для собранія ихъ, нахожу, что они очень стоятъ всего вашего долгу. Теперь вы со мною квиты, друзья мои.

Тибо [снявъ шляпу и съ восхищеніемъ цѣлуя полу Вервилева кафтана.] Милостивой государь! . . . [*бросается на шею къ Маргаритѣ*] Благодарю Тебя, милосердое Небо! Жена! мы ничего не должны!

Маргар. Боже! какъ благодарить за такія милости!

Тибо [пожавъ ея руку.] НашимъСердцемъ, Маргарита; въ этомъ недостатку не будетъ. [*Подходитъ къ Г. Вервилю.*] Скажите же намъ, куда все это отнести, и

когда

когда вамъ будетъ угодно принять ключи отъ дому?

Г. Вервиль. Прежде только выслушай меня, не мѣшая мнѣ говорить. [*Беретъ у обоихъ руки и говоритъ съ движеніемъ радости.*] Друзья мои! я богатъ, и отецъ мой съ малолѣтства научалъ меня дѣлать добро честнымъ людямъ; но никогда еще не чувствовалъ я отъ благодѣянія такого удовольствія, какое теперь чувствую. Добродѣтельной Тибо! [*пожавъ его руку*] поступокъ твой наполнилъ сердце мое любовью и почтеніемъ. Все то, что ты отдалъ мнѣ за долгъ, отдаю тебѣ назадъ, чтобы черезъ то исполнить и мнѣ свою должность, которую налагаетъ на меня нещастіе и добродушіе твое.

Маргар. [*поднявъ глаза къ небу.*] Какъ! мнѣ уже нечего бояться бѣдности, и дѣти мои останутся въ хорошемъ состояніи! Милостивой государь! ваше неслыханное великодушіе —— [*цѣлуетъ его руку.*]

Тибо [*въ изумленіи.*] Я не смѣю вѣрить тому, что слышу. Нѣтъ, милостивой государь, этому быть не льзя. А естьли эти слова сорвались у васъ съ языка въ первомъ движеніи милосердія,

то подло бы было съ моей стороны ими воспользоваться. Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу — —

Г. Вервиль [съ усмѣшкою.] Тише, Тибо. Ты только теперь сказалъ, что я совершенной господинъ твоего имѣнія, и властенъ поступать съ нимъ по своей воли, а теперь ты хочешь отнять у меня это право?

Тибо [бросясь къ его ногамъ, и обнимая ихъ.] А, милостивой государь! вы поймали меня на словѣ; да и какъ мнѣ жаловаться! Естьли я могу отъ Государя принять хлѣбъ для моихъ дѣтей, то для чего же мнѣ не принять его и отъ васъ, моего благодѣтеля, котораго я почитаю своимъ Ангеломъ хранителемъ? Я буду достоинъ вашего дара, принявъ его съ такою же чувствительностію, съ какою вы мнѣ предлагаете его. Только скажите мнѣ и тѣ слова, которыми я васъ благодарить долженъ. *[Проливая слезы.]* Я боюсь, чтобы вы не почли меня неблагодарнымъ.

Г. Вервиль [поднимая его.] Будь покоенъ, Тибо. Я вижу, что чувствуетъ сердце твое, — можетъ быть лучше, нежели ты самъ, — и совершенно тѣмъ доволенъ. Маргарита! позови своихъ дѣтей

тей. Знаю, какъ онѣ васъ любятъ; теперь хочу, чтобы онѣ видѣли, какъ и я умѣю любить васъ.

Маргар. [*побѣжавъ къ дверямъ.*] Жанета! Луизона! подите сюда! бѣгите скорѣе! Слышите ли?

Жанета и Луизона [*за дверьми*] Мы здѣсь, матушка, здѣсь!

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Г. Вервиль, Тибо, Маргарита, Жанета, Луизона.

Маргар. Послушайте, любезныя дѣти, послушайте. Вы знаете, что все это отдали мы господину? Такъ знайте же, что господинъ намъ все назадъ отдалъ. Онъ не беретъ отъ насъ ни денегъ, ни хлѣба, ни коровъ; а даетъ намъ во всемъ долгѣ полную квитанцію.

Луизона [*сыскавъ шляпу и поднеся къ Г. Вервилю.*] Такъ вы и денегъ нашихъ не хотите?

Г. Вервиль. Нѣтъ, любезныя друзья мои. Горячность, съ которою вы желали помочь вашимъ родителямъ, доказала мнѣ, сколько вы и родители ваши достойны помощи въ своемъ нещастіи. Возьмите

же опять назадъ то, что вы за нихъ отдавали; однакожь употребите деньги свои такъ же, какъ вы ихъ теперь по любви къ родителямъ употребить хотѣли. Отецъ твой, Луизона, лишился своего стада: я думаю, что ты съ удовольствіемъ на сбереженныя тобою деньги купишь ему другое?

Луизона [*жалкимъ голосомъ.*] Да у меня нѣтъ столько денегъ.

Г. Вервиль. А естьли бы они у тебя были, то ты конечно бы съ радостію сдѣлала ему этотъ подарокъ?

Луизона. Ахъ, какъ бы я была довольна!

Г. Вервиль. Я любопытенъ видѣть, какъ вы съ Жанетой тогда улыбнетесь. Тибо! ты по болѣе своихъ дочерей знаешь въ коровахъ: и такъ я прошу тебя завтра съѣздить на торгъ, и купить каждой изъ нихъ по шести молодыхъ коровъ, самыхъ лучшихъ. Деньги на это у меня готовы. Мнѣ хочется сдѣлать дѣтямъ твоимъ небольшой подарокъ, чтобы послѣ имѣли онѣ удовольствіе тебя подарить.

Маргар. Ахъ, милостивой государь! переспанете ли вы обременять насъ вашими

шими милостями? Дѣти! благодарите его вмѣстѣ со мною.

[*Маргарита, Жанета и Луизона бросаются въ ноги къ Вервилю, обнимаютъ ихъ и цѣлуютъ руки его, плача отъ радости; между тѣмъ Тибо, будучи неподвиженъ и безмолвенъ, смотритъ на него съ величайшимъ удивленіемъ.*

Г. Вервиль [*отворачивается, чтобы скрыть свои слезы.*] Встань, Маргарита; встаньте, любезныя дѣти.

Тибо. Милостивой государь! я увѣренъ былъ, что вы человѣкъ, добродѣтельной человѣкъ; однакожъ вижу, что совершенно васъ не зналъ, и теперь не знаю, что мнѣ объ васъ думать. [*Маргаритѣ.*) О жена! естьли бы мы могли однимъ словомъ сказать все то, что говоритъ сердце наше! [*Оборотясь къ Вервилю*] Милостивой государь! я буду молить день и ночь Бога — не объ васъ, потому что одно дѣло ваше въ тысячу разъ важнѣе моей молитвы — о томъ стану молить Его, чтобы на землѣ по временамъ бывали такіе люди, какъ вы, которые не допускали бы нещастныхъ приходить въ отчаяніе. [*Беретъ Жанету и Луизону за руку и подводитъ къ окну.*] Дѣти!

ши! посмотрите на этотъ пригорокъ, ошкуда видѣнъ городъ, въ которомъ живетъ нашъ благодѣтель. Мы всякое воскресенье, шедши къ обѣднѣ, на него всходимъ. Ну такъ мы теперь никогда не взойдемъ на этотъ пригорокъ безъ того, чтобы не искать глазами мѣста дому его, чтобы не посылать къ нему нашихъ благословеній, чтобы не молиться Богу за него, за его жену и за все то, что ему любезно, прежде нежели станемъ молиться за себя. Будете ли вы это помнить?

Жанета. Какъ забыть, какъ забыть, когда — —

Луизона. Лишь только выдемъ изъ дому, то и начнемъ молиться.

Тибо. Такъ, милостивой государь! всякой день, всякую минуту, въ полѣ, въ нашей избѣ, вездѣ, гдѣ мы ни будемъ, вы у насъ изъ мыслей не выдите. Во всякую минуту жизни нашей станемъ чувствовать, что мы по милости вашей ею пользуемся, и будемъ всегда готовы отдать ее за малѣйшее ваше удовольствіе. Вы всегда можете потребовать крови нашей; она принадлежитъ вамъ. Ахъ! для чего не могу теперь всей крови своей перелить

въ

въ наши жилы, чтобы вы вдвое долѣе жить могли!

Г. Вервиль. Будь щастливъ, Тибо, составляя щастіе своей жены, и научая дѣтей своихъ такъ думать, какъ ты самъ думаешь. Я буду по временамъ пріѣзжать къ тебѣ, чтобы наслаждаться этимъ зрѣлищемъ, и увѣренъ, что мнѣ будетъ это полезно. Ну теперь наши дѣла кончаны. Знаешь ли, что я хочу у тебя обѣдать?

Тибо [*подавая ему съ радостію руку.*] Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше; новой праздникъ!

Маргар. [*съ видомъ смятенія и замѣшательства.*] Да что же мы, другъ мой, подадимъ господину?

Тибо [*съ свободнымъ духомъ.*] То, что у насъ есть, жена. Я его знаю. Одинъ кусокъ сухова хлѣба будетъ ему пріятнѣе большой части жаренаго мяса — —

Маргар. Однакожь — —

Г. Вервиль [*съ усмѣшкою.*] Не безпокойся, Маргарита. [*Показывая ей корэину, которую принесли Шампань и Пикарь.*] Тутъ найдешь, чѣмъ насъ подчивать. Теперь пойдемъ всѣ вмѣстѣ погу-

ляшь

лять въ саду. Кажется, что намъ всѣмъ нужно отдохнуть.

[*Выходитъ, взявъ Жанету и Лизону за руку. Тибо и Маргарита идутъ за нимъ, поднявъ глаза на небо, и цѣлуя полу его кафтана.*

[*Занавѣсъ опускается*]

Конецъ четвертаго Дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ V.

[*Занавѣсъ подымается. Середи комнаты стоитъ чисто прибранной столъ, накрытой бѣлою скатертью; подлѣ стола, напереди сцены, стоитъ корзина, которую принесли Вервилевы люди. Маргарита ее открываетъ.*]

ЯВЛЕНІЕ I.

Маргарита [*вынимаетъ изъ корзины большую часть холоднаго мяса, и кладетъ ее на столъ; между тѣмъ дѣти кругомъ корзины стоятъ и пристально глядятъ на нее, облизываясь языкомъ.*] Какая же знатная часть! Видно, что господинъ ничего не жалѣлъ.

Лучзона [*Жанетѣ.*] Посмотри, сестрица, какой пирогъ. Я думаю, что это очень хорошо.

Жанета [*Маргаритѣ, которая ставитъ пирогъ на столъ.*] Знаешь ли, матушка, чѣмъ это начинено?

Маргар. Нѣтъ, Жанета; въ городѣ много такова, что въ деревнѣ совсѣмъ неизвѣстно.

Лу-

Луизона. Этотъ господинъ долженъ быть очень честной человѣкъ, по тому что онъ отдалъ назадъ наше имѣніе, коровъ, и привезъ еще намъ такія лакомства. Жанета! намъ надобно положить подъ насѣдокъ яица свои, и отнесть ему цыплятъ.

Жанета. Какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобы цыпляты были уже велики и жирны! Не знаю, чего бы я для него не сдѣлала; такъ я его люблю.

Луизона. Пойду, свяжу ему букетъ изъ лучшихъ своихъ цвѣтовъ.

Маргар. Хорошо. А ты, Жанета, должна хозяйничать. Поди, нарѣжь хорошенько хлѣба, и принеси сюда. Мнѣ хочется показать господину, что ты не худая хозяйка.

Жанета. Хорошо, матушка. [*Уходитъ съ Луизоною.*]

(*Продолженіе будетъ впредь*).

ЧЕСТНОЙ ОТКУПЩИКЪ.

Продолженіе.

ЯВЛЕНІЕ II.

Маргарита [*закрываетъ корзину, отодвигаетъ ее въ уголъ, и подходитъ опять къ столу.*] Посмотримъ. Кажется все приготовлено. Салфетки, приборы — — Теперь подвинимъ стулья. [*Устанавливаетъ кругомъ стола стулья.*] Вотъ все готово. Пусть теперь пожалуетъ нашъ баринъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Г. Вервиль, Тибо, Маргарита.

Тибо [*вздохнувъ на столъ съ удивленіемъ, и сплеснувъ руками.*] Что это? Конечно вы, милостивой государь, почитаете меня Царемъ? Такая добрая часть мяса, и еще [*показывая на пирогъ*] какая - то прекрасная вещь! Я не умѣю назвать ее; однакожь мнѣ кажется, что это должно быть очень вкусно.

Г. Вервиль. Это пирогъ, которой прислала вамъ жена моя.

Маргар. Можно ли, чтобы она насъ вспомнила?

Тибо. И конечно. Она обошлась со мною давиче очень милостиво. Я объ закладъ бьюсь, что послѣ жены моей она лучшая женщина на свѣтѣ. Ну, Маргарита, дождемся Генваря. Посмотрите на нее. Я не думаю, чтобы кто лучше ее прясть умѣлъ. [*Ударивъ ее по плечу.*] Она нынѣшнею зимою по вечерамъ спрядетъ для васъ и для супруги вашей такой холстъ, какова у васъ никогда не бывало; я за это отвѣчаю.

Маргар. Какая будетъ для меня радость! Я не потеряю ни одной минуты.

Г. Вервиль. Благодарю васъ, друзья мои; однакожь этова не надобно. Маргаритѣ довольно и для дѣтей работать; а это бы — —

Тибо [*перерывая его рѣчь.*] Не станемъ болѣе говорить объ этомъ. Давиче мы вамъ давали волю дѣлать все, что вамъ хотѣлось; теперь и намъ дайте волю. Не уже ли вы захотите, чтобы мы были неблагодарны? Вы бы лишили насъ всего удовольствія въ жизни, а милосердіе ваше запрещаетъ мнѣ такъ объ васъ думать. — Пора садиться за столъ [*Беретъ стулъ и садится.*] Вотъ ваше мѣ-

мѣсто, милостивой государь. Сядимъ и мы, Маргарита.

Г. Вервиль [*садясь.*] Развѣ ты недождешься дѣтей? И имъ надобно съ нами обѣдать. Я хочу имѣть удовольствіе сидѣть за столомъ съ наилучшею семьею въ свѣтѣ.

Тибо. И мы можемъ сказать, что у насъ обѣдалъ самой милосердой и великодушной человѣкъ, которой въ глазахъ нашихъ не хуже Короля. [*Маргаритѣ*] Развѣ Валентинъ еще не возвратился съ поля?

Маргар. Нѣтъ, мой другъ; и Жоржъ также не бывалъ.

Тибо. А дочери за чѣмъ сюда нейдутъ? Что онѣ тамъ дѣлаютъ?

Маргар. Увидишь, что онѣ тамъ не безъ дѣла. Вотъ Жанета.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Г. Вервиль, Тибо, Маргарита, Жанета. [*Жанета несетъ деревянной лотокъ, на которомъ положены ломти хлѣба*].

Тибо. А! вотъ несутъ хлѣбъ. Хорошо. Поди сюда, Жанета. [*Беретъ руками два куска хлѣба, изъ которыхъ одинъ бросаетъ*

частъ Г. Вервилю, а другой Маргаритѣ.] Возьмите, милостивой государь. Хотя этотъ хлѣбъ крестьянской, однакожь онъ вкусенъ. У васъ въ городѣ дѣлаютъ его понѣжнѣе; но этотъ насъ, людей работныхъ, лучше укрѣпляетъ. По щастію онъ еще мягкой. Только ты, Маргарита, позабыла самое нужное. [*Усмѣхается и жметъ ея руку.*] Однакожь ты не виновата, жена. Нынѣ сердца у насъ такъ наполнены радостію, что всего припомнить не можно.

Маргар. [*осматривая весь столъ.*] Что же я забыла?

Тибо. Вино, хозяйка. Развѣ намъ отподчивать господина сухимъ обѣдомъ? Это бы очень хорошо было.

Маргар. Совсѣмъ изъ головы вонъ. Я поставила его въ холодокъ.

Жанета. Я пойду за нимъ. [*Уходитъ*].

Тибо. Бѣги скорѣе. Милостивой государь! оно немножко крѣпко, однакожь не дурно.

Маргар. Что ты говоришь? Развѣ ты думаешь, что господинъ не привезъ съ собою вина?

Г. Вервиль. Такъ, мой другъ, я думаю, что мое будетъ не много получше твоего.

Тибо.

Тибо. Какъ, и вино съ вами? И такъ уже много вашей милости; а то еще и вина для насъ привезли.

Г. Вервиль. Нѣтъ, не для васъ однихъ. И я также свою часть выпью. Нынѣшній день есть для насъ день радости; а хорошее вино для радости не худо.

Тибо. Правда, у меня стаивало всегда прекрасное вино въ погребѣ, когда еще былъ живъ отецъ мой. Бывало, когда въ городъ съѣздишь не по пустому, всегда купишь полдюжины бутылокъ самаго лучшаго вина, не смотря ни на какую цѣну. Самъ я никогда его не пивалъ; а отдавалъ женѣ беречь къ тому дню, въ которой прихаживалъ къ намъ въ гости батюшка. То-то ужъ бывало подчиванье! Помнишь ли, Маргарита, какъ милой старичекъ веселился? Дѣти! говаривалъ онъ намъ: это вино меня укрѣпляетъ и веселитъ; а ваша любовь, которая заставляетъ васъ беречь для меня самое лучшее, еще болѣе меня подкрѣпляетъ и веселитъ. Иногда онъ бывалъ такъ тронутъ, что слезы у него въ рюмку капали. Не повѣрите, какъ вино казалось мнѣ хорошо, когда я пивалъ его сидя подлѣ моего отца. [*Жанета входитъ и приноситъ двѣ бутылки.*]

Г. Вервиль. Надѣюсь, что и это тебѣ не дурно покажется.

Тибо. А, милостивой государь! одна милость ваша сдѣлала бы его для насъ самымъ лучшимъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Г. Вервиль, Тибо, Маргарита, Жанета, Луизона.

Луизона. [*Неся превеликой букетъ розъ, коихъ листочковъ и жасминовъ, подходитъ къ Г. Вервилю, кланяется и говоритъ:*] Позволите ли мнѣ воткнуть его въ петлю вашего кафтана?

Г. Вервиль. Благодарю, любезная Луизона. [*Обнимаетъ ее.*] Этотъ букетъ не меньше тебя. Я объ закладъ бьюсь, что ты цвѣтовъ ни для отца, ни для матери не оставила. Хорошо, я подѣлюсь съ ними; нынѣшній день нѣтъ у меня ничего особливаго. Возьми, Маргарита; вотъ тебѣ, Тибо; вотъ тебѣ, Жанета; вотъ и тебѣ, Луизона. [*Раздаетъ имъ цвѣты.*]

Тибо. Это похоже на день свадьбы; у всякаго свой букетъ.

Жанета. Всякой бы почелъ барина за новобрачную; онъ даетъ обѣдъ и надѣляетъ всѣхъ цвѣтами.

Тибо. Смотри, какъ моя Жанета развеселилась!

Г. Вервиль. За эту шутку я дамъ ей небольшое приданое въ день ея свадьбы.

Тибо. Да, оставь все на ваше попеченіе, а сама сиди поджавъ ручки! Нѣтъ, ей самой надобно выработать для себя приданое.

Луизона. А естьли я, батюшка, приданое себѣ прежде выработаю?

Тибо. Смотри, какая дѣвчонка! Вамъ еще рано объ этомъ думать. Ну, пора обѣдать, да веселиться!

Г. Вервиль. Подождемъ твоихъ сыновей. Я никакъ не хочу обѣдать безъ того, чтобы не собрались всѣ мои друзья.

Маргар. Какъ жаль, что у васъ нѣтъ дѣтей! Кажется, что вы ихъ очень любите.

Г. Вервиль. Ахъ, Маргарита! какую рану разтворяешь ты въ сердцѣ моемъ! У меня былъ сынъ — —

Маргар. Одинъ сынъ? и умеръ? Это очень тяжело!

Г. Вервиль. Умеръ ли онъ или нѣтъ, не знаю; однакожь для меня все равно — я его потерялъ.

Тибо. Такъ онъ можетъ быть въ чужихъ земляхъ, и вы не имѣете о немъ

извѣстія. [*Увидѣвъ, что слезы текутъ изъ глазъ Вервилевыхъ, беретъ его руку и жметъ.*] Пожалуйте не огорчайтесь, милостивой государь. Естьли онъ живъ, то вы его конечно увидите. Можно ли, чтобы вы, помогая бѣднымъ, были сами нещастливы! Нѣтъ, нѣтъ! Небо справедливо. Посмотрите, какъ мнѣ платится за то только, что я исполнялъ должность мою: можетъ ли Богъ оставить васъ, когда вы дѣлаете еще гораздо болѣе должнаго? Этому статься не льзя. Развеселитесь же. Надобно забыть все непріятное въ такой радостной день.

Г. Вервиль [*утирая глаза.*] Такъ, другъ мой, я бы самъ себя не простилъ, естьли бы не далъ тебѣ веселиться.

Тибо. Конечно; а то бы вы испортили собственное свое дѣло. Да что сыновья мои такъ долго нейдутъ? [*Встаетъ изъ застола и подходитъ къ окну.*] Посмотрю, идутъ ли они. Хорошо, вонъ Жоржъ. [*Машитъ ему рукою, чтобы онъ шелъ скорѣе.*]

Маргар. Какъ! Жоржъ одинъ? Валентина съ нимъ нѣтъ? Онъ знаетъ, что теперь пора обѣдать. Простите, милостивой государь что васъ такъ долго заставляютъ ждать.

Г. Бервиль. Еще будетъ время, Маргарита. Мнѣ не скучно въ такой пріятной бесѣдѣ. Для меня все равно, часомъ ли ранѣе, или часомъ позже обѣдать. Нынѣ дни очень долги. Только бы пріѣхать за свѣтло домой; а то жена моя безпокоиться не будетъ.

Маргар. Вотъ Жоржъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Г. Бервиль, Тибо, Маргарита, Жанета, Лизона, Жоржъ.

[*Жоржъ снимаетъ шляпу и кланяется Г. Бервилю.*]

Тибо [*бѣжитъ и беретъ его за руку.*] Поди, сынъ, посмотри на этова великодушнаго человѣка. Послѣ Бога и родителей своихъ ты болѣе всѣхъ обязанъ ему въ жизни. Посмотри на него хорошенько. Это нашъ милостивой господинъ, которому мы должны были отдать все свое имѣніе, и которой все намъ назадъ отдалъ.

Маргар. И которой сверьхъ того сестрамъ твоимъ даритъ прекрасное стадо. Во всю жизнь свою долженъ ты о немъ всѣмъ сердцемъ молишься. Пока бу-

демъ жить, станемъ мы подавать тебѣ въ томъ примѣръ; а ты конечно и послѣ смерти нашей ему послѣдуешь — не правда ли? Даешь ли мнѣ слово?

Жоржъ. Какъ мнѣ этова не исполнить, когда онъ къ намъ такъ милостивъ? Батюшка вчера говорилъ, что намъ должно отдать назадъ откупъ: такъ остаемся ли мы здѣсь?

Тибо. Остаемся, другъ мой, на всегда остаемся. Я надѣюсь увидѣть здѣсь внучатъ и правнучатъ моихъ.

Жоржъ [въ восторгѣ подбѣжавъ къ Маргаритѣ.] О матушка! для тебя я болѣе этому радуюсь. Теперь могу уже сказать: я всю эту ночь проплакалъ.

Г. Вервиль О чемъ же, другъ мой?

Жоржъ [взявъ Г. Вервиля за руку, и подведя къ окну.] Подите сюда, милостивой государь, я вамъ скажу. Видите ли тамъ подлѣ забору старую яблонь, которая почти безъ листьевъ? Матушка нынѣшнею весною очень жалѣла, что морозъ это дерево попортилъ. Я, говорила она, отъ роду не ѣдала такихъ хорошихъ яблокъ, какія на этомъ деревѣ родятся, а оно конечно совсѣмъ пропадетъ. На другой день, прежде нежели она проснулась,

лась, я пошелъ къ этому дереву съ моимъ братомъ, срѣзалъ съ него самые лучшіе черенки и привилъ къ другимъ деревьямъ, чтобы у матушки моей были всегда ея любимыя яблоки, хотя бы старое дерево и пропало. Естьли бы мы оставили откупъ, то бы очень жалко было, что другой, пришедши на наше мѣсто, со временемъ сталъ бы ѣсть яблоки отъ моихъ прививковъ.

Г. Вервиль. Ты бы могъ вырвать ихъ при своемъ отѣздѣ. Тогда бы ни кто не сталъ пользоваться твоими трудами.

Жоржъ. Да на что бы это? Мнѣ бы все никакой пользы не было. А я знаю, что и для своей прибыли не надобно ничего у другихъ отнимать. Мнѣ бы оставалось желать, чтобы новой хозяинъ послѣ насъ собиралъ хорошіе плоды съ нашихъ деревьевъ.

Г. Вервиль. Да ты теперь только говорилъ, что тебѣ бы грустно было, когда бы другіе стали пользоваться плодами твоихъ прививковъ?

Жоржъ. Отъ того, что матушка уже не могла бы ихъ ѣсть. Я хотя и желаю хорошихъ яблокъ для другихъ, однакожь еще бы лучше пожелалъ ихъ для матушки.

Г. Вервиль [*пожавъ его руку.*] Ты доброй дѣтина. [*Видя, что Маргарита желаетъ обнять Жоржа, но отъ почтенія къ нему не смѣетъ.*] Возьми его, Маргарита. Любезной Тибо! дѣти твои часъ отъ часу болѣе меня удивляютъ. У васъ не разберешь, кто кого болѣе любитъ.

Тибо. Милостивой государь! въ семьѣ должно всѣмъ жить дружно. Когда у меня были живы отецъ и мать, я днемъ и ночью думалъ, какъ бы сдѣлать имъ что нибудь угодное. Въ старости носилъ бы я ихъ на рукахъ. За то мнѣ и платится. Теперь я увѣрился опытомъ, что каковъ будешь противъ своего отца, таковы будутъ противъ тебя и дѣти твои.

Маргар. [*Жоржу.*] Да гдѣ же Валентинъ? Для чего онъ не пришелъ съ тобою?

Жоржъ. Онъ не будетъ.

Тибо. Для чего?

Жоржъ. Для того, что онъ вздумалъ до вечера все вспахать. Я приступалъ къ нему, чтобы онъ со мною шелъ, обѣщая всѣми силами помогать ему послѣ обѣда. Однакожъ онъ никакъ не хотѣлъ меня слушать. У меня остался хлѣбъ, сказалъ онъ, показывая мнѣ половину своего завтрака: вотъ мой обѣдъ.

Тибо,

Тибо. Милой сынъ! для того, что я не ходилъ нынѣ поутру въ поле, онъ за меня работаетъ. Видѣвъ, что мы совсѣмъ погибали отъ бѣдности, хочетъ онъ помочь намъ своими трудами и бережливостію. Жоржъ! сходи за нимъ. Скажи, что мы приказываемъ ему притти, и что безъ него ѣсть не станемъ. [*Оборотясь къ Г. Вервилю.*] Естьли бы вы его знали, милостивой государь, то бы конечно полюбили его всѣмъ сердцемъ, такъ же, какъ и мы.

Жанета. Батюшка! естьли велишь, мы пойдемъ за нимъ съ сестрою и съ Жоржемъ.

Лукэона. Я берусь за то, что тотчасъ приведу его сюда.

Тибо. Хорошо; да не заигрывайтесь дорогою.

Лукэона. Не бойся, мы тотчасъ прибѣжимъ назадъ.

(*Продолженіе будетъ впредь.*)

ОСТРОУМІЕ.

Демонаксъ отвѣчалъ одному насмѣшнику, которой спросилъ у него: *сколько фунтовъ будетъ дыму, когда сожжешь сто фунтовъ дерева?* слѣдующими острыми словами: *Вэвѣсь пепель; и чего въ вѣсъ не достанетъ, столько будетъ дыму.*

ЗНАНІЕ СВѢТА.

Одинъ молодой человѣкъ просилъ Гроціуса, чтобы онъ наименовалъ ему ту книгу, изъ которой онъ всего лучше могъ бы научиться мудрости. *Возьмите десть бѣлой бумаги*, сказалъ Гроціусъ, *и записывайте въ ней все то, что вамъ въ жизни покажется важнымъ. Свѣтъ есть наилучшая школа для наблюдательнаго духа.*

ПОПОВА ОСТРОТА.

Славной Англійской Поэтъ, Попъ, пришедши къ одному Ученому, долженъ былъ долго у дверей стучаться. Ученой, занимавшійся своими книгами, весьма разсердился, слыша безпрестанной стукъ, вскочилъ, побѣжалъ съ крыльца, и не зная, кто тамъ, кричалъ изо всего горла: *Что за стукъ! Между тобою и осломъ не велика розница.*

Одна дверь, сказалъ Попъ, и пошелъ прочь.

ФИЛОСОФІЯ.

Торкватъ Тассо съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ своихъ любилъ Поэзію. Отецъ его боялся, чтобы сія склонность не отвлекла его отъ полезнѣйшихъ упражненій, и пріѣхавъ самъ въ Падуу, гдѣ учился Торкватъ, упрекалъ его тѣмъ съ великимъ сердцемъ. Тассо слушалъ все равнодушно. „Какую пользу приноситъ тебѣ твоя Философія? сказалъ старикъ: Какую пользу приноситъ тебѣ та наука, которою ты такъ гордишься?„ — Она научила меня съ терпѣніемъ сносить жестокость твоихъ попрековъ — отвѣчалъ Тассо.

ЧЕСТНОЙ ОТКУПЩИКЪ.

Продолженіе.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Г. Вервиль, Тибо, Маргарита.

Г. Вервиль. Не могу тебѣ изъяснить, Тибо, всѣхъ моихъ теперешнихъ чувствъ. Я вижу, что дѣти составляютъ лучшій даръ Неба.

Тибо. Когда дѣти таковы, какъ наши, тогда онѣ конечно даръ благословенной, и родители имѣютъ въ нихъ такое сокровище, котораго никакъ оцѣнить нельзя. А, милостивой государь! вы не можете повѣрить, какъ всѣ нещастія въ жизни облегчаются, когда дѣти наши помогаютъ намъ ихъ сносить. [*Ударивъ по плечу Г. Вервиля.*] Не тужите. Гдѣ бы ни былъ сынъ вашъ, я твердо увѣренъ, что онъ дни старости вашей сдѣлаетъ щасливѣйшими днями жизни вашей.

Г. Вервиль. А! естьли бы онъ еще былъ на свѣтѣ! Естьли бы онъ былъ таковъ, какъ дѣти твои! Но начто льстишься суетною надеждою? Нѣтъ у меня сына, которой бы могъ утѣшить старость мою. Щастливой Тибо! ты будешь имѣть удо-

вольствіе видѣть другова себя въ пяте-рыхъ дѣтяхъ, обязанныхъ тебѣ бытіемъ!

Тибо. Пятерыхъ, говорите вы, милостивой государь? Нѣтъ, уменя только четверо. [*Считаетъ по пальцамъ.*] Малютка, которой спитъ за занавѣсомъ, Луизона, Жоржъ и Жанета —— вотъ мои.

Г. Вервиль. А тотъ, которой въ полѣ? ——

Тибо. Онъ не нашъ сынъ, хотя я его такъ люблю, какъ роднова сына, и дѣлаю для него тоже, что и для своихъ. Да этотъ доброй дѣтина и стоитъ того. Онъ насъ любитъ какъ родителей своихъ, и работаетъ въ домѣ нашемъ такъ, какъ бы онъ былъ мой большой сынъ.

Г. Вервиль. Кто же онъ таковъ?

Тибо. Это ни ему, ни намъ не извѣстно. Мы спасли его отъ смерти въ колыбели. Жена моя выкормила его грудью своею; онъ всегда жилъ съ нами. Однакожь ему надобно быть не подлаго рода. На шеѣ у него была гремушка, позолоченная и обсыпанная каменьями; а бѣлье самое лучшее —— ——

Г. Вервиль. Вы избавили его отъ смерти, не знаете его фамиліи, и говорите, что онъ не подлаго роду! Любезной Ти-

бо!

бо! скажи мнѣ скорѣе, какъ онъ попался въ ваши руки?

Маргар. Это очень жалкая исторія.

Тибо. Мы тогда жили въ Нормандіи. Я нанималъ землю подлѣ рѣки. Положеніе мѣста было прекрасное, и земля очень плодородная, хотя не за что было сказать спасибо тѣмъ, которые передъ нами владѣли ею.

Г. Вервиль. Пожалуй оставь всѣ эти обстоятельства, а разкажи мнѣ только то, что касается до Валентина. Я только это знать любопытенъ.

Тибо. Ну, милостивой государь, чтобы скорѣе дойти до дѣла, то будь вамъ извѣстно, что въ одну ночь разбудила насъ вода, которая вошла со всѣхъ сторонъ въ нашъ домъ. Мы насилу успѣли взойти на кровлю, чтобы дожидаться тамъ помощи. Поутру пріѣхали за нами въ лодкѣ. Вода залила всѣ окрестныя мѣста. Рѣка была усѣяна досками и всякими вещами, которыя быстрина воды уносила. Я уговаривалъ жену мою, чтобы она не терзалась о потерѣ нашей избы, а болѣе всего о сынѣ, котораго вода залила прежде, нежели мы проснулись. Въ тотъ самой

часъ увидѣлъ я колыбель, которую быстро несли волны, и всякую минуту потопить грозили. Я не могъ выдержать; скинулъ съ себя платье, и не смотря на опасность, бросился въ рѣку и старался всѣми силами доплыть до колыбели. Нѣсколько разъ былъ я оттолкнутъ отъ нее волнами, и начиналъ ослабѣвать; однакожь крикъ ребенка, которой я услышалъ, давалъ мнѣ бодрость и силу. Наконецъ, послѣ многихъ опасностей, я поималъ колыбель, и вытащилъ ее на берегъ. Жена моя почти какъ мертвая шла за мною. Я подалъ ей ребенка, которой только тогда пересталъ плакать, какъ она взяла его наруки и прижала къ своему сердцу. Бѣдная Маргарита думала, что Богъ послалъ ей этова младенца вмѣсто сына. Мы всячески старались тогда отыскать его родителей, но никакъ не могли. Это было намъ ни мало не горестно, и съ того времени мы почитали его всегда сыномъ своимъ. Я сто разъ разсказывалъ ему исторію его; однакожь потаилъ это отъ своихъ дѣтей, чтобы не лишить ихъ удовольствія почитать его своимъ братомъ, и чтобы не было въ домѣ зависти. Я училъ его равно съ другими дѣтьми. Онъ пашетъ не хуже

меня,

меня, а читаетъ и пишитъ можетъ быть лучше нашего Магистера.

Г. Вервиль. А за сколько лѣтъ это случилось?

Тибо. Помнится, лѣтъ за пятнадцать съ небольшимъ. Постойте; я вамъ скажу это въ минуту. Тамошній судья по прозьбѣ моей далъ мнѣ письменное свидѣтельство, подписанное приходскимъ священникомъ и подтвержденное всѣми поселянами, которые были очевидцами этова приключенія. Оставя шѣ мѣста, не забылъ я этова свидѣтельства взять съ собою. Поди, принеси его, Маргарита.

Маргар. Оно здѣсь лежитъ въ ящикѣ съ Валентиновымъ платьемъ и съ гремушкою, которую мы у него нашли. Мы все это очень берегли, и отложили нынѣ поутру къ сторонѣ; по тому что не справедливо бы было вмѣстѣ съ нашими пожитками отдать вамъ и пожитки этова бѣднаго человѣка.

Г. Вервиль [*вставъ.*] А, Маргарита! не заставляй меня ждать; покажи мнѣ скорѣе.

Тибо. Подай скорѣе, жена.

Маргар. [*бѣжитъ, беретъ узелъ изъ ларчика и подаетъ мужу.*] Вотъ, мой другъ.

Тибо. Смотрите, милостивой государь.

Г. Вервиль [*разсмотрѣвъ гремушку, мѣтки бѣлья и прочитавъ свидѣтельство.*] Это онъ! это онъ! Боже мой! Ты возвращаешь мнѣ сына!

Тибо [*въ изумленіи.*] Что вы говорите? Валентинъ вашъ сынъ? — Ахъ, милостивой государь! вы всѣ дрожите. [*Беретъ его за руку и поддерживаетъ.*] Жена! дай скорѣе стулъ; онъ упадетъ.

Маргар. [*бѣгая и туда и сюда.*] Сама не знаю, что дѣлаю. Я себя забыла. Ахъ, какъ онъ удивится!

[*Наконецъ приноситъ стулъ. Тибо сажаетъ Вервиля и держитъ его за руку.*]

Г. Вервиль. Благословенной день! Я нашелъ сына! Какъ обрадуется жена моя! Съ нынѣшняго дня мы снова начнемъ жить. Любезной Тибо! поведи меня къ нему. Надобно, чтобы я его тотчасъ увидѣлъ и прижалъ къ груди своей.

Тибо. Нѣтъ, нѣтъ, милостивой государь! Любезной Валентинъ можетъ умереть отъ такой нечаянности. Онъ тотчасъ сюда будетъ. Подите въ эту комнату, и пробудьте тамъ до того времени, какъ я его хорошенько объ этомъ предъ-

предъувѣдомлю. Онъ лучше приготовится, а вы будете спокойнѣе.

Маргар. [*смотря въ окно.*] Вонъ онъ идетъ и несетъ на плечѣ заступъ. Посмотрите на него.

Г. Вервиль [*бросясь къ окну*] Идетъ! идетъ! Какъ сердце у меня бьется! Я побѣгу къ нему на встрѣчу!

Тибо [*останавливая его*]. Нѣтъ, сударь, это будетъ не хорошо, какъ для одного, такъ и для другова. На этотъ разъ вы должны исполнять мою волю.

[*Тащитъ Вервиля въ другую комнату, которой идетъ за нимъ противъ воли, оборачиваясь къ сыну.*]

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Маргарита [*одна.*]

Мнѣ бѣдной можетъ быть всѣхъ хуже отъ этова. Валентинъ вдругъ сдѣлается великимъ господиномъ. Почему знать, будетъ ли онъ меня любить, и не станетъ ли насъ стыдиться! [*Заплакавъ*]. А! естьли это такъ будетъ, то во всю

свою жизнь не утѣшусь. Какъ старалась я его воспитывать, какъ горячо люблю его! Онъ мнѣ такъ же дорогъ, какъ собственной мой сынъ.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тибо, Маргарита.

Тибо [*Вервилю, котораго оставляетъ въ другой комнатѣ.*] Останьтесь, останьтесь. Я приду вамъ сказать, когда время будетъ; а ты, жена, о чемъ плачешь?

Маргар. И отъ печали и отъ радости, другъ мой; все вмѣстѣ.

Тибо. Какъ ты это могла одно съ другимъ согласить?

Маргар. Я радуюсь тому, что Валентинъ нашелъ своихъ родителей, и что родители нашли его; а за то мы его лишимся: вотъ что меня огорчаетъ. Есть-ли же онъ насъ забудетъ!

Тибо. Какая дурная мысль пришла тебѣ въ голову! Забыть насъ, жена? Можемъ ли мы самихъ себя забыть? Видно, что ты еще не хорошо его знаешь.

ЯВЛЕНІЕ X.

Тибо, Маргарита, Валентинъ, Жоржъ, Жанета, Луизона.

Валентинъ [*съ жалостію*]. Батюшка! матушка! въ какомъ я возхищеніи отъ радости! [*Бросаетъ свой заступъ и бѣжитъ обнимать ихъ.*] Жанета и Луизона разсказали мнѣ, что господинъ для насъ сдѣлалъ. Гдѣ этотъ добрый господинъ? Я хочу разцѣловать его руки, и возблагодарить его за всѣ милости.

(*Продолженіе будетъ впредь*).

ЛАВИНІЯ,

ОСЕННЯЯ ПОВѢСТЬ (*).

Переводъ съ Англійскаго.

Любезная душей, Лавинія младая,
Имѣла передъ симъ пріятелей, друзей,
И щастье въ день ея рожденья улыбалось.
Но вдругъ лишась всего во цвѣтѣ юныхъ лѣтъ,
Лишась подпоры всей — кромѣ подпоры Неба,
Невинности своей — она и мать ея,
Бѣднѣйшая вдова и въ старости больная,
Подъ кровомъ шалаша спокойно жизнь вели
Въ излучинахъ лѣсовъ, среди большой доли-
ны, —
Уединенной тьмой густыхъ, вѣтьвистыхъ
древъ,
Но болѣе стыдомъ и скромностью укрыты.
Оставя свѣтъ, онѣ хотѣли избѣжать
Презрѣнія людей, и вѣтренныхъ и гордыхъ,
Которые въ бѣдахъ невинность не щадятъ.
Онѣ питались тамъ почти единымъ даромъ
Простаго Естества, подобно птицамъ тѣмъ,
Кото-

(*) Въ XI части Дѣтскаго Чтенія напечатанъ вольной прозаической переводъ сей повѣсти. Кажется, что въ семъ новомъ метрическомъ переводѣ удержано болѣе красотъ подлинника; и потому можно надѣяться, что читателямъ будетъ онъ не непріятенъ.

Которыя свои пріятнѣйшія пѣсни
Въ забаву пѣли имъ; — довольны были всѣмъ,
Не думая о томъ, чѣмъ завтра имъ питаться.
Сколь роза на зарѣ бываетъ ни свѣжа,
Когда листы ея окроплены росою,
Лавинія была свѣжѣе розы сей.
Какъ лилія, какъ снѣгъ, лежащій на Кавказѣ,
Была она чиста. Въ очахъ ея всегда
Достоинства души кротчайшія сіяли —
Всѣ влажные лучи ея прекрасныхъ глазъ,
Потупленныхъ всегда, въ цвѣты рѣкой лилися.
Когда же мать ея разсказывала ей,
Чѣмъ нѣкогда судьба коварная имъ льстила:
Она, внимая ей, задумчива была,
И слезы у нее въ глазахъ свѣтло блистали,
Какъ росная звѣзда сіяетъ ввечеру.
Пріятность Естества, размѣренная стройно,
Блистала въ ней вездѣ, во всѣхъ ея частяхъ,
Скрываемыхъ отъ глазъ одеждою простою,
Которая была превыше всѣхъ убранствъ —
Любезности чужда вся помощь украшеній,
И безъ прикрасъ она прекраснѣе всегда.
Не мысля о красѣ, была она красою,
Сокрытою въ лѣсахъ дремучихъ и большихъ.
Какъ въ нѣдрахъ пустоты сѣдаго Апеннина,
Подъ тѣнію бугровъ, разсѣянныхъ кругомъ,
Возходитъ юный миртъ, невѣдомый всѣмъ людямъ,
И сладкую воню во всю пустыню льетъ:
Лави-

Лавинія цвѣла симъ образомъ во мракѣ,
Не зримая никѣмъ. Но нѣкогда пошла
По нуждѣ хлѣбъ сбирать на поле къ Палемону, —
Съ улыбкой на устахъ, съ терпѣніемъ въ душѣ.
Всѣ жители села гордились Палемономъ.
Онъ былъ богатъ и добръ, и велъ простую жизнь
Щастливѣйшихъ вѣковъ, въ Аркадскихъ нѣжныхъ пѣсняхъ
Воспѣтыхъ издавна — жизнь сихъ невинныхъ дней,
Когда невѣдомъ былъ еще обычай звѣрской,
И тотъ по модѣ жилъ, кто жилъ по Естеству.
Гуляя по полямъ, и мысль свою вперяя
Въ осенни красоты, онъ вдругъ увидѣлъ тамъ
Лавинію въ трудахъ, которая не знала
Всей силы своея, и, застыдясь, тотчасъ
Укрылась отъ него. Онъ прелести увидѣлъ;
Не только третью часть сокрытыхъ отъ него
Смиреніемъ ея. Почувствовалъ онъ въ сердцѣ
Невинную любовь, не зная самъ того.
Ему былъ страшенъ свѣтъ, котораго насмѣшку
Едва ли Философъ рѣшится презирать.
Изъ'ять въ супруги ту, которая сбираетъ
По нуждѣ хлѣбъ въ поляхъ! — Онъ такъ вздыхалъ въ себѣ:

„Какъ

„Какъ жалко, что она, бывъ такъ нѣжна, прекрасна —
„Бывъ въ чувствахъ столь жива, — являя доброту,
„Столь рѣдкую въ другихъ — готовится въ обѣятья
„Кого нибудь изъ сихъ суровыхъ поселянъ!
„Она сходна лицемъ съ фамиліей Акаста —
„Приводитъ мнѣ на мысль виновника всѣхъ благъ
„Моихъ щастливыхъ дней, лежащаго во прахѣ.
„„Его земля и домъ — цвѣтущая семья —
„Все вдругъ раззорено. Я слышалъ, что сокрылась
„Жена и дочь его въ дремучіе лѣса,
„Чтобъ имъ не видѣть сценъ своей щастливой жизни,
„Которыя могли бъ умножить ихъ печаль,
„Унизить гордость ихъ; но тщетенъ былъ мой поискъ.
„О естьлибъ это дочь была его! ... Мечта!„

Когда же, разспросивъ ее о всемъ подробно,
Узналъ, что другъ его, сей щедрый другъ Акастъ,
Былъ точно ей отецъ — какъ выразить всѣ страсти,
Которыя въ душѣ его возстали вдругъ,
И трепетный возторгъ всѣмъ нервамъ сообщили?
Вдругъ искра, бывъ предъ симъ скрываема въ душѣ,
Сво-

Свободно, смѣло тамъ во пламя превратилась.
Осматривавъ ее съ огнемъ любви, онъ вдругъ
Слезами залился — любовь и благодарность
И жалость извлекли сіи потоки слезъ.
Смѣшаясь, — устрашась внезапности сихъ знаковъ,
Прекраснѣе еще была она въ тотъ часъ. —
Такъ страстный Палемонъ, и купно справедливый,
Излилъ души своей священнѣйшій восторгъ:
„Ты друга моего любезнѣйшая отрасль?
„Та, кою тщетно я, покоя не имѣвъ,
„Вездѣ, вездѣ искалъ? . . . О Небо! та конечно.
„Въ сей кротости твоей Акастовъ образъ зрю —
„И каждый взоръ его — черты его всѣ живы: —
„Но всѣмъ нѣжнѣе ты. Краснѣйшая весны!
„О ты, единый цвѣтъ, оставшійся отъ корня,
„Которой воспиталъ все щастіе мое!
„Скажи мнѣ, гдѣ, въ какой пустынѣ ты питалась
„Лучемъ любви Небесъ, столь щедрыхъ для тебя,
„Съ такою красотой разцвѣтши, разпустившись,
„Хотя суровый вѣтръ, дождь бурный нищеты,
„На нѣжность лѣтъ твоихъ всей силой устремлялись?
„Поз-

„Позволь же мнѣ теперь тебя пересадить
„На лучшій слой земли, гдѣ лучь весенній солнца
„И тихій дождь ліютъ щедрѣйшіе дары!
„Будь сада моего гордѣйшей красотою!
„Пристойно ли тебѣ, рожденной отъ того,
„Кто житницы свои, наполненныя хлѣбомъ,
„Отверзшыя для всѣхъ, считалъ еще ничѣмъ —
„Кто былъ отцемъ сихъ селъ — сбирать извергъ на нивахъ,
„Доставшихся мнѣ въ даръ отъ милости его?
„Ахъ! выбрось же сію постыдную бездѣлку
„Изъ рукъ, не для сноповъ созданныхъ Красотой!
„Поля и господинъ твоими нынѣ будутъ,
„Любезная моя, когда захочешь ты
„Умножить тѣ дары, которыми осыпалъ
„Меня твой щедрый домъ, давъ мнѣ драгую власть
„Устроить часть твою, тебя щастливой сдѣлать.„

Тутъ юноша умолкъ; но взоръ его являлъ
Святый тріумфъ души, вкушавшей благодарность,
Любовь и сладкій миръ, божественно взнесясь
Превыше всѣхъ утѣхъ души обыкновенной.
Отвѣта онъ не ждалъ. Бывъ тронута его
Сердечной красотой, въ прелестномъ безпорядкѣ,
Румян-

Румянцемъ нѣжныхъ щекъ она сказала: *да!*
По томъ тотчасъ пошла къ родительницѣ съ
вѣстью,
Грустившей о судьбѣ Лавиніи своей, —
Считавшей всякой мигъ. Услыша, изумяся,
Не смѣла вѣрить ей; и радость вдругъ вли-
лась
Въ увядшіе ея сосуды хладной крови —
Слабѣвшей жизни лучь со блескомъ освѣтилъ
Ея вечерній часъ. Она была въ восторгѣ
Не менѣе самой щастливѣйшей четы,
Которая цвѣла въ блаженствѣ нѣжномъ долго,
Возпитывая чадъ любезныхъ, милыхъ
всѣмъ —
Подобно ей самой — и бывшихъ красотою
Всей тамошней страны.

Томсонъ.

ЧЕСТНОЙ ОТКУПЩИКЪ.

Продолженіе.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Г. Вервиль, Тибо, Маргарита, Валентинъ, Жоржъ, Жанета и Лунэона.

Г. Вервиль [*вдругъ отворивъ двери и бросясь на шею къ Валентину.*] Я здѣсь, сынъ мой, я здѣсь! Ты мой, ты кровь моя, моя жизнь!

Тибо. Не пугайся, Валентинъ; это правда. Господинъ твой отецъ. [*Валентинъ въ изумленіи смотритъ то на Вервиля, то на Тибо, то на Маргариту; хочетъ говорить, но не можетъ.*]

Маргар. Такъ, любезной Валентинъ, все открылось. Пятнатцать лѣтъ господинъ о тебѣ плакалъ; а теперь пришла наша очередь проливать о тебѣ слезы.

Валентинъ. Я вашъ сынъ! Вы мой отецъ! [*Бросается на колѣни передъ Вервилемъ, обнимаетъ его и цѣлуетъ его руки. Вервиль также обнимаетъ своего сына. Нѣсколько времени оба молчатъ и проливаютъ слезы.*]

Г. Вервиль. Всемогущій Боже! какъ возблагодарить Тебя за Твое милосердіе!

Валентинъ. Я тысячу разъ просилъ Бога, чтобы Онъ открылъ мнѣ родителей моихъ. И такъ вы мой отецъ, тотъ, которой черезъ свои благодѣянія сталъ отцомъ моихъ спасителей! Сколько причинъ любить васъ и стараться быть достойнымъ вашей горячности черезъ мою покорность и любовь!

Г. Вервиль. Сердце мое уже чувствуетъ, сколько ты достоинъ того. Такъ, любезной сынъ, это сердце всегда любило тебя. Въ какомъ же возхищеніи будетъ мать твоя, когда тебя увидитъ!

Валентинъ. Повезите же меня къ ней поскорѣе. Я нетерпѣливо хочу упасть къ ногамъ ея, и прижать ее къ моему сердцу.

Г. Вервиль. Поѣдемъ, другъ мой; не надобно терять ни одной минуты; а то я буду противъ нее виноватъ. Поскачемъ, полетимъ къ ней.

Тибо. [*Останавливаетъ ихъ, взявъ за руки*] Вспомните, что вы можете отъ радости уморить эту добродѣтельную госпожу. Нѣтъ, нѣтъ, этова сдѣлать нельзя. Надобно прежде всего выпить каждому по рюмкѣ вина для укрѣпленія тѣла и души, а то все пойдетъ на выворотъ. По томъ я берусь ѣхать въ городъ

городѣ и приготовить госпожу къ свиданію съ сыномъ. Ахъ, любезной Валентинѣ! какъ ты обрадуешься, когда ее узнаешь!

Валентинъ. И такъ я увижу ее нынѣ, отчаявшись уже когда нибудь видѣть ее! Не могу изъяснить той любви, которую уже напередъ къ ней чувствую.

Маргар. А меня, Валентинѣ, будешь ты всегда любить?

Валентинъ. Буду ли тебя любить! Я всегда стану тебя называть матерью, такъ какъ и ее. Она дала мнѣ жизнь, второй мой отецъ спасъ ее, а ты питала меня своимъ молокомъ. Что бы со мною вышло, естьли бы васъ не было? Вы для меня столько сдѣлали, что я во всю свою жизнь не въ состояніи буду заплатить вамъ.

Г. Вервиль. Нѣтъ, любезной сынъ. Хотя бы это стоило половины моего имѣнія, я хочу, чтобы они — —

Тибо [*перерывая рѣчь его съ жаромъ.*] А я хочу, чтобы вы ни одного слова болѣе о томъ не говорили. Дружба ваша, дружба супруги вашей и Валентинова будетъ нашею наградою. Какъ вы ни богаты, а я не думаю, чтобы вамъ можно было чѣмъ нибудь лучшимъ награ-

дишь насъ. — Чего же мы ждемъ? Для чего не садимся за столъ? Садитесь, милостивой государь. Валентинъ! сюда, рядомъ съ отцомъ. Да, да, понимаю. Маргарита сядитъ подлѣ тебя. Какъ же она бѣдняжка тебя любитъ! [*Увидѣвъ, что Маргарита отираетъ слезы.*] Ну, жена, не дурачься. О чемъ плакать? Мы другъ съ другомъ не разстаемся. Естьли бы онъ сдѣлался негодяемъ, тогда бы можно было сказать, что мы его потеряли; тогда бы можно было и плакать.

Валентинъ [*смотря съ нѣжностію на Вервиля.*] Видишь, батюшка, какъ мнѣ должно любить ихъ! [*Беретъ руку у Маргариты, которая не можетъ воздержаться отъ слезъ, и закрываетъ лице; между тѣмъ Валентинъ обнимаетъ ее.*]

Тибо. Ну перестанете ли вы? У нихъ совсѣмъ ума нѣтъ. А чтобы тебя чѣмъ нибудь занять, Маргарита, то посади дѣтей и принеси намъ рюмокъ. [*Между тѣмъ, какъ Маргарита сіе дѣлаетъ, Тибо оборачивается къ Вервилю и говоритъ ему:*] Я давно сказалъ вамъ, милостивой государь, что добродѣтель безъ награжденія не остается. Теперь сами видите, что это правда. Лишь только сдѣлали вы доброе дѣло, тотчасъ и полу-

чили

чили награжденіе. Вы наградили насъ имѣніемъ, которое уже намъ не принадлежало, а мы отдаемъ вамъ сына, котораго вы почитали потеряннымъ. [*Встаетъ и говоритъ Жоржу, Жанетъ и Лизонъ, которые во все сіе явленіе молчали, глядя съ великимъ удивленіемъ то на Вервиля, то на Валентина.*] А вы, дѣти мои, научитесь имѣть всегда надежду на Бога и не отчаяваться. Когда за пятнатцать лѣтъ передъ этимъ вода унесла мою избу, Провидѣніе въ самую ту же минуту послало намъ то, чѣмъ нѣкогда надлежало мнѣ заплатить моему благодѣтелю. Нынѣ, казалось, засуха раззорила меня до крайности: напротивъ того она же и поправила мое состояніе. Богъ употребляетъ всякіе способы къ награжденію тѣхъ, которые исполняютъ свою должность. Большія нещастія составили наше благополучіе. Желаю отъ всего сердца, чтобы этотъ примѣръ былъ вамъ полезенъ во всю жизнь вашу. Повѣрьте мнѣ: когда человѣкъ дѣлаетъ добро, то какъ бы ни угнѣтало его нещастіе, какъ бы громы надъ нимъ ни гремѣли, и хотя бы все кругомъ его разрушалось, онъ будетъ непоколебимъ какъ каменная гора, [*ударивъ по столу*

кулакомъ] пока ему не чѣмъ упрекать себя; а естьли когда и упадетъ, то встанетъ еще съ большею бодростію. — По рюмкѣ вина, милостивой государь. [*Беретъ бутылку, и наливаетъ у всѣхъ рюмки.*] Выпьемъ всѣ разомъ за ваше здоровье.

Маргар. Съ великою радостію.

Тибо. Валентинъ! ты одинъ можешь языкомъ называть его отцомъ; однакожь въ сердцѣ своемъ и мы такъ же его называемъ. Ваше здоровье, милостивой государь!

Всѣ вдругъ. Ваше здоровье, милостивой государь!

Валентинъ. Ваше здоровье, батюшка!

Г. Верьиль [*со слезами*] Благодарю тебя, любезной сынъ. Благодарю васъ, любезныя дѣти. Имя отца для меня всего сладостнѣе [*пьетъ.*] Никогда вино не казалось мнѣ такъ хорошо, какъ теперь.

Тибо [*съ веселымъ видомъ.*] И мнѣ также. Для того я и намѣренъ зачать снова. Теперь твое здоровье, Валентинъ. Послушай: хотя теперь ты сталъ и знатной человѣкъ, однакожь я не хочу, чтобы въ моей избѣ кто нибудь называлъ тебя иначе. Называя тебя тѣмъ

же

же именемъ, мы лучше будемъ чувствовать, что ты живешь еще въ нашихъ сердцахъ.

Валентинъ. А я гдѣ бы ни жилъ, всегда буду тебя называть отцомъ. [*Тибо жметъ его руку, и всѣ пьютъ Валентиново здоровье.*]

Тибо. Ну, милостивой государь, мы уже вамъ сказывали, какъ мы нашли вашего сына; теперь ваша очередь сказать, какъ вы его потеряли.

Г. Вервиль. Съ великимъ удовольствіемъ, другъ мой; по тому что теперь эта исторія не дѣлаетъ уже мнѣ огорченія. Черезъ годъ послѣ моей женидьбы возгорѣлась война, и я получилъ приказъ ѣхать съ моимъ полкомъ въ Ост-Индію. Жена моя, не смотря на мою прозьбу, на отдаленность и на всѣ опасности, непремѣнно хотѣла ѣхать со мною, родивъ этова любезнаго сына. У меня былъ дядя, Пріоръ одного Аббатства въ Эврѣ. Младенца отдали кормилицѣ, которая жила въ деревнѣ близъ этова мѣста, чтобы дядя мой могъ имѣть о немъ попеченіе, и увѣдомлять насъ, каковъ онъ будетъ. Три года не получалъ я никакого извѣстія. Не зная, что думать о такомъ долговременномъ молча-

ніи, писалъ я къ нѣкоторымъ изъ моихъ Парижскихъ пріятелей. Самой усерднѣйшій ѣздилъ самъ въ ту деревню, гдѣ мы оставили сына, и написалъ ко мнѣ, что скоро послѣ моего отъѣзда сдѣлалось нечаянное наводненіе во всей той сторонѣ; что дядя мой утонулъ, бывъ жертвою своей отважности; что домъ кормилицинъ былъ ночью унесенъ водою, и что сынъ мой вмѣстѣ съ нею лишился жизни. Эта ужасная вѣсть поразила меня въ самое сердце; а жена моя была совсѣмъ при концѣ жизни. По возвращеніи нашемъ во Францію не смѣлъ я дѣлать никакихъ розысковъ, почитавъ ихъ излишними, и боясь, чтобы неудача не возобновила нашей горести, которую время нѣсколько облегчило.

Тибо. Ахъ, милостивой государь! я уже шесть лѣтъ вашъ откупщикъ, и шесть лѣтъ могъ бы уже кончить горесть вашу. Не могу себѣ простить того, что заставилъ васъ такъ долго мучиться. Вѣдь я часто говаривалъ вамъ о своемъ благополучіи: для чего же вы никогда не сказали мнѣ о вашей горести?

Г. Вернль. Какъ было мнѣ думать, что вы можешь кончить ее? Сверьхъ того, признаюсь, старался я выбить изъ

изъ головы такія печальныя мысли. Болѣе всего боялся я вспоминать о томъ при женѣ. Даже и нынѣшнимъ утромъ, когда ты хотѣлъ говорить о своихъ дѣтяхъ, можно было тебѣ примѣтить, что я старался перемѣнить разговоръ.

Валентинъ [*бросясь въ объятія своего отца*] О батюшка! какъ я васъ стану любить, чтобы заплатить вамъ за всѣ ваши слезы!

Г. Вервиль [*обнявъ его.*] Не станемъ объ этомъ говорить, любезной сынъ; теперь уже причина слезъ изчезла.

Тибо. Не думайте этова, милостивой государь. Вы станете отъ него плакать цѣлой свой вѣкъ, съ тою только розницею, что слезы ваши будутъ радостныя. Вы его не знаете. Когда увидите всѣ его хорошія свойства, то онъ будетъ вамъ еще въ тысячу разъ милѣе. Какъ мнѣ пріятно, что вы другъ друга достойны!

Г. Вервиль [*съ чувствительностію*]. Этимъ обязанъ я вашимъ добрымъ наставленіямъ, друзья мои; у васъ научился онъ любить честь и добродѣтель. Я нахожу его такимъ, какимъ бы и самъ хотѣлъ воспитать его: чѣмъ же могу вамъ заплатить?

Тибо. Намъ заплатить? О! мы уже давно квиты. Валентинъ самъ заплатилъ

намъ. День и ночь онъ для насъ работалъ. Не уже ли вы думаете, что безъ его трудовъ поля наши могли бы быть такъ удобрены?

Г. Вервиль. И такъ вы много теряете, лишаясь его вспоможенія?

Маргар. Ахъ! мы болѣе всего будемъ сожалѣть о томъ, что лишимся удовольствія жить съ нимъ вмѣстѣ.

Валентинъ. Нѣтъ, батюшка, я долженъ вамъ сказать правду, потому что они потаятъ это отъ васъ, боясь вашего великодушія. Я имъ одолженъ всѣмъ за тѣ попеченія, которыя имѣли они обо мнѣ въ моемъ малолѣтствѣ, и потому мнѣ надлежало на нихъ работать. Но какъ они ни трудолюбивы, а руки мои были имъ нужны. Когда они лишаются моей помощи, то мнѣ должно наградить ихъ за то. На это есть только одно средство. Я надѣюсь, что вы въ теперешній радостной часъ исполните первую мою прозьбу — не правда ли, батюшка?

Г. Вервиль. Конечно, другъ мой; проси, требуй. Нѣтъ ничего такого, въ чемъ бы я тебѣ отказать могъ.

Валентинъ. Ну такъ я васъ прошу отдать имъ вовсе тѣ поля, которыхъ не могу уже для нихъ обработывать.

Тибо [*съ жаромъ*]. Что ты говоришь, Валеьшинъ?

Г. Вервиль. Онъ говоритъ то, что радуетъ мою душу, доказывая благодарность его. Другъ мой! теперь я увѣренъ, что скоро буду совершенно любимъ тобою, видя, какъ ты чувствителенъ къ той любви, которую имѣли къ тебѣ эти честные люди. Тибо! прими этотъ откупъ въ подарокъ изъ рукъ нашего общаго сына. Я не хочу отнять у него этова удовольствія. За жену же и за себя отдаю тебѣ въ прибавокъ Жервееву землю.

Тибо. Постойте, милостивой государь, постойте! Не обременяйте насъ болѣе. Какъ мы можемъ все это заслужить? Развѣ вы хотите сдѣлать насъ неблагодарными противъ нашей воли?

Г. Вервиль. Конечно ты будешь неблагодаренъ, естьли лишишь меня удовольствія заплатить тебѣ за твою услугу. Развѣ сынъ не въ тысячу разъ дороже того, что я отдаю тебѣ? Скажи, отдалъ ли бы ты своего сына за эту цѣну?

Тибо. Вы умѣете отнимать у меня языкъ; и такъ дѣлайте, что хотите. Грѣшно бы было намъ противиться вашимъ милостямъ. [*Оборачивается къ Маргари-*

гаритъ.] Ж на! нынѣшнимъ утромъ были мы не въ состояніи заплатить и половину долгу своего, а теперь по горло въ золотѣ. О дѣти! я могу умереть спокойно, оставляя васъ въ хорошемъ состояніи! А хотя я и лишаюсь тебя, Валентинъ, однакожъ радуюсь тѣмъ, что ты имѣешь достойнаго отца. Я право боюсь, чтобы не сойти съ ума отъ такой радости.

Г. Вервиль. Ну, Тибо, надобно выпить рюмку вина, чтобы этова не случилось.

Тибо. Хорошій совѣтъ; я конечно ему послѣдую. [*Наливъ всѣ рюмки, встаетъ, скидаетъ шляпу, и машетъ ею кругомъ головы.*] Ну жена! ну дѣти! [*Видя, что Жоржъ, Луизэна и Жанета не смѣютъ приняться за рюмки.*] Ну же, говорю вамъ, выпьемъ теперь все до дна въ знакъ благодарности. Да, да, Маргарита! какъ ты ни мигай, а онѣ выпьютъ.

Маргар. Да я боюсь, другъ мой —

Тибо. Тѣмъ лучше, жена. Я хочу, чтобы у нихъ въ головѣ была булавка; отъ этова онѣ лучше станутъ помнить нынѣшній день. Пусть ихъ пьютъ за здоровье нашего благодѣтеля. Когда онѣ послѣ подумаютъ обо всемъ томъ, что

онѣ

онѣ для нихъ сдѣлалъ, то за каждую каплю вина прольютъ тысячу капель слезъ благодарности и чувствительности. Простите, милостивой государь; онѣ еще не въ такихъ лѣтахъ, чтобы чувствовать всю цѣну вашихъ благодѣяній. Дайте только имъ вырость. Они и дѣти ихъ будутъ вамъ во всю жизнь благодарны.

Валентинъ. Я могу отвѣчать за нихъ; мнѣ извѣстны ихъ добрыя сердца. Любезныя сестры! милой братъ! никогда не забуду я вашей ко мнѣ дружбы. [*Обнимаетъ ихъ.*] Вы мнѣ дозволите, батюшка, ежедневно удѣлять по немногу отъ своихъ удовольствій, чтобы со временемъ устроить ихъ благосостояніе.

Г. Вервиль. Постой, Валентинъ, не отнимай у меня права моего. Я недавно обѣщалъ приготовить Жанетѣ приданое.

Валентинъ. Такъ я оставляю себѣ Жоржа и Луизону. Хорошо ли, матушка? [*Маргарита жметъ его руку, и отвѣчаетъ однѣми слезами.*] Вѣдь и ты на это согласишься, батюшка? [*Оборотясь къ Тибо.*]

Тибо. Какъ можно мнѣ отнять у тебя такое удовольствіе? Я соглашаюсь на

это

это и для себя и для тебя. Однакожь мнѣ надобно сдѣлать уговоръ съ господиномъ.

Г. Вервиль. Посмотримъ, что такое.

Тибо. Вы часто мнѣ говаривали, что вамъ и супругѣ вашей хочется имѣть загородной домъ въ здѣшнихъ мѣстахъ, гдѣ бы можно было препроводить лучшее время въ году. Здѣсь продается поле. Вы можете его купить и построить на немъ маленькой домикъ. Такимъ образомъ мы станемъ съ вами жить почти половину года. Я бьюсь объ закладъ, что Валентину будетъ скучно жить безпрестанно въ городѣ какъ въ тюрмѣ.

Г. Вервиль. Что на это скажешь, любезной сынъ?

Валентинъ. Я буду этому очень радъ, привыкнувъ уже къ деревенскому воздуху.

Г. Вервиль [*съ усмѣшкою*] Хорошо. Видишь, Тибо, что я скорѣе на твои прозьбы соглашаюсь, нежели ты на мои.

Тибо. Великая розница. Однакожь я еще не все сказалъ. Эта земля такъ велика, что можно тутъ разсадить и прекрасной садъ. Вы на меня глядите, мило-

милостивой государь: о! вы еще не знаете всего, что можетъ сдѣлать Тибо. Я бывалъ нѣкогда садовникомъ, да и теперь еще не забылъ своего ремесла. Однимъ словомъ, я берусь вамъ сдѣлать такой партеръ, что издалека будутъ пріѣзжать смотрѣть его какъ чудо.

Жоржъ. А я берусь копать каналы и ровики, дѣлать террасы и садить въ вашихъ аллеяхъ деревья.

Маргар. А я съ дочерьми буду дѣлать гряды, и садить цвѣты.

Жанета. Мы пересадимъ туда самые лучшіе изъ нашего саду.

Лукьяна [*прыгая.*] О! когда-то начнемъ работать!

Г. Вербиль. Что вы говорите, друзья мои? По этому мнѣ надобно будетъ вмѣсто васъ пахать, когда вы станете заниматься моимъ партеромъ?

Тибо. Я зналъ, что вы станете мнѣ противорѣчить. Послушайте: мы будемъ отъ этова проворнѣе въ работѣ. Къ тому же въ самое лучшее время садовой работы нечего бываетъ дѣлать въ полѣ. Хотя Валентинъ сталъ теперь и господиномъ,

номъ, однакожь я надѣюсь, что онъ намъ поможетъ. Руки его уже привыкли обходиться съ заступомъ; а работать для васъ будетъ ему очень пріятно. Оставьте это намъ. Всякой станетъ отъ добраго сердца трудиться; а все будетъ кончено прежде, нежели вы думать можете. — Ба! вотъ другъ мой Жерве! Что ему надобно? [*Встаетъ, бѣжитъ къ нему на встрѣчу и беретъ его за руку.*]

(*Окончаніе сообщено будетъ въ слѣдующемъ листѣ.*)

ЧЕСТНОЙ ОТКУПЩИКЪ.

Окончаніе.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Г. Вервиль, Валентинъ, Тибо, Маргарита, Жерве, Жоржъ, Жанета и Лукзона.

Жерве. Я пришелъ спросить у тебя, Тибо, доволенъ ли ты своими коровами?

Тибо. Любезной сосѣдъ! я болѣе радъ тому, что мы осталися друзьями. Твое разкаяніе умножаетъ нынѣ мою радость. Садись съ нами. Ты будешь сидѣть вмѣстѣ съ самымъ лучшимъ человѣкомъ на свѣтѣ.

Жерве [*подойдя ближе*] Что я вижу? Господинъ здѣсь!

Г. *Вервиль* [*съ улыбкою.*] Нѣтъ, Жерве, не я уже господинъ твой, а вотъ кто [*указывая на Тибо.*]

Жерве. Какъ, Тибо?

Тибо. Такъ, мой другъ. Однакожь мы все будемъ такъ же коротко другъ съ другомъ обходиться, какъ и прежде, хотя я и очень разбогатѣлъ.

Жерве. Я ничего не разумѣю.

Тибо. Вѣрю; это бы хоть кому показалось непоняшно. Въ жизни не найдешь

въ другой разъ такого человѣка, какъ этотъ господинъ. Вотъ въ чемъ состоитъ все дѣло: я по его милости сталъ теперь господиномъ той земли, которую мы съ тобою нанимали.

Г. Вервиль. Я ему отдалъ ее въ вѣчное и потомственное владѣніе.

Жервей. Ну, Тибо, я тебя поздравляю отъ всего моего сердца, и никакъ тебѣ не завидую. Надѣюсь, что ты также будешь ко мнѣ добръ, какъ былъ Господинъ Вервиль.

Тибо. А, мой другъ! какъ я щастливъ, что могу наградить тебя за давишнее твое признаніе! Что бы ты выигралъ, естьли бы послѣдовалъ совѣту злова человѣка? За двѣ коровенки потерялъ бы ты добраго друга. Мое богатство уморило бы тебя съ досады. Видя, что твоя наемная земля отдана мнѣ, всегда бы сталъ ты бояться, чтобы я въ отмщеніе не согналъ тебя съ нее. Эта мысль наполнила бы твою жизнь горестію. Вмѣсто того ты теперь покоенъ и находишь во мнѣ друга. Я съ величайшимъ удовольствіемъ буду служить тебѣ. Возьми назадъ коровъ своихъ, и за два года не беру съ тебя откупныхъ денегъ. [*Жервѣ въ удивленіи*

Денін не можетъ выговорить ни одного слова, устремивъ на него глаза и разэ-нувъ ротъ.]

Г. Вервиль. Я думалъ, Тибо, что нельзя уже болѣе имѣть удовольствія, какъ дѣлая тебѣ добро; но теперь, видя, какъ ты добромъ пользуешься, чувствую еще въ тысячу разъ болѣе радости.

Тибо. Худо бы было, милостивой государь, естьли бы мы только пользовались вашими милостями, а не слѣдовали бы вашему примѣру. Вы сдѣлали, что я могу одолжить моего сосѣда: и такъ васъ благодарю за это удовольствіе.

Жерве [почувствуясь и бросясь къ нему на шею.] Другъ мой! чѣмъ я могу заслужить твою дружбу? Для меня всего горестнѣе то, что не могу тебѣ возблагодарить.

Тибо. что ты говоришь, Жерве? Сохрани меня Боже, чтобы я когда нибудь дѣлалъ добро для награды! Добродѣтель сама собою награждается.

Жерве. Богъ благословитъ тебя въ твоей женѣ, дѣтяхъ и во всѣхъ твоихъ предпріятіяхъ; а я всегда буду думать о тебѣ съ радостными слезами. Даже и теперь желаю тебѣ болѣе благополучія, нежели самому себѣ. Только мнѣ завидно,

что ты имѣлъ честь обѣдать съ господиномъ Вервилемъ. Послушай: у меня есть молодой ягненокъ, котораго я хотѣлъ было продать. Теперь мнѣ хочется, чтобы мы съѣли его вмѣстѣ въ знакъ возобновленія нашей дружбы. Надобно, чтобы господинъ и ты съ женою и съ дѣтьми завтра у меня отобѣдали.

Тибо. Это, кажется, не худо вздумано, милостивой государь. Какъ вамъ кажется?

Г. Вервиль. Нынѣшній день я ничего не отказываю.

Тибо. И я. Да послушай, сосѣдъ: надобно прибавить еще одинъ приборъ — для вашей супруги, милостивой государь. Праздникъ безъ нее будетъ не совсѣмъ веселъ. Ей надобно тутъ же быть, и тогда-то я поручусь, что всѣ Короли и Королевы на свѣтѣ веселѣе нашего не обѣдывали. Жерве! нынѣшній день очень удивителенъ. Мы съ Маргаритою должны теперь ѣхать въ городъ; а завтра разскажемъ тебѣ такія чудеса, что ты отъ удивленія словъ не сыщешь; и тогда еще яснѣе увидишь, что добродѣтель, непокол бимая въ нещастіи, получаетъ всегда награжденіе.

КОНЕЦЪ.

СТАТЬИ
изъ
Contemplation de la Nature,
Боннетова сочиненія.

Человѣкъ, разсматриваемой какъ существо тѣлесное.

На верьху лѣствицы нашего шара поставленъ человѣкъ, совершеннѣйшее дѣло въ земномъ твореніи.

Разсматриватели дѣлъ Всемогущаго! ваше удивленіе изтощается, когда вы взираете на сіе чудесное твореніе. Будучи поражены благородствомъ сего предмета, желали бы вы живо изъяснить всѣ его красоты; но слабая кисть ваша не соотвѣтствуетъ живости вашихъ представленій.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ можно съ силою выразить сіи удивительныя соразмѣрности; сію благородную и величавую осанку; сіи черты, изполненныя силы и величія; сію голову, украшенную прекрасными волосами; сіе отверзстое и возвышенное чело; сіи живыя и проницательные глаза, служащіе велерѣчивыми толкова-

вателями душевныхъ чувствованій; сіи уста, престолъ улыбки, органъ слова; сіи уши, коихъ чрезвычайная нѣжность чувствуетъ самомалѣйшее различіе тоновъ; сіи руки, драгоцѣнныя орудія, неизчерпаемой источникъ новыхъ произведеній; сію открытую и пріятно возвышенную грудь; сей прекрасной и гибкой станъ; сіи ноги, изящные столпы, столь хорошо соотвѣтствующіе оперпому на нихъ зданію; наконецъ сія стопа, база узкая и нѣжная, но чудесная по твердости и движеніямъ своимъ!

Естьли мы войдемъ потомъ во внутренность сего изящнаго зданія, то ужасное число его частей, ихъ удивительное разнообразіе, чудесной составъ, чудесная гармонія, непостижимое изкусство ихъ раздѣленія, приведутъ насъ въ возхищеніе, изъ котораго выдемъ мы только для того, чтобы жаловаться на недостаточкъ силъ удивляться такимъ чудесамъ.

Кости, по своей твердости и связи, составляютъ основаніе или срубъ зданія; лигаменты [жесткое мясо, или матерія, связывающая составы] суть связи, которыя соединяютъ всѣ части; мускулы, такъ какъ пружины, производятъ свое дѣйствіе; нервы, простираясь во всѣ части, пола-

полагаютъ между ними тѣсное сообщеніе; пульсовыя и кровяныя жилы, подобныя ручьямъ, приносятъ всюду освѣженіе и жизнь; сердце, находящееся въ средоточіи, есть хранилище или главная сила, которой опредѣлено приводить въ движеніе жидкость и питать оную; легкое есть другая сила, привлекающая во внутренность свѣжій воздухъ и выгоняющая отсюду вредные пары; желудокъ и разнаго рода кишки суть магазины и лабораторіи, гдѣ пріуготовляются матеріи для нужныхъ замѣнъ или поправокъ; мозгъ, жилище души, довольно для сего пространенъ, (*) и убранъ по достоин-

(*) Я хотѣлъ дать знать чрезъ сіе выраженіе, что мозгъ у человѣка по соразмѣрности гораздо болѣе, нежели у большой части животныхъ. Анатомическія сравненія представляютъ намъ въ разсужденіи сего весьма любопытные примѣры. Я приведу здѣсь только нѣкоторые изъ оныхъ. Въ человѣкѣ, вѣсомъ во сто фунтовъ, мозгъ вѣситъ четыре фунта; а въ быкѣ, вѣсомъ въ восемь и девять сотъ фунтовъ, вѣситъ онъ только одинъ фунтъ. И такъ мозгъ въ человѣкѣ есть двадцать пятая часть всей

ству своего хозяина; чувства, сіи проворные и вѣрные служители души, увѣдомляютъ ее о всемъ томъ, что ей знать нужно, и служатъ равно къ ея удовольствіямъ и потребностямъ.

всей его массы, а въ быкѣ только осьмисотая или девятисотая. Собака, вѣсомъ въ пятнатцать фунтовъ, имѣетъ мозгу только не много по болѣе двухъ унцій. Въ зайцѣ мозгъ есть только двусотая часть всей его массы.

Однакожь въ семъ есть замѣчательныя изключенія. Дельфинъ по соразмѣрности имѣетъ, кажется, столько же мозгу, какъ и человѣкъ; а у морскихъ телятъ или фоковъ нашли его еще и болѣе по соразмѣрности всей массы. Мы выше сего видѣли, что мозгъ у гусеницы не есть и пятидесятая часть головы.

Разумныя человѣческія дѣйствія по видимому требовали, чтобы его мозгъ могъ пропускать большее количество сего драгоцѣннаго соку, отъ котораго зависятъ душевныя дѣйствія. Изъ сего бы почти можно было заключить то, что животныя, которыя по своему разуму наиболѣе приближаются къ человѣку, должны имѣть и мозгу болѣе другихъ.

Человѣкъ одаренной разумомъ, упражняющійся въ наукахъ и художествахъ.

Но посмѣшимъ разсмотрѣть человѣка какъ существо разумное.

Человѣкъ одаренъ разумомъ; онъ имѣетъ идеи; сравниваетъ сіи идеи, судитъ о ихъ согласіяхъ или противоположностяхъ, и дѣйствуетъ по сему разсужденію.

Только онъ одинъ между всѣми животными пользуется даромъ слова; облекаетъ свои понятія въ термины или въ произвольные знаки, и чрезъ сіе удивительное преимущество производитъ между ими связь, которая изъ воображенія и памяти дѣлаетъ неоцѣненное сокровище познаній. Чрезъ сіе человѣкъ сообщаетъ свои мысли, и возвышаетъ свои способности; чрезъ сіе онъ достигаетъ до всѣхъ художествъ и до всѣхъ наукъ; чрезъ сіе вся Натура покорена ему (*).

(*) Естьли бы Психологія и не доказывала, что человѣкъ единственно способности слова обязанъ своимъ преимуществомъ передъ прочими животными, то глухіе и нѣмые отъ рожденія, и младенцы,

Иногда твердымъ и гармоническимъ гласомъ возпѣваетъ онъ въ Поэмѣ добродѣтели Героя. Иногда кистію своею перемѣняетъ простое полотно въ прекрасную перспективу. Иногда, имѣя въ рукахъ ножницы или долото, оживотворяетъ мраморъ, и вливаетъ дыханіе въ металлъ. Иногда, взявъ отвѣсъ и наугольникъ, сооружаетъ великолѣпное зданіе. Иногда, помощію микроскопа, которой самъ онъ изобрѣлъ, ищетъ новыхъ міровъ въ невидимыхъ атомахъ, или проницаетъ въ сокро-

---

денцы, найденные въ лѣсахъ, все бы не позволяли въ томъ сомнѣваться. Извѣстно бѣдное состоянiе первыхъ; а повѣствованiя, читаемыя о послѣднихъ, кажется болѣе принадлежатъ къ исторiи *Оранг - Утанга*, или подлиннаго *лѣснаго человѣка*, нежели къ исторiи разумнаго существа. Видѣли даже такихъ младенцевъ, которыхъ Натура возпитала въ лѣсахъ. Они были столь унижены, и даже столь скотоподобны, что ихъ никакъ не можно было выучить говорить. И такъ сiи нещастные человѣки остались на ровнѣ съ Оранг-Утангомъ — доказательство, что возпитаніе рѣшитъ все въ жизни человѣческой!

сокровенное дѣйствіе какого либо органа. Иногда, сдѣлавъ изъ сего микроскопа телескопъ, возносится въ самыя небеса, и разсматриваетъ Сатурна и его луны. Возвратясь въ жилище свое, предписываетъ законы тѣламъ небеснымъ, назначаетъ ихъ путь, мѣряетъ землю, вѣситъ солнце. Потомъ, направляя свой путь къ высочайшимъ странамъ Метафизики, изыскиваетъ натуру существъ, разсматриваетъ ихъ отношенія и чудесную гармонію, отъ того происходящую; и вѣся ихъ разныя совершенства, видитъ составляющуюся огромную цѣпь, которая всѣхъ ихъ объемлетъ. Иногда — хотя не такъ славно, однакожь не менѣе уваженія достойно — человѣкъ занимается художествами, которыя снабжаютъ его нужнымъ, или увеличиваютъ его удобности. Разумъ его ко всему способенъ. Земля, имъ обрабатываемая, приноситъ всякой день новые плоды. Конопель и ленъ выходятъ изъ своей оболочки, чтобы доставить ему одежду. Овца отдаетъ ему свое богатое руно, а шелковой червь прядетъ для него свои драгоцѣнныя нити. Послушной металлъ образуется въ его рукахъ. Камень размягчается въ его пальцахъ, и крѣпчайшія дерева упада-

ютъ

ютъ къ ногамъ его, и новое бытіе получаютъ. Всѣ животныя покорены его законамъ, и самыя свирѣпѣйшія не могутъ безъ наказанія возстать противъ его короны. Однихъ употребляетъ для себя въ пищу, другихъ запрягаетъ въ свою колесницу, а иныхъ осуждаетъ орать свои поля. Нѣкоторыхъ дѣлаетъ своими носильщиками, своими ловцами, стражами, музыкантами. Наконецъ человѣкъ пролагаетъ себѣ смѣлой путь чрезъ пространной океанъ, и чрезъ мореплаваніе соединяетъ оба конца земли.

Человѣкъ въ общежитіи.

Изящность человѣческаго разума является съ новымъ блескомъ въ учрежденіи обществъ или вѣлъ политическихъ.

Тамъ добродѣтель, честь, страхъ и польза, разнымъ образомъ раздѣленныя, или соединенныя, дѣлаются источникомъ мира, благополучія и порядка. Всѣ члены, другъ съ другомъ связанные, движутся правильно и гармонически. Подъ сѣнію законовъ Король, Князь, судья, пользуются

зуются своею праведною властію, ободряютъ добродѣтель, обуздываютъ порокъ и разпространяютъ повсюду щастливыя вліянія своего правленія. Въ обществѣ, подобно какъ въ чистомъ и плодотворномъ климатѣ, зараждаются и разпускаются разныхъ родовъ дарованія. Тамъ процвѣтаютъ механическія и свободныя изкусства. Тамъ родятся Поэты, Ораторы, Историки, Медики, Философы, Юристы, Теологи. Тамъ образуются сіи великодушныя сердца, сіи храбрые войны, сіи великіе полководцы, крѣпчайшая подпора государства. Тамъ наконецъ доходитъ до совершенства дружба, вѣрная подруга жизни, утѣшеніе въ нашихъ бѣдствіяхъ и услажденіе нашихъ забавъ.

Человѣкъ въ общеніи съ Богомъ черезъ Религію.

Послѣдній знакъ величества человѣка и его высокаго преимущества передъ животными есть общеніе, которое имѣетъ онъ черезъ Религію съ своимъ Создателемъ.

Животныя, окруженныя густѣйшею тьмою, не знаютъ Руки, ихъ сотворившей.

шей. Онѣ наслаждаются бытіемъ, но не могутъ познать Творца жизни. Одинъ человѣкъ возносится къ сему Божественному Началу, повергается предъ престоломъ Вышняго и съ чувствомъ глубочайшаго благоговѣнія и живѣйшей благодарности чтитъ неизреченную Благость, его создавшую. По многимъ высокимъ способностямъ, которыми человѣкъ обогащенъ, Богъ благоволитъ открываться ему и вести его, какъ бы за руку, по путямъ щастія. Разные законы, полученные имъ отъ вышней Премудрости, суть великіе свѣтильники, возженныя въ разныхъ мѣстахъ на пути, ведущемъ его отъ времени къ вѣчности.

Бывъ освѣщаемъ симъ Небеснымъ Свѣтомъ, человѣкъ шествуетъ по отверзстому для него пути славы, и се беретъ уже вѣнецъ жизни, и возлагаетъ его на безсмертное чело свое!

Постепенности человѣчества.

Таковъ человѣкъ въ самой вышней степени земнаго совершенства. Когда разсматриваешь его съ сей стороны, то онъ является столь возвышенъ надъ всѣми животными, что лѣствица нашего шара имѣетъ здѣсь, кажется, великой промежутокъ. Но шествіе Натуры вездѣ одинаково, и человѣчество имѣетъ также свои постепенности, какъ и всѣ произведенія нашего шара. Между совершеннѣйшимъ человѣкомъ и обезьяною находится весьма великое число промежуточныхъ колецъ.

Обойди всѣ народы земные (*); разсмотри жителей одного государства, одной

(*) Мнѣ тотчасъ было пришло на мысль начертать здѣсь *разнообразія* человѣческаго рода; но онѣ такъ многочисленны, что могли бы однѣ подать матерію на большой томъ. Прошу моего читателя обозрѣть любопытную картину оныхъ въ твореніи Живописца Натуры. Тамъ не безъ удивленія увидитъ онъ великія перемѣны, или, можно сказать, странныя превращенія, производимыя въ семъ главномъ родѣ всегда

одной провинціи, одного города, одного мѣстечка — что я говорю! — посмотри на членовъ одного семейства, и тебѣ покажется, что каждой человѣкъ составляетъ особливой родъ.

(*Продолженіе будетъ впредь*).

гда дѣйствующею силою климата; въ родѣ, которой только одинъ не привязанъ ни къ какому особливому климату; которой живетъ, растетъ и плодится отъ ледяныхъ земель Полюсовъ до огненныхъ климатовъ Торриды; которой, бывъ разнообразованъ и отшѣненъ до безконечности, представляетъ вездѣ то же единство, удерживаетъ вездѣ незагладимыя черты перваго своего происхожденія, и существенно пребываетъ тотъ же, какъ въ безобразномъ жителѣ Гренландіи или береговъ Каспійскаго моря, такъ и въ Формозскомъ жителѣ съ хвостомъ или въ ночномъ обитателѣ Даріи.

Статьи изъ Contemplation de la Nature,

Продолженіе.

Послѣ Лапландскаго карлы (*) посмотри на великана земель Магелланскихъ

(*) „Слишкомъ уже умалили ростъ Лапландцовъ. Понеже дѣти у сего нещастнаго народа, столь униженнаго жестокостію климата, обезображены и сморщиваются съ самыхъ первыхъ лѣтъ, имѣя видъ маленькихъ стариковъ; то жадные къ чудесамъ путешественники сказали, что всѣ Лапландцы бываютъ ростомъ отъ двухъ до трехъ футовъ. Но путешественникъ другаго класса, котораго важное астрономическое предпріятіе привело къ сѣверному полюсу, открылъ намъ, что карлы съ большою головою, съ толстымъ корпусомъ, съ широкимъ и плоскимъ лицомъ, съ приплюснутымъ носомъ и пронзительнымъ голосомъ, которые живутъ въ сей ледяной странѣ, по большой части ростомъ бываютъ около четырехъ футовъ. Но въ той же зонѣ есть роды меньшаго росту, наприм. Борандійцы.„

„Я

скихъ (*). Послѣ плосколицаго, чернаго и кудряваго Африканца взгляни на Европейца,

---

„Я боюсь говорить здѣсь о Квимахъ, жителяхъ высокихъ горъ Мадагаскарскихъ, которые, говорятъ, составляютъ народъ совершенныхъ Пигмеевъ, весьма смѣлыхъ, довольно соразмѣрныхъ по ихъ малому стану, но у которыхъ руки безмѣрно долги; ибо все то, что объ нихъ повѣствуютъ, не совершенно утверждено. Естьли вѣрить повѣствованіямъ ихъ сосѣдей, то они должны быть менѣе Лапландцовъ, и ростомъ не болѣе трехъ футовъ.„

„Есть другой народъ Пигмеевъ, которые еще менѣе Квимовъ, и которыхъ существованіе также не утверждено. Я говорю о карлахъ Тукуманскихъ горъ въ Южной Америкѣ. Гишпанцы говорятъ, что они ростомъ бываютъ только въ тридцать одинъ дюймъ.„

(*) „Разумѣется, что я говорю о Патагонахъ, въ величинѣ которыхъ путешественники часто не согласны между собою. Ростъ ихъ столько же увеличили, сколько умалили ростъ Лапландцовъ. Нѣкоторые повѣствуютъ, что величина ихъ простирается до двенатцати и тринатцати футовъ; но самые новѣйшіе про-

ца, котораго правильныя черты еще болѣе украшаются бѣлизною его цвѣта и красотою волосъ его. Нечистоплодности Готтентотовъ противупоставь чистоплодность Голландцовъ (*). Отъ же-

просвѣщеннѣйшіе путешественники пишутъ, что они бываютъ ростомъ только отъ шести до семи футовъ. По соразмѣрности они толсты, довольно статны; а лице ихъ хотя немного и плоско, однакожь черты имѣютъ довольно правильныя.„

(*) „Сколь Готтентотъ безобразенъ, столь онъ и гадокъ. Голова его покрыта щетинистыми волосами, или курчавою шерстью, а лице длинною бородою; два волосяные полумѣсяца, еще гораздо грубѣйшіе своею шириною и толстотою, закрываютъ лобъ и лишаютъ его всякаго величественнаго характера, и не только затемняютъ тѣнью глаза, но еще углубляютъ и округляютъ ихъ, подобно глазамъ звѣринымъ; губы толсты и выпуклы; носъ плоскъ; взглядъ глупъ, или дикъ; уши и все тѣло въ шерсти; кожа такъ жеска и черна, какъ опоекъ; ногти длинны, толсты и кривы; подошва такъ груба, какъ копыто; груди у женщинъ длинны и мягки; кожа отъ брю-

стокаго людоѣда перейди поскорѣе къ человѣколюбивому Французу. Поставь глупаго Гурона противъ глубокомысленнаго Англичанина. Возходи отъ Шотландскаго крестьянина до Ньютона. Сойди отъ гармоніи музыканта Рамо къ сельскимъ пѣснямъ пастуховъ. Положи на вѣсы слесаря, дѣлающаго вертело, съ Вокансономъ, творящимъ свои Автоматы. Перещитай, сколько степеней находится между кузнецомъ, заставляющимъ стонать наковальню, и Реомюромъ, анатомирующимъ желѣзо.

Всѣ сіи разнообразія, которыя насъ удивляютъ въ разумномъ совершенствѣ человѣка, зависятъ ли частію отъ существеннаго различія, которое находится между человѣческими душами, независи-

---

брюха виситъ до самыхъ колѣнъ; дѣти валяются въ навозѣ и ползаютъ на четвереньках; отецъ и мать, сидя на пяткахъ, имѣютъ видъ самый гнусный, и всѣ вымараны вонючимъ жиромъ. И сіе начерталіе дикаго Готтентота есть еще льстивой портретъ.„

Читатель мой конечно узнаетъ живописца, который начерталъ сей портретъ.

висимо отъ того, которое можетъ произвести организація?

Мы не станемъ такъ думать, если будемъ имѣть болѣе вниманія къ силѣ здравія и болѣзни, темперамента, рода жизни, климата, воспитанія, и проч. Какое множество слѣдствій выводитъ математикъ изъ одного самаго простаго правила! Отдай самоѣдіе правило въ руки простолюдима: оо останется безплодно и не родитъ и малѣйшей истины.

Число справедливыхъ слѣдствій, выводимыхъ разными умами изъ одного правила, не могло ли бы служить основаніемъ къ составленію *Психометра*, или *душемѣра*? и не можно ли чаять, что нѣкогда будутъ также измѣрять духъ, какъ нынѣ измѣряютъ тѣла? (*).

(*) „Читая съ примѣчаніемъ творенія великихъ умовъ, говоритъ человѣкъ принадлежащій къ числу оныхъ, найдемъ, что оныя суть ничто иное, какъ аппликація [отношеніе] одного или двухъ весьма пространныхъ правилъ принципій], распространеніе или объясненіе одной

Разныя соотношенїя земныхъ существъ.

Предварительное разсужденіе.

Мы уже видѣли, что во вселенной все находится въ соразмѣрности или въ соотношеніи; но сію великую истину разсматривали мы только въ отдаленіи. Теперь можемъ къ ней приближиться и устремить вниманіе наше на самыя важнѣйшія подробности.

Не станемъ смотрѣть на сію величественную гармонію, которая, возвѣшивая созвѣздія созвѣздіями, одушевляетъ небеса.

Оставимъ сокровенныя дѣйствія тяжести, законы ударенія тѣлъ и разныя силы, разсѣянныя во вселенной.

Разсмотримъ соотношенія, которыхъ дѣйствія связуются съ понятіями болѣе извѣстными, или менѣе смѣшенными.

Сос-

одной или двухъ великихъ идей, изобрѣтенныхъ сими людьми, которые чувствовали всю ихъ обширность, такъ, какъ вообще почти всѣ машины одного механика, сколь бы онѣ ни казались разнообразны, имѣютъ одно основанїе.

Соединеніе душъ съ тѣлами организованными.

Сіе соединеніе есть источнию плодотворнѣйшей и чуднѣйшей армоніи, находящейся въ Натурѣ.

Сущность безъ протяженія, безъ твердости, безъ образа, соеднена съ сущностію протяженною, твердою, образованною. Сущность мыслящая, и заключающая въ себѣ начало дѣйствія, соединена съ сущностію немыслящею, которая по своему естеству не влчется ни къ движенію, ни къ покою. Отъ сего удивительнаго соединенія происходитъ между двумя сущностями взаимное сообщеніе, родъ дѣйствія и отдѣйствія, которая есть жизнь существъ организованныхъ и одушевленныхъ.

Нервы, разнымъ образомъ потрясаясь отъ предметовъ, сообщаютъ свои потрясенія мозгу; а по симъ впечатлѣніямъ произходятъ въ душѣ представленія и ощущенія, совершенно отличныя отъ причины, которая, кажется, ихъ производитъ.

Представленія и ощущенія.

Оныя имѣютъ одинакое произхожденіе, а различаются только степенію потрясенія. Лучи, выходящіе изъ предмета, трогаютъ мою оптическую нерву; я получаю *представленіе* (perception), которое увѣдомляетъ меня о присутствіи предмета. Они потрясаютъ весьма сильно сію нерву, у меня дѣлается *ощущеніе* (ſenſation), которое я изъясняю словомъ, *боль* или *неудовольствіе*.

Разность чувствъ, чрезъ которыя душа получаетъ впечатлѣнія отъ предметовъ, производитъ въ ея представленіяхъ и ощущеніяхъ подобную разность.

Чувствованія (ſentimens), причиняемыя потрясеніемъ нервъ зрѣнія, совершенно отличаются отъ тѣхъ, которыя производитъ потрясеніе нервъ слуха. Чувствованіе осязанія не имѣетъ никакого сходства съ чувствованіемъ вкуса. Онѣ суть разныя измѣненія (modifications) души, которыя соотвѣтствуютъ разнымъ свойствамъ предметовъ.

Но какъ нервы, которыя кажутся способны только къ большей или меньшей толстотѣ, къ большей или меньшей долготѣ, къ большему или меньшему

составленію, къ большей или меньшей чувствительности, къ скорѣйшимъ или медленнѣйшимъ потрясеніямъ — какъ могутъ нервы причинять въ душѣ такое великое разнообразіе въ представленіяхъ, которое мы чувствуемъ?

Есть ли такое соотношені между душею и машиною органическою съ которою она соединена, чтобы нервамъ опредѣленной величины, опредленнаго сложенія и опредѣленной чувствительности, всегда ощвѣтствовали нѣкоторыя опредѣленныя представленія?

Находятся ли въ каждомъ чувствѣ нервы, точно приноровленныя къ разнымъ частицамъ, ко впечатлѣнѣ которыхъ привязаны разныя представленія? Пирамидальная форма *бородавочекъ* (papilles) вкуса и осязанія, криыя отверзтія уха, и разная преломимость (refrangibilité) лучей свѣта суть и доказательства истины сего чаянія?

Какъ бы то ни было, но всякой понять можетъ, что одна чувствительная фибра не способна въ одно время принять множества разныхъ впечатлѣній; но сей фибрѣ опредѣлено не только передавать душѣ впечатлѣніе предметовъ, но она должна еще и возбуждать въ ней

возноминаніе оныхъ; ибо тысячи случаевъ доказываютъ, что память основывается на мозгѣ: какъ же понять, что одна фибра удерживаетъ вдругъ множество разныхъ настроеній (determinations)?

Любопытство наше простирается далѣе: какъ двѣ сущности, столь различныя, какъ душа и тѣло, могутъ взаимно дѣйствовать одна на другую?

При семъ вопросѣ потупимъ смиренно глаза свои и признаемъ, что сіе есть одно изъ величайшихъ таинствъ творенія, котораго намъ не дано знать. Разныя покушенія глубокомысленнѣйшихъ Философовъ разныхъ временъ, предпринимавшихъ изъяснить сіе, суть памятники силы и слабости человѣческаго разума.

Страсти.

Душа, различно трогаемая сильнѣйшими или слабѣйшими впечатлѣніями, и сама опять дѣйствуетъ на нервы, удерживаетъ потрясенія въ оныхъ и дѣлаетъ ихъ живѣйшими и продолжительнѣйшими.

Отъ

Отъ сего родятся страсти, сіи сильныя движенія, сіи дѣятельныя склонности, сіи тайныя стремленія, сіи безпокойныя вожделѣнія, сіи гнѣтущія желанія, которыя разрушаютъ равновѣсіе души и влекутъ ее къ нѣкоторымъ предметамъ.

Чудесныя орудія, приводимыя въ дѣйствіе премудрымъ Творцомъ Натуры, щастливыя страсти, вы, которыя, подобно благотворнымъ вѣтрамъ, носите одушевленныя машины по Океану чувствительныхъ предметовъ; вы, соединяя роды, сохраняете порядокъ тварей; вы чрезъ тайныя связи привязываете отцовъ и матерей къ дѣтямъ, дѣтей къ отцамъ и матерямъ; вы взбуждаете къ трудолюбію животныхъ и самаго человѣка; однимъ словомъ, вы душа чувствующаго міра!

Сильныя страсти, ужасны разрушительные орканы! вы причиняете тѣ бури, которыя потопляютъ души; вы истребляете части, хотя сохранить цѣлые роды; вы вооружаете отцовъ противъ дѣтей, дѣтей противъ отцовъ; вы превращаете прилѣжность въ хищность, въ свирѣпость, въ разбой; однимъ

нимъ словомъ, вы опровергаете міръ чувствующій!

Отдѣйствіе души на нервы, кажется, есть еще главный источникъ различныхъ чувствованій нашихъ, изъ которыхъ многія составляютъ то, что называютъ *естественнымъ побужденіемъ* (instinct), или *нравственнымъ чувствомъ*.

Естьли нѣкоторыя сплетенія нервъ потрясаются чрезъ впечатлѣніе такихъ предметовъ, которые могутъ возбудить жалость, ужасъ, или какое другое чувствованіе; то не возможно ли душѣ, при видѣ, или при одномъ помышленіи о сихъ предметахъ, тронуть точно тѣ же сплетенія, или тѣ же связки нервъ, и такимъ образомъ превратить представленіе въ чувствованіе, или сдѣлать сильнѣе и продолжительнѣе? Тѣ, которые видя мучительную операцію, въ воображеніи чувствуютъ нѣчто подобное боли страждущаго, не утверждаютъ ли сего чаянія? а сновидѣнія не подкрѣпляютъ ли онаго еще болѣе?

Темпераментъ.

Предметы трогаютъ душу не непосредственно. Она получаетъ отъ нихъ впечатлѣнія чрезъ посредниковъ. Чувства суть сіи посредники. Такимъ образомъ дѣйствіе предметовъ измѣняется по натурѣ или сложенію каждаго посредника или чувства.

И какъ сіи посредники не могутъ быть совершенно одинаковы въ разныхъ людяхъ; то выходитъ изъ сего, что разные люди не могутъ чувствовать точно одного при дѣйствіи однихъ предметовъ.

Большая или меньшая способность чувствительныхъ фибръ принимать наружныя впечатлѣнія, передавать ихъ душѣ, и возбуждать въ ней ихъ воспоминаніе, купно со свойствомъ и количествомъ соковъ, составляютъ вообще темпераментъ.

У животныхъ темпераментъ производитъ все; у человѣка темпераментомъ управляетъ разумъ, а благоправимый темпераментъ облегчаетъ съ своей стороны дѣйствіе разума.

Для чего тяжело управлять тѣми страстями, которыя произходятъ отъ тем-

темперамента? Онѣ крѣпко связаны съ машиною, а чрезъ машину съ душею.

И такъ страсти питаются, растутъ и укрѣпляются, такъ, какъ фибры, которыя суть ихъ столица (*).

Познавай же свой темпераментъ! Есть-ли онъ пороченъ, можешь исправить его, одна-

---

(*) То, что я здѣсь говорю о страстяхъ, не покажется увеличеннымъ тому, кто размышлялъ о устройствѣ нашего существа. Довольно ясно доказано многими случаями, что страсти имѣютъ въ тѣлѣ физическое обиталище, такъ, какъ всѣ наши склонности (affections) и идеи. Сіе обиталище есть собраніе органическихъ частей, получившихъ отъ рожденія и воспитанія особливыя разположенія или настроенія, которыя сохраняютъ онѣ посредствомъ удивительнаго и тайнаго изкусства ихъ состава. Силою сего изкусства, котораго не можемъ постигнуть никакими разысканіями, сіи органическія части превращаютъ въ свою натуру питательные соки, сообразно съ своими настроеніями. И такъ онѣ питаются, растутъ и укрѣпляются, не теряя полученныхъ разположеній, или способности снова производить въ душѣ нѣкоторыя чувствованія.

однакожь не стараясь разрушить онаго; ибо отъ сего разрушилась бы сама машина; можешь изправить его, отводя изкусно его стремленіе, и стараясь убѣгать того, что могло бы придать ем новыя силы и увеличить сію опасную быструю рѣку.

Память и воображеніе.

Чувства, опредѣленныя передаютъ душѣ внѣшнія впечатлѣнія, устроены по прямымъ отношеніямъ къ образу дѣйствія разныхъ предметовъ, къ которымъ оныя сотворены. Глазъ имѣетъ сношенія со свѣтомъ, ухо со звукомъ.

Но разные предметы, могуще трогать одно чувство, дѣйствуютъ не всѣ одинакимъ образомъ; по чему должно органу, который получаетъ и предаетъ всѣ сіи впечатлѣнія, быть со всѣми въ сношеніи. Между лучами свѣта находится частная разность, которую намъ призма показываетъ, и которая, кажется, предполагаетъ подобную разность въ фибрахъ зрѣнія. Равномѣрно находится частная разность и между лучами звука (rayons ſonores), которая предполагаетъ нѣчто подобное и въ органѣ слуха.

И

И такъ вѣроятно, что каждое чувство заключаетъ въ себѣ частно разнствующія фибры, которыя суть малыя особенныя чувства, дѣйствующія собственнымъ своимъ образомъ, чтобы возбуждать въ душѣ представленія, соотвѣтствующія ихъ игрѣ или движенію.

Сіи столь нѣжныя орудія служатъ не только къ произведенію въ душѣ всякаго рода представленій, но возбуждаютъ въ ней и вспоминаніе оныхъ. Настоящее представленіе въ памяти существенно не отлично отъ того, которое возбуждаетъ предметъ. Сей производитъ представленіе единственно посредствомъ чувствительныхъ фибръ, которыя къ нему приноровлены, и на которыя производится его дѣйствіе. И такъ возобновленіе представленія зависитъ еще отъ движенія, которое дѣлается въ сихъ самыхъ фибрахъ независимо отъ предмета. Отъ внутреннихъ ли причинъ происходитъ въ органѣ движеніе, или отъ предмета, но дѣйствіе въ разсужденіи души бываетъ то же, и представленіе въ ней тотчасъ возбуждается.

(*Продолженіе будетъ впредь*).

Статьи изъ Contemplation de la Nare,

Продолженіе.

Опытъ доказываетъ, что есьли порядокъ какихъ нибудь представленій нѣсколько времени возбуждается въ мозгу, то онъ получаетъ чрезъ то способность паки производить сіи представленія въ такомъ же порядкѣ. Опытъ же доказываетъ, что сія способность принадлежитъ мозгу, а не душѣ. Горячка, лучь солнца, жестокое потрясеніе можетъ оную изтребить; сіи же причины имѣютъ вліяніе только на машину (*).

(*) Медицинскія лѣтописи наполнены такими совершенно физическими случаями, которые ослабляли или и совсѣмъ изтребляли память. Не менѣе утверждаетъ сію истину и то, что случаи самаго того же рода не только не ослабляли памяти, но еще придавали ей новую силу. Такимъ-то образомъ наиблагороднѣйшія спо-

Всѣ представленія произходятъ отъ чувствъ, а чувства доводятъ до столицы души впечатлѣнія, получаемыя ими отъ предметовъ.

Но предметы дѣйствуютъ на органъ единственно чрезъ гнѣтеніе. И такъ они сообщаютъ нѣкоторыя движенія чувствительнымъ фибрамъ.

По сему представленіе, или нѣкоторой рядъ оныхъ, произходитъ отъ одного или многихъ движеній, которыя одно за другимъ возбуждаются въ разныхъ фибрахъ.

И понеже повтореніе одного движенія въ однѣхъ фибрахъ раждаетъ въ нихъ

способности нашего существа привязаны къ нѣкоторымъ частицамъ матеріи; но сіе нѣсколько усмирительное разсужденіе никакъ не заставляетъ истиннаго Философа сомнѣваться въ безтѣлесности души: ибо онъ знаетъ, что человѣкъ есть существенно смѣшанная или сложная сущность, и что онъ не есть ни одна матерія, ни одинъ духъ.

нихъ привычную способность паки производить ихъ въ постоянномъ порядкѣ; то мы можемъ изъ сего заключить, что чувствительныя фибры устроены по такимъ сношеніямъ съ образомъ дѣйствія предметовъ, что они производятъ въ нихъ перемѣны или настроенія болѣе или менѣе продолжительныя, составляющія богатую казну памяти и воображенія.

Мы не знаемъ, въ чемъ состоятъ сіи настроенія или детерминаціи; ибо механика чувствительныхъ фибръ намъ не извѣстна. Но мы знаемъ по крайней мѣрѣ то, что дѣйствіе предметовъ не переноситъ ихъ изъ одного мѣста въ другое: оно производитъ въ фибрахъ только частныя движенія. Намъ извѣстно также, что чувствительныя фибры не могутъ принимать сихъ движеній безъ того, чтобы стихіи, изъ которыхъ онѣ составлены, не разполагались однѣ противъ другихъ въ нѣкоторомъ отношеніи къ произведенію движенія.

И такъ отъ составленія, отъ формы, отъ соразмѣрностей и взаимнаго

разположенія стихій произходитъ способность фибръ принимать, передавать и удерживать разныя настроенія, соотвѣтствующія разнымъ впечатлѣніямъ, разному порядку потрясеній.

Но чувствительныя фибры питаются также, какъ и всѣ прочія части тѣла: онѣ превращаютъ питательныя матеріи въ собственную свою сущность; онѣ растутъ, и питаяся и возрастая, производятъ собственныя свои дѣйствія, и существенно преобываютъ тѣмъ, что суть. И такъ ихъ механика такова, что онѣ вмѣщаютъ въ себя питательныя матеріи въ прямомъ отношеніи къ своему строенію и къ своимъ полученнымъ настроеніямъ. По сему питаніе имѣетъ цѣлію сохраненіе и укорененіе въ фибрахъ сихъ настроеній; ибо, по мѣрѣ ихъ возрастанія, дѣлаются онѣ шверже — и здѣсь-то, кажется, вижу я произхожденіе привычки, сей могущественной обладательницы чувственнаго и разумнаго міра.

Память, сохраняя и снова являя душѣ знаки представленій, увѣряя ее въ одина-

одинаковости (identité) оныхъ съ тѣми, которыя ее уже прежде трогали. и связывая настоящія представленія съ предъидущими, производитъ *личность* (perſonalité), и дѣлаетъ изъ мозга магазинъ знаній, котораго богатство ежеденѣльно увеличивается.

Воображеніе, столь превосходное въ Микель Анджахъ и Рафаеляхъ. снова представляетъ душѣ вѣрный образъ предметовъ; и изъ разныхъ картинъ, которыя оно составляетъ, дѣлается въ мозгу кабинетъ живописей, которго всѣ части движутся и соединяются съ несказанною скоростію и разнообразностію.

Такимъ образомъ разные мзги можно почесть разными зеркалами въ которыхъ вкратцѣ изображаются разныя части вселенной. Между сими зеркалами нѣкоторыя являютъ только смое малое число предметовъ; другія обымлютъ большее пространство; иныя редставляютъ почти цѣлую Натуру. Какая соразмѣрность между зеркаломъ крота и зеркаломъ Ньютона или Лейбница! Ка-

кіе образа являются въ мозгу у Гомера, Виргилія или Мильтона! Какая Механика производитъ сіи чудесныя декораціи! Умъ, которой могъ бы читать въ Гомеровомъ мозгу, увидѣлъ бы тамъ его Иліаду, представленную въ разнообразныхъ играхъ милліона фибръ.

Сновидѣнія.

Чувствительныя фибры, на которыя предметы во время бдѣнія дѣйствуютъ, получаютъ отъ того наклоненіе къ впечатлѣннымъ движеніямъ. Естьли какое нибудь внутреннее движеніе потрясетъ ихъ во время сна, онѣ тотчасъ придутъ въ движеніе, и представятъ душѣ тѣ идеи, которыя она имѣла во время бдѣнія. Соединеніе и послѣдствіе сихъ идей будутъ соотвѣтствовать роду потрясенныхъ фибръ, связямъ, въ которыя онѣ войдутъ между собою, и порядку, по которому движенія будутъ стремиться къ распространенію. Отъ сего произойдетъ сновидѣніе, болѣе или менѣе сложное, болѣе

болѣе или менѣе связное или продолжительное.

Для чего представленія, трающія душу во время сна, столь живы Для чего ощущенія снова возбуждаютъ тогда сЪ такою силою? Откуду приходятЪ сіи прельщающія душу мечты?

Не будемЪ искать сему ино причины, кромѣ молчанія чувствъ. Во время бдѣнія чувства до нѣкоторой степени вмѣшиваются во всѣ дѣйствія души. Болѣе или менѣе ясное представленіе окружающихЪ предметовЪ, и представленіе отношенія ихЪ настоящаго состоянія кЪ предЪидущему, увѣряютЪ душу вЪ томЪ, что она бдитЪ. Если сіи представленія со внѣ будутЪ слабе, то внутреннія представленія будутЪ живѣе: вниманіе бываетЪ тогда не столь раздѣлено. НаконецЪ, когда совсѣмЪ остановится дѣйствіе чувства, производитЪ сонЪ, видѣніе, восторгЪ.

Однако же не рѣдко бываетЪ что внѣшнія представленія, хотя и слабыя, связуются вЪ неглубокомЪ снѣ с внутрен-

тренними гораздо живѣйшими, что и производитъ во сновидѣніяхъ сіи удивительныя странности.

Понеже сны суть обыкновенно ничто иное, какъ вторичное представленіе предметовъ, которыми мы во бдѣніи занимались, то постараемся столь хорошо устроить наше воображеніе, чтобы намъ имѣть одни, такъ сказать, разумные сны. Сіе послужитъ способомъ къ продолженію жизни нашего мыслящаго существа.

Состояніе души, отлученной отъ грубаго тѣла, не будетъ ли состояніе безпрестаннаго сновидѣнія, пріятнаго для добродѣтельныхъ, и непріятнаго для злыхъ?

Разсужденіе.

Замѣтимъ здѣсь двѣ черты Премудрости, человѣка образовавшей.

Мы вспоминаемъ ощущенія ораздо слабѣе, нежели представленія. Будучи столь чувствительны, сколько бы успѣли мы въ представленіяхъ, источникѣ ашихъ познаній, естьли бы ощущенія былъ такъ же въ нашей власти, какъ и педставленія! Духи, насъ разумнѣйшіе, управляя онъ можетъ быть по волѣ воими чувствованіями.

Чрезъ усильное размышленіе ожемъ мы нѣкоторымъ образомъ отточить дѣйствіе чувствъ, но не можемъ такъ отдѣлиться отъ нашего тѣла, чтобы оно насъ съ какой ни есть стороны не трогало. Иначе какъ бы намъ мозо было имѣть попеченіе о его сохранѣи?

Есть, можетъ быть, такіе классы существъ *сложныхъ*, въ которых душа по произволенію отъ тѣла отдѣлется, и въ которыхъ облекается она въ разные роды тѣлъ для разныхъ цѣлй.

Зрѣніе.

Изъ всѣхъ чувствъ зрѣніе есть то, которое сообщаетъ душѣ самыя скорѣйшія, самыя пространнѣйшія, самыя разнообразнѣйшія представленія. Оно есть плодотворной источникъ самыхъ величайшихъ драгоцѣнностей воображенія, и ему особенно душа одолжена понятіями о *изящности*, о семъ разнообразномъ единствѣ, которое возхищаетъ ее.

Нещастные слѣпцы, которыхъ жестокая судьба отъ рожденія лишила сего несравненнаго чувства! я сердечно сожалѣю о вашемъ нещастіи.

Ахъ! наипрекраснѣйшій день не отличается для васъ отъ самой темной ночи. Свѣтъ никогда не вливалъ радости въ сердца ваши. Вы не видите его играющаго въ блистающей финифти цвѣтной гряды, въ разнообразныхъ перьяхъ птицъ, или въ величественной радугѣ. Вы не смотрите съ верьху горъ на отлогости, увѣнчанныя зеленѣющимися виноградными лозами, на поля, одѣтыя златою нивою, на луга, покрытыя улыбающеюся зеленью и орошаемыя

мыя рѣками, въ излучинахъ текущими, и на селенія человѣковъ, разсыпаныя по разнымъ мѣстамъ въ сей великой картинѣ. Вы не обращаете взоровъ своихъ на неизмѣримый океанъ; вы не удивляетесь громадамъ морскихъ волнъ, которыя до облаковъ воздымаются, и кругъ изчезаютъ подлѣ той черты, которую на пескѣ провелъ для нихъ перстъ Божій; вы не вкушаете сладостнаго удовольствія находить ежедневно въ твореніяхъ Создателя новыя причины къ прославленію Его могущества и премудрости. Оптика не истощаетъ для васъ чудесъ своихъ. Любопытное зрѣлище организованныхъ машинъ вамъ неизвѣстно. Неизчетные легіоны небеснаго воинства не представляются вашему изумленному воображенію. Вы не измѣряете ихъ шествія въ кругахъ, начертанныхъ вашими руками. Самыя знаменѣйшія произведенія Механики и художествъ не могутъ безъ потери воникнуть глубокой тмы, которая васъ окружаетъ; наконецъ вы не можете наслаждаться разсматриваніемъ человѣка, и видѣть въ немъ то, что въ Натурѣ всего величественнѣе, или то, что въ васъ всего драгоцѣннѣе.

Но отъ сожалѣнія я мечтаю. Не льзя желать того, чего не знаешь; и тотъ не есть нещастливъ, кто совершенно лишенъ неизвѣстнаго ему блага. Мы не огорчаемся тѣмъ, что не имѣемъ шестаго чувства, которое можетъ быть дано другимъ существамъ. Есть-ли у васъ не достаетъ противъ насъ одного чувства, то вамъ съ другой стороны не возможно положить цѣны сему недостатку; и притомъ сіе несовершенство вашего существа замѣняется разными выгодами. Множество и разнообразность представленій, которыя мы ежеминутно получаемъ черезъ чувство зрѣнія, приводятъ насъ въ разсѣяніе, и отнимаютъ у другихъ чувствъ часть сей дѣятельности, которую имѣютъ онѣ у васъ въ совершенствѣ. Осязаніе, чувство столь тупое, столь невѣрное у большей части людей, дѣлается у васъ столь превосходнымъ, столь вѣрнымъ, что замѣняетъ нѣкоторымъ образомъ недостатокъ зрѣнія (*).

Но

(*) Сіе приводитъ на мысль тѣхъ слѣпыхъ, которые осязаніемъ различаютъ цвѣты; ибо

Но большія награды предоставлены вамъ въ будущемъ. Нѣкогда тма ваша во свѣтъ превратится, и сдѣлавшись обитателями неба, проницательными взорами своими обнимите вы всѣ части вселенной.

Обращаюсь и къ вамъ, Мужи ученые, въ которыхъ чрезмѣрное прилѣканіе или какой нибудь случай ослабилъ то драгоцѣнное чувство, о которомъ говорю я! Вы скорбите о томъ? Ахъ! нещастной опытъ увѣрилъ меня, что весьма справедлива причина вашего огорченія. Однакожь помыслите о томъ, что вы уже пріобрѣли, и разсудите, что сіе слабое зрѣніе нѣкогда превзойдетъ зрѣніе орла.

КОНЕЦЪ XIX Части.

ибо причина цвѣтовъ, какъ м уже скоро увидимъ, есть ни что иное какъ нѣкоторое разположеніе, нѣкторой порядокъ частицъ, составляющихъ поверхность тѣлъ, отъ чего онія отбрасываютъ тѣ или иные особенные лучи.

ОГЛАВЛЕНІЕ

XIX. Части.

	Стран.
Честной Откупщикъ, - -	3
Храбрость, - - -	16
Дуракъ, - - -	32
Анекдоты, - - -	46
Насмѣшки, - - -	63
Англійской отвѣтъ, - -	64
Нещастные Титулы, - -	79
Худая память, - -	—
Вилькесъ, - - -	89
Фонтенель, - - -	—
Доказательство, - - -	94
Пиколатъ, - - -	95
Очки, - - -	96
Остроуміе, - -	126
Знаніе свѣта, - -	—
Попова острота, - -	127
Философія, - - -	128
Лавинія, осенняя повѣсть, - -	138
Статьи изъ Бочнетова сочиненія, -	165
Разныя соотношенія земныхъ существъ. - -	182

ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ ДЛЯ СЕРДЦА и РАЗУМА.

ЧАСТЬ XX.

МОСКВА,
въ Университетской Типографіи,
у Н. Новикова.
1789.

ПРИЛѢЖАНІЕ
И
ПОКОЙ.

Аллегорическая повѣсть.

ВЪ первыя времена міра, когда невинность еще сохраняла чистоту свою и простота нравовъ была еще не испорчена, щастливый человѣкъ наслаждался ненарушимымъ удовольствіемъ и всегдашнимъ изобиліемъ подъ покровительствомъ *Покоя*. Сіе кроткое божество не требовало отъ почитателей своихъ ни алтарей, ни жертвъ. Все служеніе, ему воздаемое, состояло только въ поверженіи себя на покрытыхъ цвѣтами лугахъ подъ тѣнистыми жасминами и миртами, или въ пляскѣ на берегахъ рѣкъ молокомъ и нектаромъ текущихъ.

Подъ симъ пріятнымъ владычествомъ первые человѣки дышали благовоніемъ вѣчной вѣсны; ѣли плоды, безъ всякаго хожденія за ними созрѣвавшіе; спали подъ сѣнями, самою натурою пріуготовленными, гдѣ птицы пѣли надъ ихъ головами и другія животныя играли вокругъ ихъ. Но мало по малу начали они терять непорочность. Хотя всѣ имѣли болѣе, нежели имъ нужно было; но каждый сталъ стараться присвоить себя какую нибудь часть особливо. Вселись между ими Насильство, Обманъ, Воровство и Грабежъ. Вскорѣ по томъ появились въ мірѣ Гордость и Зависть, и ввели въ употребленіе новую мѣру богатства. Люди, прежде почитавшіе себя уже богатыми, когда ни въ чемъ недостатка не имѣли, стали располагать желанія свои не по естественнымъ потребностямъ, но по изобилію другихъ, и начали почитать себя бѣдными, когда сосѣди болѣе ихъ имѣли. Тогда уже одинъ только могъ быть щастливымъ, ибо одинъ только могъ имѣть болѣе всѣхъ; и сей одинъ человѣкъ находился въ непрестанномъ страхѣ, опасаясь, чтобъ не лищиться своего имущества тѣми жъ хитростями, какими самъ онъ другихъ обманывалъ.

Когда

Когда усилилось сіе развращеніе, состояніе земли перемѣнилось. Годъ раздѣленъ былъ на разныя времена. Часть земли сдѣлалась пустою степью, а прочее приносило только ягоды, дубовые желуди и травы. Лѣто и осень хотя доставляли невкусную пищу на удовлетвореніе нуждѣ, но зима безъ всякой помощи оставалась. Голодъ, сопровождаемый множествомъ разныхъ болѣзней, суровою погодою наносимыхъ, производилъ опустошеніе въ родѣ человѣческомъ, и надлежало бы опасаться совершеннаго истребленія онаго, естьлибъ не получилъ онъ помощи.

Для прекращенія опустошеній, производимыхъ голодомъ, который повсюду сѣялъ мертвые трупы, сошло на землю *Прилѣжаніе*, сынъ *Нужды*, воспитанный *Надеждою* и наученный *Искусствомъ*. Оно имѣло силу матери своей, духъ воспитательницы и знаніе учительницы своей. Лицо его покрыто было морщинами отъ вѣтру и загорѣло отъ солнца. Въ одной рукѣ несло оно земледѣльческія, а въ другой строительскія орудія, и взывало суровымъ голосомъ: „Смертные! зрите во мнѣ божество, къ которому прибѣгнуть вамъ опредѣлено,

и отъ котораго должно вамъ ожидать всего удовольствія и всея безопасности. Долго уже томились вы подъ владычествомъ *Покоя*, божества безсильнаго и обманчиваго, которое не могло подать вамъ ни защиты, ни помощи, но предавало васъ первымъ нападеніямъ голода и болѣзни, и попускало похищать тѣни свои всякому врагу, и всякому случаю истреблять. Услышьте жъ голосъ трудолюбія и пробудитесь отъ сна! Я научу васъ отвращать неплодородіе земли и строгость погоды. Я заставлю лѣто снабжать васъ запасомъ для зимы; принужу воду доставлять вамъ рыбъ своихъ, воздухъ птицъ, и лѣсъ дикихъ его звѣрей. Я научу васъ разрывать внутренность земли, и доставать изъ пещеръ горныхъ металлы, которыя придадутъ рукамъ вашимъ силу и будутъ служить надежною защитою тѣламъ: вы можете ими ограждать себя отъ нападеній лютѣйшихъ звѣрей, рубить дубы, раздроблять камни, и всю натуру своей пользѣ и удовольствію своему покорять.„

Симъ лестнымъ призываніемъ ободренные, жители земли признали *Прилѣжаніе* единственнымъ другомъ своимъ и повиновались его повелѣніямъ. Оно повело

вело ихъ на поля и горы, научило ихъ открывать рудники, срывать холмы, высушать болота, и теченіе рѣкъ перемѣнять. Вдругъ все новый видъ воспріяло. Земля покрылась городами и селами; полями, усѣянными хлѣбомъ и обсаженными вокругъ плодовитыми деревами; не видно было ничего, кромѣ грудъ хлѣба и корзинъ съ плодами; вездѣ столы уставлены были пищею и житницы наполнены запасомъ.

Такимъ образомъ *Прилѣжаніе* и преданные ему сообщники ежечасно распространяли власть свою, и мало по малу совсѣмъ лишили Голодъ владычества его. Но напослѣдокъ посредѣ ихъ веселія и торжественныхъ пѣсней приближилось къ нимъ *Утомленіе*. Всякой могъ узнать его по впалымъ глазамъ и опустившемуся лицу. Оно пришло дрожа и задыхаясь. При каждомъ его глубокомъ вздохѣ сердца видѣвшихъ его бодрости лишались; нервы ихъ ослабѣвали, члены дрожали, и работныя орудія изъ рукъ валились.

Устрашенные симъ ужаснымъ видѣніемъ раскаялись въ томъ, что допустили *Прилѣжаніе* толь легко угомонить себя, и начали желать возвращенія тѣхъ пріятныхъ часовъ, которыми подъ влады-

дычествомъ *Покоя* наслаждались. Они рѣшились посвятить сему божеству остатокъ своей жизни. *Покой* не оставилъ еще міра: они скоро нашли его, и дабы примириться съ нимъ послѣ оказанной ему невѣрности, пригласили его участвовать въ пріобрѣтеніяхъ, которыя *Прилѣжаніе* имъ доставило.

И такъ *Покой* оставилъ долины и рощи, гдѣ жилъ прежде, и преселился въ палаты; лежалъ въ великолѣпныхъ алковахъ; зимою спалъ на пуховыхъ постеляхъ, а лѣтомъ въ прекрасныхъ гротахъ, искусствомъ сдѣланныхъ, предъ которыми били фонтаны. Однако при всемъ томъ блаженство его было еще несовершенно, и не могъ онъ доставлять возвратившимся къ нему всего того удовольствія, какимъ наслаждались они прежде, пока не были еще въ союзѣ съ *Прилѣжаніемъ*. Также и власть его была ограничена; ибо ложный другъ его, *Роскошь*, присвоивала себѣ участіе въ оной, хотя *Покой* примѣчалъ въ ней невѣрность, и она препятствовала его дѣйствіямъ, притворяясь, будто споспѣшествуетъ онымъ.

Нѣсколько времени царствовали оба сіи нѣжныя божества безъ явнаго несо-

гласія,

гласія, пока наконецъ *Роскошь* забыла притворство и выдала почитателей своихъ *Болѣзни*. *Покой* удалился и оставилъ владѣніе свое неправеднымъ похитителямъ, которые всѣми силами старались утвердиться въ ономъ и споспѣшествовать взаимно выгодамъ другъ друга.

Покой имѣлъ не однихъ сихъ непріятелей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ укрывался онъ отъ нападеній *Болѣзни*. Но тамъ хитрая и лукавая пріятельница нарушала его спокойствіе. Часто когда все было тихо и спокойно, когда никакая печаль не грызла внутренности его, и совнѣ никакая опасность не угрожала; когда всякой цвѣтокъ былъ въ полномъ своемъ великолѣпіи, и всякой вѣтерокъ обремененъ благовоніями, — входила въ жилище его *Скука* съ томнымъ и мучительнымъ взоромъ, и садилась на ложе, для *Покоя* пріуготовленное и украшенное. Какъ скоро она садилась, повсюду мракъ распростирался; лѣса вдругъ лишались прекрасной своей зелени, и обитатели ихъ прелестныя мелодіи свои прекращали; Зефиръ вѣялъ вздохами; цвѣтки сжимались и запахъ свой въ себѣ замыкали. Не видно было ничего инаго, кромѣ множества людей, которые ходили, сами не

зная куда, искали, сами не зная чего. Ничего отъ нихъ не слышно было, кромѣ жалобъ, хотя сами они не могли сказать, на что жалуются; не слышно было ничего, кромѣ роптанія, хотя и никакого нещастія не случилось.

Покой лишился всего уваженія. Прежніе почитатели его начали вторично оказывать ему презрѣніе. Нѣкоторые изъ нихъ сговорились передаться къ *Роскоши*, которая обѣщала имъ прогонять *Скуку* искусствомъ. Другіе, будучи умнѣе, или болѣе имѣя бодрости, возвратились къ *Прилѣжанію*, которымъ хотя и избавляемы были отъ *Скуки*, но *Утомленіе* часто принуждало ихъ брать прибѣжище къ сѣнямъ *Покоя*.

Такимъ образомъ *Покой* и *Прилѣжаніе* видѣли, что владычество ихъ было маловременно и непрочно, и области подвержены нападеніямъ враговъ, которые обоихъ ихъ равно обижали. Оба они мало находили вѣрности въ своихъ подданныхъ, которые при всякомъ случаѣ были готовы ихъ оставить. *Прилѣжаніе* видѣло пріобрѣтенныя имъ богатства уносимыя на жертву *Покою*; а почитатели *Покоя* при всякой нуждѣ оста-

оставляли его и просили помощи у *Прилѣжанія.*

Наконецъ рѣшились они свидѣться другъ съ другомъ, и на семъ свиданіи согласились, раздѣлить между собою міръ и царствовать попеременно, такъ, чтобъ одинъ правилъ днемъ, а другой ночью. Также условились они рачительно оберегать границы другъ друга, и въ случаѣ непріятельскаго нападенія, *Прилѣжаніе* должно было противиться *Скукѣ*, а *Покою* надлежало прогонять *Утомленіе.* Такимъ образомъ прекратилось древнее несогласіе между ими. Они вмѣстѣ воспитали *Здравіе*, благодѣтельное божество, которое немало способствовало къ утвержденію союза воспитателей своихъ, и весьма споспѣшествуетъ учрежденному распредѣленію владычества ихъ; ибо оно сообщаетъ дары свои только тому, кто раздѣляетъ жизнь свою на труды и успокоеніе съ правильною соразмѣрностію.

Различныя опредѣленія.

Персидская Баснь.

Въ одинъ день (разсказываетъ Сади, Персидской стихотворецъ) пошелъ я домой съ сердцемъ исполненнымъ неудовольствія. Негодуя на всѣхъ человѣковъ и на самого себя, впалъ я въ глубокой сонъ, и видѣлъ слѣдующее сновидѣніе. Представилось мнѣ, будто преселенъ я въ пустыню, отъ всѣхъ пороковъ и глупостей человѣческихъ удаленную. Въ тихомъ спокойствіи пришелъ я въ большой лѣсъ, гдѣ казалось мнѣ, что хижина моя безопасна отъ всѣхъ жестокихъ вѣтровъ Арабіи, и въ тѣни ея забылъ я всѣ непріятности, жизнь нашу помрачающія.

Взошло солнце. Лучи его позлатили зеленую листвяную кровлю надо мною, но слабо только сквозь ея проницали. Я слышалъ пѣніе множества птицъ, внималъ всѣмъ ихъ тонамъ и замѣчалъ различность ихъ вида, перьевъ и полета. Небо сообщило мнѣ силу разумѣть разные ихъ языки. Орелъ смѣялся надъ слабымъ зрѣніемъ совы. Горлица поносила орла; а онъ презиралъ ее за ея слабость. Дроздъ насмѣхался орлиному крику.

крику. Галка и сорока шутили другъ надъ другомъ, но соглашались въ насѣшкахъ надъ меланхолическимъ видомъ ворона, и съ презрѣніемъ говорили воробью.

Вдругъ увидѣлъ я чудное явленіе, съ неба сходящее. То былъ юноша, цвѣтомъ подобный розамъ, которыми рѣзвая Черкасская дѣвушка усыпаетъ дѣвственный снѣгъ. Лазурныя крыльи его по краямъ обведены были золотомъ подобно, какъ лѣтнія облака увѣнчиются лучами зари утренней. Волосы его были черны, какъ гебеновое дерево; глаза еще чернѣе. Никакой лицемѣръ немогъ бы снести пронзительнаго взора его, въ самую душу проницавшаго. Онъ сѣлъ на высокой платанъ, превышающій высочайшіе кедры, и позвалъ птицъ по именамъ ихъ. Онѣ повиновались, слетѣлись къ нему, сѣли на вѣтвяхъ кружавшихъ его кедровъ, и въ молчаніи трепетали, когда онъ говорилъ:

„Внемлите тому, что велико Твор„цъ міра повелѣлъ возвѣстить вамъ. „Всѣ вы предъ очами Его равное имѣете „достоинство: вамъ даны только разныя „дарованія; ибо къ разнымъ дѣламъ вы „опредѣлены.„

„Ты,„

„Ты, орелъ, рожденъ для войны; „крикъ твой, изъявляющій силу, не мо„жетъ быть пріятнымъ пѣніемъ. Сова „не освобождала бы землю отъ пресмы„кающихся животныхъ и несѣкомыхъ, „естьлибъ короткое ночное ея зрѣніе „могло сносить лучь полуденнаго солнца. „Нѣженъ и слабъ сославъ соловья и ко„ноплянки, но то для пріятнаго пѣнія „ихъ нужно. Горлица сотворена для „любви; ястребъ сотворенъ для хищенія. „И такъ каждая изъ васъ дѣлай что ей „прилично; думай о себѣ безъ гордости, „о другихъ безъ презрѣнія. Разность въ „родѣ вашемъ не почитайте за порокъ, „и естьли кому либо изъ васъ кажется, „что имѣетъ нѣкоторыя преимущества „предъ другими, благодарите за то Про„видѣніе. Какое было бы скучное едино„образіе, естьли бы всѣ вы имѣли оди„накой видъ, одинакія дѣла и одинакія „способности!„

Выслушавъ слова сіи, птицы разлетѣлись по всему лѣсу. Геній, поднимаясь къ облакамъ, кинулъ на меня значительный взоръ.

Я проснулся и говорилъ: „Могу ли отъ Кадія требовать гибкости царедворца,

дворца, отъ Имана храбрости оина? отъ торгующаго могу ли требовать безкорыстія мудреца, отъ мудрца ревности въ дѣлахъ, съ какою искатель почестей трудится? О небесный Геній! ты научилъ Садія. Ученія твои пребудутъ впечатлѣнны въ сердцѣ моемъ, и уста мои возвѣстятъ ихъ сынамъ человѣческимъ.„

Разныя мысли.

Человѣкъ говорящій ложь не разсуждаетъ, какому великому труду онъ подвергается: ибо для подтвержденія одной лжи принужденъ будетъ выдумывать еще двадцать.

Нѣкоторые люди ничему выучиваться не могутъ, по той причинѣ, что все слишкомъ скоро понимаютъ.

Многіе обвиняютъ другихъ въ гордости, по тому только, что сами, будучи на ихъ мѣстѣ, были бы горды.

Лжецъ начинаетъ съ того, чтобъ ложь дѣлать подобною истинѣ; а наконецъ и самой истинѣ даетъ видъ лжи.

Кто проводитъ лѣтнее утро лежа на постелѣ, тотъ лишается лучшей

пріятности дня: такой же потерѣ подвергается и тотъ, кто молодость свою проводитъ въ лѣности.

Быть злодѣемъ и хвастать симъ свойствомъ, показываетъ купно и худое сердце и худой вкусъ.

Знаніе подобно ртути, которая въ рукахъ умѣющаго ее употреблять есть одна изъ лучшихъ и полезнѣйшихъ вещей, а въ рукахъ неумѣющаго вещь весьма вредная.

Часто случается, что тѣ люди суть изъ самыхъ лучшихъ, которые болѣе всѣхъ клеветниками поносимы: подобно тому, какъ самые лучшіе плоды птицами бываютъ расклеваны.

Человѣку никогда бы не надлежало стыдиться признанія въ своихъ ошибкахъ, которое есть не иное что, какъ другими словами сказать, что онъ сегодни сталъ умнѣе, нежели былъ вчера.

Находя въ бѣдномъ человѣкѣ много благодарности, за вѣрное полагаю, что онъ, будучи богатъ, былъ бы столько же щедръ.

Расточитель грабитъ наслѣдниковъ своихъ, скупецъ самого себя.

Реинской водопадъ.

(*Изъ описанія одного путешественника.*)

— Главная цѣль поѣздки моей сюда были та, чтобъ увидѣть славной Реинской водопадъ при *Лауфѣ* за полчаса ѣзды отъ Шафгаузена. И такъ въ провожаніи нѣсколька пріятелей отправились мы смотрѣть сего примчанія достойнаго зрѣлища.

Ожиданіе мое ни мало не было тамъ обмануто; но вѣроятно, что късожалѣнію моему обманется ожиданіе молодыхъ моихъ читателей. Ибо не думаете ли вы, что я стоялъ тамъ съ біющимся сердцемъ, дрожащими членами слезящими глазами, и что такъ же, какъ другіе путешественники, описывшіе сей великолѣпный водопадъ, въ восищеніи непрестанно буду кричать: *о! ах!* — Естьли вы такъ думаете, то ослушайте жъ, что въ самомъ дѣлѣ случилось.

Выѣхавъ изъ Шафгаузена, услышали мы еще издалека шумъ водопада, подобный глухому грому вдали идущей розы. Чѣмъ ближе мы подъѣзжали, шумъ увеличивался и ожиданіе мое напрялось

сильнѣе. Наконецъ взѣхали мы на одну изъ тѣхъ двухъ горъ, между которыми Реинъ падаетъ, и великое зрѣлище представилось глазамъ нашимъ.

Великолѣпно! вскричалъ я, выскочилъ изъ коляски, сталъ и довольно долго смотрѣлъ на сію сцену, въ самомъ дѣлѣ чрезвычайно величественную и прекрасную. Надлежитъ представить себѣ большую рѣку, свергающуюся съ горы саженъ на двѣнатцать внизъ. Какой шумъ! какая пѣна! вода бьетъ фонтанами, ломится вверьхъ горами, волнуется и кружится; когдажъ солнце на нее свѣтитъ, какъ прекрасно изображается тогда радуга на пылящемся бѣломъ водяномъ облакѣ! — Великолѣпно! говорилъ я, но біенія сердца и трепетанія членовъ не чувствовалъ.

Я смотрѣлъ еще, особенножъ на древнія каменныя громады, которыя выставясь изъ воды, наподобіе башенъ, презираютъ ярость стремящейся рѣки; обращалъ глаза свои на стремнистую гору, съ которой замокъ Лауфенъ перпендикулярно внизъ на водопадъ смотритъ; смотрѣлъ на проволочную мельницу, стоящую подлѣ самаго водопада на той же самой горѣ, съ которой рѣка

льется,

ляется, и приводимую въ дѣйствіе стремящеюся водою; обозрѣвалъ всѣ гористыя окрестности, отчасти дикія, отчастижъ усаженныя виноградомъ, и вскричалъ еще: великолѣпно! но все еще не чувствовалъ ни біенія сердца, ни трепетанія членовъ.

По томъ сошли мы съ горы, на которой стояли, ниже водопада; сѣли въ длинную, но весьма узкую рыбачью лодку, и по вертящейся и волнующейся водѣ, которая долго еще послѣ паденія справиться не можетъ, переѣхали на другой берегъ. Тамъ, на той же самой горѣ, на которой стоитъ замокъ Лауфенъ, сдѣланъ деревянной обрубъ, съ котораго можно доставать руками до стремящейся рѣки, и гдѣ посѣщающіе сіе мѣсто обыкновенно высѣкаютъ на камнѣ имена свои. Изъ пенящейся бѣлой водяной горы, которая у подошвы водопада безпрерывно вверьхъ ломится, выскакиваютъ рыбы и тщетно силятся плыть противъ быстроты рѣки. Шумъ воды тамъ столь громокъ, что собственный свой голосъ едва слышать можно. — Великолѣпно! великолѣпно! вскричалъ я; но сердце и тутъ еще не билось, а щеки мои хотя и омочались, однакожъ не слезами

зами чувствительности, но водяною пылью, которая падаетъ на обрубъ, какъ тонкой туманъ.

Отъ чегожъ происходила такая необычайная умѣренность чувствованій? Для чего сей водопадъ не произвелъ и во мнѣ таковаго движенія, какое многіе другіе путешественники описываютъ? Не уже ли сила чувствительности такъ во мнѣ ослабѣла, что я могу смотрѣть съ флегматическимъ равнодушіемъ на такое великое и прекрасное зрѣлище? Это было бы мнѣ весьма прискорбно. Но я, хотя и старъ, могу смотрѣть на покрытую плодами яблонь съ жаркимъ чувствованіемъ мяхкосердечнаго юноши, и со слезящими глазами любоваться благословеніемъ Божіимъ, ее покрывающимъ. Да я и не сказалъ, что былъ равнодушенъ, но признавался только, что не чувствовалъ въ себѣ страстнаго восхищенія. Отъ чего жъ это происходило? Отъ одной мысли, которая тогда, можетъ быть и не вовремя, пришла мнѣ въ голову, и которой не могъ уже я забыть.

Мнѣ представилось великое сходство между Реиномъ въ семъ мѣстѣ и молодымъ человѣкомъ хотя сильнаго, но слиш-

слишкомъ высокопарнаго ума, который всегда старается оказывать нѣчто необычайное, странное и удивительное; пренебрегаетъ общіе обычаи и правила благопристойности; думаетъ, что онъ не можетъ ничего дѣлать иначе, какъ только по сильному внутреннему стремленію, и по тому не способенъ въ общежитіи ни къ какимъ правильнымъ дѣламъ, распредѣляемымъ по времени и мѣсту. Смотрѣть нѣсколько времени на необычайные прыжки такого быстраго ума, можетъ быть весьма забавно. Я самъ иногда тѣмъ любовался; но никогда не могъ я восхищаться тѣмъ и приходить внѣ себя отъ удивленія.

Точно таковъ же казался мнѣ Реинъ въ семъ мѣстѣ. Прыжки, которые онъ тамъ и еще въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ дѣлаетъ, въ самомъ дѣлѣ удивительны и прекрасны. Однакожъ не могъ я удержаться, чтобъ не спросить: къ чему они служатъ? приносятъ ли какую нибудь пользу роду человѣческому? — Ни малой; они еще препятствуютъ рѣкѣ въ сей странѣ быть полезною. Естьлибъ Реинъ былъ тамъ не такъ высокопаренъ, естьлибъ онъ, такъ же, какъ и другія добрыя рѣки, текъ смирно и

порядочно, то могъ бы поднимать грузныя суда, могъ бы споспѣшествовать торговлѣ и промысламъ; продукты обѣихъ Индій, къ удовольствію и пользѣ жителей сея страны, могли бы доставляемы быть по водамъ его даже въ Шафгаузенъ и въ Констанцъ. Но въ семъ состояніи, въ какомъ онъ находится, это не возможно. Къ чемужъ онъ служитъ? Къ увеселенію зрѣнія праздныхъ людей и къ доставленію матеріи для картинъ и стихотворческихъ описаній. — Отъ чегожъ сердцу моему биться? отъ чего течь слезамъ?

Письмо

сельскаго священника къ Милорду * * *.

Милордъ!

Простите старому вашему другу, который иногда осмѣливался дѣлать вамъ увѣщанія, простите ему, что онъ еще беретъ такую смѣлость. Вы сами подали ему поводъ къ тому. Въ послѣднемъ вашемъ письмѣ пишете вы, что проиграли 2000 фунтовъ стерлинговъ. Это извѣстіе прискорбно было сердцу моему:

моему: ибо намъ, сельскимъ жителямъ, 2000 фунт. стер. кажутся весьма важною суммою; и естьлибъ я не зналъ васъ коротко, то удивился бы, что вы можете шутя писать о такой потерѣ. Я знаю, что вы господа городскіе почитаете игру препровожденіемъ времени, или по крайней мѣрѣ небольшою только слабостію. Но я давно уже вашу игру почитаю однимъ изъ самыхъ *тяжкихъ ерѣховъ*, какіе только мнѣ извѣстны. — Простите старому Пастору употребленіе этова слова, которое, какъ я слышалъ, совсѣмъ уже изъ моды вышло. — Чтожъ подаетъ мнѣ причину такъ думать? То, что игра самаго честнѣйшаго человѣка можетъ сдѣлать ни къ чему годнымъ.

Я васъ знаю; увѣренъ я, что сердце ваше склонно къ благотворенію, и что вы желаете имѣть добрую славу въ свѣтѣ. Еще въ дѣтствѣ были вы нѣжны и жалостливы, и я видалъ, какъ вы отдавали бѣдному престарелому человѣку шесть пенсовъ, когда у самихъ васъ не больше восьми въ карманѣ было. Боже мой! какъ же могло статься, чтобъ вы предались такой страсти, которая современемъ можетъ лишить васъ му-

дрости, чести, великодушія, — и даже можетъ довести васъ до худыхъ дѣлъ. — Вы будете смѣяться, Милордъ; вы скажете, что я проповѣдывать началъ. Что жъ? всякой свое ремесло отправляетъ; и я надѣюсь, что мое ремесло не постыдно. „Но какъ можетъ игра имѣть тѣ слѣдствія, которыя я себѣ представляю?„ Потерпите, Милордъ, я скажу вамъ это, и скажу въ немногихъ словахъ, хотя я и старой говорунъ.

Сколь худы общества, посѣщаемыя молодымъ человѣкомъ, въ такой же степени и нравъ его портится; а я не думаю, Милордъ, чтобъ домы, въ которыхъ карточную игру держатъ, были училища мудрости. Правила, которыя тамъ обнаруживаются; рѣчи, какія тамъ говорятся; видъ самыхъ подлыхъ страстей, корыстолюбіе, жестокой гнѣвъ, брань и клятвы, и проч. — все это, кажется мнѣ, не служитъ способомъ къ наученію молодаго человѣка добродѣтели. Что касается до чести и добраго имени, то, я думаю, всякой удобно согласится со мною въ томъ, что нѣтъ почти никакова характера, который былъ бы хуже характера игрока. Хотя люди и весьма развращены, однакожъ еще ни

одинъ

одинъ человѣкъ не пользовался всеобщимъ почтеніемъ за охоту къ игрѣ.

Вспомните, прошу васъ, (ибо я знаю доброе ваше сердце) какъ нога желали вы помочь достойному человѣку, томившемуся въ нищетѣ, но не могли, для того только, что вы ночи до передъ тѣмъ въ игрѣ были нещастливы.

Игра поглощаетъ знатную часть доходовъ, и какъ долги по картамъ надобно платить прежде всѣхъ другихъ, то изъ этова необходимо слѣдуетъ что другіе заимодавцы должны бываютъ долѣе ждать платы. Подлинная цѣна денегъ въ торговлѣ состоитъ въ скромъ ихъ обращеніи. Естьли купецъ принужденъ долго ждать денегъ, то либо съ его стороны, либо со стороны должника, непремѣнно происходитъ несправедливость. Либо онъ продаетъ вамъ товары за такую жъ цѣну, какъ и другому, который платитъ наличныя деньги. Въ такомъ случаѣ вы дѣлаете несправедливость, лишая его надолго принадлежащихъ ему денегъ. Либо купецъ ставитъ вамъ товары свои на щетъ дороже надлежащей цѣны. Въ этомъ случаѣ онъ несправедливо поступаетъ; а вы подаете ему къ тому поводъ. И такъ я думаю,

что все сказанное мною объ игрѣ основательно.

Но я долженъ признаться, что прискорбнѣе всего для меня то, что сія нещастная страсть должна разстроивать такое прекрасное расположеніе духа и сердца, каково ваше, и препятствовать вамъ дѣлать столько добра, сколько бы вы могли. Теперь только сдѣлалъ я вычисленіе, сколько добрыхъ дѣлъ въ прошедшій годъ могли бы вы сдѣлать, но не сдѣлали! Вотъ мой щетъ:

*Щетъ тому, что Милордъ *** въ 1763 году могъ бы сдѣлать для благополучія рода человѣческаго.*

	Ф. ст.
За двухъ солдатскихъ дѣтей, которыхъ отецъ, сражавшись храбро, лишился жизни на сраженіи при Минденѣ, отданныхъ учиться ремеслу, - - -	40
Бѣдному священнику со многочисленнымъ семействомъ - -	110
Пяти дѣвушкамъ къ свадьбѣ съ честными ремесленниками въ приданое - -	100
Десяти мальчикамъ на одежду и на ученье - -	100

За

За 14 мальчиковъ и 6 дѣвушекъ,
отданныхъ учиться ремесламъ, 200
Четыремъ молодымъ ремесленникамъ
на заведеніе хозяйства - 150
Бѣднымъ купцамъ взаемъ безъ про-
центовъ на три года - 200
Бѣднымъ офицерскимъ дѣтямъ - 250
Достойному дворянину, лишившему-
ся по нещастію своего имѣнія, 300
Благородной женщинѣ, которой отецъ
отъ игры разорился и ее привелъ
въ крайнюю нищету, за годъ 300
На подаянія при разныхъ случаяхъ 250

и того 2000.

Но я опасаюсь, что вмѣсто сего
этова щетъ вашъ будетъ состоять
только въ слѣдующей запискѣ:

Въ 1763 году проиграно 2000 ф. ст.

Ахъ, Милордъ! прошу, заклинаю
васъ, сравните со вниманіемъ оба сіи
щета! Естьлибъ вы имѣли щастіе дѣ-
лать первой изъ нихъ, какую радость
при разсматриваніи его вливала бы въ
васъ та мысль, что вы *въ одинъ годъ*
въ состояніи были, столь многихъ не-
щастныхъ *на всю жизнь ихъ* сдѣлать
щастливыми. Но вмѣсто того что
оста-

остается вамъ, кромѣ печальнаго напоминанія — я не хочу выговорить; пусть вы сами прибавите то, чего я не договорилъ. — Помыслите объ этомъ хотя одну минуту, естьли только вы размышлять можете. Любезной Милордъ! я любилъ васъ всегда, какъ роднаго моего сына; вы дали мнѣ мѣсто мое, и издавна осыпали меня благодѣяніями. Съ радостію отдалъ бы я все, что у меня ни есть, только бы имѣть за то удовольствіе, слышать отвсюду похвалу вашему поведенію, такъ, какъ уже многія добрыя ваши дѣла похваляются и славятся. Добрая о васъ слава, Милордъ, есть утѣшеніе сѣдой головы моей! Но когда слышу о васъ что нибудь худое, оно пронзаетъ мое сердце. Естьлибъ вы написали ко мнѣ, что въ годъ послѣ сего половину изобилія своего употребили вы на благотвореніе, это извѣстіе, какъ я за вѣрное думаю, столько бы меня обрадовало, что вы прибавили бы тѣмъ два или три года къ малому уже остатку жизни

Вашего вѣрнѣйшаго слуги
Филиппа Коверлея.

Дѣйствїе совѣсти.

Одинъ богатой Голландской ювеиръ по дѣламъ своимъ долженъ былъ отправиться въ путешествїе, взвши съ собою своего слугу. Онъ везъ с собою нѣкоторыя изъ лучшихъ сихъ вещей и знатную сумму денегъ. Слуга зналъ сіе, и какъ господину случлось на дорогѣ сойти съ лошади, то онъ воспользовавшись симъ случаемъ, выялъ изъ сѣдла пистолетъ и застрѣлил его на мѣстѣ; по томъ обобравъ дорогія вещи и деньги, привязалъ убитому къ шеѣ большой камень и бросилъ тѣло въ каналъ. Убійца уѣхалъ со своею добычею въ небольшой Англійской городъ гдѣ ни онъ, ни господинъ его, никому не были знакомы. Поселившись тамъ, велъ онъ сначала самой малой торгъ, дабы не оказать вдругъ своего богатства и чрезъ то не обратить на себя вниманія. Современемъ увеличивалъ онъ свой оргъ мало по малу, и болѣе приходилъ в славу. Щастіе его казалось слѣдствіемъ и награжденіемъ его трудолюбія и честности; ибо онъ столько умѣлъ притвориться честнымъ человѣкомъ, что нажилъ знатный кредитъ и вступилъ чрезъ женидьбу

женидьбу въ свойство съ хорошею фамиліею. Оказывая мало по малу при случаяхъ свое богатство и обходясь со всякимъ ласково, получилъ онъ участіе въ городскомъ правленіи, доходилъ отъ одного чина до другаго, и наконецъ выбранъ былъ Главнымъ Судьею. Во всѣхъ сихъ чинахъ онъ отправлялъ должности свои съ похвалою и заслуживалъ славу. Но въ одинъ день, когда сидѣлъ онъ въ судѣ со своими товарищами, представленъ имъ былъ преступникъ, на котораго доносили, что онъ убилъ своего господина. Выслушаны были свидѣтели; двѣнатцать присяжныхъ судей признали преступника виновнымъ, и все собраніе ожидало рѣшительнаго приговора отъ Главнаго Судьи. Между тѣмъ онъ казался быть въ чрезвычайномъ безпокойствѣ; часто перемѣнялся въ лицѣ; а напослѣдокъ сошелъ со своего мѣста, сталъ подлѣ преступника и къ великому удивленію всѣхъ присутствовавшихъ тамъ, говорилъ судьямъ слѣдующее: „Государи мои! вы видите предъ собою достопамятный примѣръ праведнаго мщенія Небесъ. Сей день представляетъ вамъ злодѣя, скрывавшагося тридцать лѣтъ; который гораздо виновнѣе сего обвиненнаго

наго вами преступника.„ По томъ началъ онъ подробно разсказывать обстоятельства своей жизни, признался въ своей винѣ и неблагодарности къ свему господину, который извлекши его изъ крайней бѣдности, имѣлъ къ нему совершенную довѣренность; онъ открылъ пособы, которыми дотолѣ укрывался тѣ правосудія, и какъ притворствомъ своимъ умѣлъ обманывать людей и внушать доброе о себѣ мнѣніе. „Но какъ скоро, продолжалъ онъ, сей нещастный былъ намъ представленъ, одинакія обстоятельства преступленія, въ которомъ его обвиняли, представили мнѣ мою вину во всей ея мерзости; совѣсть моя пробудилась, и злодѣяніе мое толь гнусно мнѣ показалось, что не могъ я сдѣлать приговоръ равному мнѣ злодѣю, не оличивъ и самого себя. Я прошу Правсудіе наказать и меня, за сдѣланное мою убійство, публично и со всею строгостію. Иначе не могу освободиться отъ мучнія совѣсти. Объявляю предъ вездѣсущимъ Богомъ, великимъ свидѣтелемъ и суіею моего преступленія, и предъ всѣми вами, бывшими свидѣтелями притворства моего, объявляю, что я преступникъ, и требую, чтобъ меня, какъ злодѣя, при-

знавшагося въ своемъ преступленіи, казнили смертію.„ Удобно представить себѣ изумленіе всѣхъ присутствовавшихъ, особливожъ бывшихъ его товарищей. — Онъ былъ осужденъ, и лишился жизни со всѣми знаками раскаянія.

Достопамятный примѣръ дѣйствія совѣсти и страшнаго правосудія Божія въ обличеніи хладнокровнаго и хитраго злодѣя, толь долго скрывавшагося!

Неравные братья.

Испанская повѣсть.

Баронесса Валетто была женщина соединявшая въ себѣ пороки обоихъ половъ, не имѣя добродѣтелей ни какораго. Еще съ самаго младенчества укоренились въ ней ужасныя правила Испанской гордости. Походка ея показывала спѣсь; взоръ насмѣшливой; все въ ней изъявляло душу находящую удовольствіе въ томъ, чтобъ давать другимъ почувствовать преимущества свои предъ ними. Она рѣдко говорила; когдажъ говорила, въ рѣчахъ ея обнаруживалась несносная надмѣнность. Однако вспоминая иногда о своемъ родѣ, проливала она горькія слезы, и при имени отца своего потупляла глаза отъ стыда. Алфонсъ, отецъ ея, былъ каммердинеромъ у одного знатнаго и весьма сильнаго при Дворѣ господина, сдѣлался сперва повѣреннымъ его, а наконецъ и равнымъ ему. Многими хитростями умѣлъ онъ дойти до того, что люди, которые за нѣсколько лѣтъ и чрезъ плечо посмотрѣть на него не хотѣли, искали его покровительства. Въ коротkое время накопилъ онъ столько богатства, что въ состояніи былъ

накупить себѣ титуловъ, деревень и аспецовъ. Но тщетно онъ старался пышностію своею привести въ забвеніе низкое его произхожденіе; и для того рѣшился оставить Мадритъ и Дворъ, и переѣхалъ жить въ свои деревни при границахъ Каталоніи.

Онъ имѣлъ дочь, которой далъ титулъ Баронессы. Она воспитана была подъ его надзираніемъ и прежде всего научена гордо попирать ногами всѣхъ низкаго рода и состоянія людей. Алфонсъ подражалъ во всемъ Испанскимъ Грандамъ и перенималъ всякіе ихъ пороки. Онъ не называлъ дочери своей съ самаго нѣжнѣйшаго ея дѣтства иначе, какъ *Мадамъ*. Но вскорѣ смерть сдѣлала конецъ всей его пышности. Умирая, самъ онъ учредилъ для себя погребательную церемонію. Множество дворянства и простаго народу, провожавшіе тѣло его, печальные кантаты, надгробныя рѣчи, все возвѣщало, что знатной человѣкъ въ тѣсномъ гробѣ заключается; но ни одной слезы не пролито было при погребеніи. Баронесса почитала за непристойное своему состоянію много печалиться; а какъ сказали ей, что траурное

платье

платье весьма ей пристало, то она и совершенно утѣшилась.

Гордость и тщеславіе были единственною ея страстію. Она не имѣла ни малѣйшаго чувствованія любви и нѣжности, которымъ могла бы когда нибудь достойнаго супруга сдѣлать щастливымъ. Ея намѣреніе клонилось къ тому, чтобъ выйти за такого человѣка, котораго знатный родъ могъ бы прикрыть низость ея произхожденія, и выборъ ея палъ на Графа Лозинго. Начало сея Графской фамиліи терялось въ отдаленной древности. Многіе изъ предковъ Графа служили правою рукою своимъ Государямъ и подпорою престолу; но дѣдъ его первой привелъ славную сію фамилію въ упадокъ нѣкоторымъ проступкомъ. Тщетно отецъ его жертвовалъ всѣмъ своимъ имѣніемъ, домогавшись снова открыть себѣ путь ко Двору: старанія его были безуспѣшны, и при смерти не оставилъ онъ сыну своему ничего, кромѣ славнаго имени и одной деревни, съ которой доходовъ едва доставало на содержаніе умѣренному человѣку.

Лозинго отъ природы склоненъ былъ къ меланхоліи и весьма любилъ уединеніе. Его можно было бы почитать филосо-

фомъ, естьлибъ добродѣтель его не имѣла суроваго и угрюмаго виду. Онъ думалъ, что человѣки не заслуживаютъ того, чтобъ жертвовать имъ дарованіями, которыхъ цѣны они не познаютъ. Бѣдной Графъ! онъ не имѣлъ еще столь великаго духа, чтобъ чувствовать, сколь хорошо *служить даже и неблагодарнымъ*!

Самъ Графъ никогда бы не вздумалъ жениться на Баронессѣ; но фамилія его, особливожъ дядя, Маркизъ Позилла, старались уговорить его къ тому, и представляли сію женидьбу способомъ къ возобновленію пышности ихъ дому. Онъ склонился. Маркизъ взялъ на себя сдѣлать предложеніе Баронессѣ, и хотя сперва принятъ былъ съ великою холодностію, но мало по малу Баронесса уменьшила свою надмѣнность, и Графъ получилъ позволеніе явиться къ ней. Первой ихъ разговоръ былъ весьма хладнокровенъ и сухъ; пышныя слова безъ чувствованія. „Я люблю васъ„ въ сихъ словахъ состоялъ весь ея отвѣтъ на пылкія изъясненія Графа; и сіи слова произнесены были такимъ тономъ, какъ бы она хотѣла сказать: „я вамъ приказываю.„ Лозинго жалѣлъ о своемъ намѣре-

мѣреніи, но поздно; онъ уже не могъ оставить онаго.

Хитрая Баронесса требовала, чтобъ Графъ продалъ свою деревню и употребилъ деньги на брачное празднество. Онъ принужденъ былъ принести упрямству строгой своей повелительницы сію пяжкую жертву. Деревня была продана, и бракосочетаніе вскорѣ совершилось съ такою пышностію, которая могла и въ самыхъ богатѣйшихъ людяхъ въ государствѣ возбудить зависть. Балы, туниры и разныя зрѣлища продолжались цѣлой мѣсяцъ въ замкѣ новобрачныхъ. Баронесса, почитая щедрость за приличное высокому своему состоянію, раздавала поселянамъ богатые подарки. Но ордость ея всѣ сіи благодѣянія ядомъ заражала! Тяжко принимать дары отъ такой руки, которая для того только раскрывается, чтобъ заставить насъ почувствовать слабость нашу и зависимость.

Графъ Лозинго, учившись долго трудному искусству быть щастливымъ, легко усмотрѣлъ напередъ, что совершенная противность свойствъ его и супруги его будутъ для обоихъ ихъ неизчерпаемымъ источникомъ неудовольствія. Однако онъ

скрывалъ сіе опасеніе отъ своей фамиліи, старался даже скрывать оное отъ себя самого и увѣрять себя, что предвидѣнное имъ не сбудется. Онъ дѣлалъ еще болѣе: не хотѣлъ видѣть пороковъ супруги своей, и старался выискивать въ ней только любви достойныя качества. Цѣлой годъ сносилъ онъ смертельную скуку, терпѣлъ молчаливо самые огорчительнѣйшіе знаки гордости и презрѣнія, и не роптalъ ни однажды.

Сія философская твердость возбуждала только новую досаду въ сердцѣ Графини. Хладнокровіе его совсѣмъ не входило въ ея планъ. Она для того только унизилась и вышла за бѣднаго дворянина, чтобъ называться *Сіятельнѣйшею Графинею*: сей титулъ щекоталъ ея гордость. Но какъ скоро привыкъ слухъ ея къ сему лестному тону, начала стараться освободить себя отъ такого мужа, котораго Стоическая независимость ни мало не согласовалась съ ея властолюбіемъ. Она употребляла всякія хитрости, чтобъ наносить ему досаду и оскорбленіе, чрезъ то зажечь раздоръ въ фамиліи, и въ сихъ безпокойствахъ произвести тайный планъ свой въ дѣйство.

Нако-

Наконецъ ей удалось, и Графъ принужденъ былъ открыть свое неудовольствіе. Сначала говорилъ онъ съ великою кротостію; но жестокія укоризны, которыми она его осыпала, разрушили его равнодушіе. Произошла между ими жестокая ссора, и весь домъ приведенъ былъ въ смятеніе. Всѣ тѣ, кого подлое корыстолюбіе привязывало къ Графинѣ, приняли ея сторону и клялись въ вѣчной ненависти къ Графу. Оставленъ друзьями, неблагодарною женою ненавидимъ, презираемъ домашними, онъ оставался почти одинъ, безъ всякаго утѣшенія, кромѣ своей добродѣтели.

Графиня поѣхала въ В**, и требовала защиты законовъ, какъ супруга притѣсняемая неблагодарнѣйшимъ изъ всѣхъ людей. Щедрость придала сугую силу ея краснорѣчію, и подкупленые судьи сдѣлали приговоръ о разводѣ. Грфъ оправдалъ невинность свою въ сочиненіи, которое онъ издалъ въ публику. Слѣдствіемъ сего было то, что Графиня уговорила одного своего родственника, вызвать его на поединокъ. Графъ вышелъ и имѣлъ щастіе — или нещастіе, заколоть своего соперника. Опасаясь новыхъ гоненій какъ отъ правосудія, такъ

и отъ жены своей, спѣшилъ онъ удалиться изъ отечества, взявъ съ собою одного только вѣрнаго слугу, и нѣсколько лѣтъ совсѣмъ неизвѣстно было, куда онъ скрылся.

Прискорбно было Графу оставить отечество, но еще чувствительнѣе, лишиться дѣтей. Два сына были плодъ сего нещастливаго брака. Они были двойни; но ни въ лицѣ, ни въ характерѣ ихъ, не видно было ни одной черты сходства, которое обыкновенно Натура въ двойняхъ наблюдаетъ. Одинъ изъ нихъ былъ живой образъ нещастнаго Графа Лозинго; а другой совершенно походилъ на гордую мать свою. Первой еще въ младенчествѣ любимъ былъ всѣми, кто только зналъ его; въ самыхъ дѣтскихъ играхъ оказывалъ онъ знаки доброй души, привлекавшіе сердца. Онъ любилъ правду, еще не знавъ ее, и одна только тѣнь лжи покрывала уже лице его любви достойною краскою стыдливости. Ласковъ будучи ко всякому, находилъ онъ удовольствіе въ томъ, чтобъ забывая знатность свою, быть съ нещастными. Графиня воздыхала о томъ, почитая сіе благородное, достойное человѣка расположеніе сердца склонностію

къ

къ подлости. „Нѣтъ, говорила она, это дитя не будетъ никогда достойно моей матери! Чѣмъ онъ старѣе становится, тѣмъ болѣе удаляется отъ природнаго своего благородства. О небо! что изъ него будетъ?„

Другой братъ несравненно лучше соотвѣтствовалъ честолюбивымъ намѣреніямъ своей матери. Онъ оказывалъ уже гордое презрѣніе приставленнымъ смотрѣть за нимъ въ дѣтствѣ, и какъ бы дѣлалъ имъ великую милость, когда выслушивалъ, что они говорили. Мать его радовалась, видя въ немъ свой образъ; одного только его ласкала; вспыльчивость его почитала живостію; гордость его называла величествомъ души. Она дала ему титулъ Маркиза Вилледе, и весьма рано учила лепетать слова: *мои помѣстья*, *мой экипажъ*, *мои люди*, и пр. Она хотѣла научить тому же и маленькаго Барона Асцелло (такъ названъ былъ первой ея сынъ); но онъ отвѣчалъ съ любезною невинностію: „Матушка, могу ли я говорить: *мои помѣстья*? У меня нѣтъ ничего своего. Все, что есть у меня, ваше. Я и жизнь свою не могу назвать *моею*;

знаю, что и ее отъ васъ же я получилъ.„

Какая подлая душа! вскричала Графиня; и съ того времени смотрѣла она на своего сына съ презрѣніемъ, которое весьма мало отличалось отъ ненависти. Она не хотѣла держать его при себѣ, и сослала въ другой замокъ за нѣсколько миль. Съ нимъ отпущено было множество слугъ и Гофмейстеръ, который имѣлъ всѣ способности, потребныя для сего важнаго званія.

Платено, такъ назывался сей Гофмейстеръ, былъ мудрый человѣкъ, не имѣвшій ни надмѣнности, ни смѣшной суетности педанта, ни мизантропской угрюмости; съ великою опытностію соединялъ онъ глубокое знаніе сердца человѣческаго. Онъ происходилъ отъ знатнаго рода; но былъ игралищемъ щастія; испыталъ и суровость бѣдности и пріятность блистательнаго благополучія. Онъ былъ великъ безъ гордости, и нещастенъ безъ малодушія. Всегда будучи одинаковъ, казалось, принималъ онъ благосклонность судьбы только въ угодность другимъ, и умѣлъ выдерживать ея гоненіе. Сія твердость тѣмъ паче достойна была почтенія, что кромѣ собствен-

собственной совѣсти, добродѣтель его не имѣла свидѣтелей.

Таковъ былъ надзиратель, выбранный Графинею для своего сына. Одна только гордость склонила ее къ сему выбору. Она слышала, что Платено происходилъ отъ знатной фамиліи, которая нѣкогда была въ славѣ, и самъ игралъ важную ролю въ свѣтѣ. Ея тщеславію лестно было имѣть въ числѣ служителей своихъ такого человѣка и одна сія мысль все рѣшила.

Платено удалился съ питомцемъ своимъ въ назначенное ему уединеніе. То былъ старинной, давно уже оставленный замокъ, который Графиня никогда не удостоивала своего присутствія. Положеніе онаго вселяло ужасъ. Страшныя башни, глубокіе рвы, древніе монументы гражданскихъ междуусобій, дѣлали его весьма печальнымъ жилищемъ. Но и самое мрачнѣйшее жилище превращается во храмъ щастія, когда мудрымъ человѣкомъ обитаемо.

Молодой Баронъ не роптalъ ни одной минуты на мать свою за то, что она осудила его проводить весну жизни своея въ толь грустномъ мѣстѣ. Онъ имѣлъ врожденную тихую меланхоію,

капо-

которая еще въ первыя лѣта всѣ шумныя веселости дѣлала ему непріятными, и придавала тѣмъ новую прелесть дѣтскому его возрасту. Онъ почиталъ Платено вторымъ отцомъ, называлъ его такъ, и произносилъ сіе имя толь нѣжно, что сей чувствительный человѣкъ часто обнималъ его и окроплялъ слезами.

Платено имѣлъ отъ природы рѣдкое дарованіе *образовать человѣка*. Расчительно посѣвалъ онъ въ сердцѣ своего питомца драгоцѣнное сѣмя добродѣтели, и старался всѣ склонности его, въ то время еще неутвердившіяся, устремить къ добру. Онъ украсилъ духъ его всѣми науками, ведущими насъ къ *истинному* и *полезному*. Однако онъ не отягощалъ слабый еще разумъ его излишними знаніями, которыя бываютъ только предметомъ безполезнаго любопытства и часто источникомъ смѣшной гордости. Заблаговременно пріучалъ онъ его сохранять въ сердцѣ своемъ равновѣсіе страстей, въ которомъ состоитъ щастіе мудраго человѣка. Онъ училъ его судить справедливо о людяхъ и вещахъ; увѣрилъ его, что человѣкъ, поставляющій во всемъ цѣлію только самого себя,

истин-

истиннаго щастія имѣть не можетъ, и что оно состоитъ единственно въ тоъ, чтобъ другихъ щастливыми дѣлать.

Такимъ образомъ прошло нѣсколко лѣтъ, и во все сіе время Графия только однажды освѣдомлялась о своемъ сынѣ. Но такое небреженіе было не весьма малое зло для него въ сравненіи съ тѣмъ, что ему непосредственно подстояло.

По естественному влеченію человѣчества, молодой Баронъ часто посѣщалъ самыхъ бѣднѣйшихъ поселянъ въ ихъ хижинахъ; разговаривалъ съ ними охотно и много, и представлялъ имъ, сколь они щастливы, будучи бѣдны, но честны. Его присутствіе возвращало спокойствіе и радость въ самомъ жилищѣ печали, и бѣдный не стыдился уже своего состоянія, видя, что молодой господинъ и его не пренебрегаетъ. Въ одинъ день Графиня застала сына своего въ семъ благородномъ упражненіи. Онъ осушалъ слезы крестьянскаго мальчика, которго безвременная смерть лишила матери, единственной подпоры нещастнаго семейства. Въ ту самую минуту пріѣхала Графиня въ великолѣпной каретѣ. Воздухъ наполнился пылью и шумомъ. Она

увидѣла

увидѣла сына своего окруженнаго толпою бѣдныхъ мужиковъ; (какое зрѣлище для сея гордой женщины!) бросила на него страшный взоръ, исполненный гнѣва и презрѣнія; пошла въ замокъ, и первой предметъ, встрѣтившійся ей тамъ, былъ мудрый Платено.

Что вы сдѣлали изъ моего сына? говорила она грознымъ голосомъ: знаете ли вы, гдѣ я его нашла? — Знаю, милостивая государыня, отвѣтствовалъ Гофмейстеръ: я и самъ пошелъ бы съ нимъ; но мнѣ хотѣлось дать ему одному наслаждаться удовольствіемъ великодушнаго дѣла. — Какъ! перервала рѣчь его Графиня, такія-то правила вы ему преподаете? Такія ли поступки приличны высокому состоянію, въ которомъ онъ рожденъ? Сынъ Графини Лозинго забываетъ въ крестьянскихъ избахъ свое имя и состояніе, обращается съ подлыми тварями, да еще и почитаетъ подлость свою за добродѣтель! Подите, государь мой! убѣгайте моего присутствія, и никогда на глаза мнѣ не кажитесь!

Тогда вошелъ молодой Баронъ. Сердце его лѣтѣло къ матери; но какъ ужаснулся онъ, увидя ее въ такомъ гнѣвѣ, и встрѣченъ будучи жесточайшими укоризна-

ризнами! „Нѣтъ, говорила она: я обманута; никогда не носила я тебя подъ своимъ сердцемъ; не признаю крови, текущей въ твоихъ жилахъ, моею; недостойный сынъ!„ — Устрашенный Баронъ упалъ къ ногамъ ея, окроплялъ ихъ слезами, и просилъ ее сказать, въ чемъ преступленіе его состояло? Она оттолкнула его отъ себя съ величайшимъ презрѣніемъ, и при томъ сказала ему, что онъ навсегда разлученъ будетъ съ добродѣтельнымъ своимъ Платено.

О небо! вскричалъ онъ: удаливъ меня отъ себя, лишивъ меня родителя моего, когда я не могъ еще чувствовать нѣжной его ласки, вы хотите лишить меня и другова отца моего! Ктожъ будетъ указывать мнѣ путь добродѣтели? Оставшися одинъ, я буду впадать изъ заблужденія въ заблужденіе. Ахъ, милостивая государыня! (имя матери вамъ ненавистно) избавьте самое себя отъ мучительнаго раскаянія; избавьте себя отъ укоризнъ, которыя вы сами себѣ стали бы дѣлать, когда бы порокъ или заблужденіе ввергли меня въ бездну погибели.

Нѣтъ, отвѣчала Графиня, я не намѣрена оставить тебя одного. Я хочу истре-

истребить всѣ правила подлаго воспитанія, вкорененныя въ тебя, естьли то уже не поздно. Я хочу извлечь тебя изъ тины, въ которую Платонъ тебя ввергнулъ, и научишь чувствовать, кто ты. Подъ надзираніемъ новаго Гофмейстера, котораго я для тебя выбрала, ты сдѣлаешься совсѣмъ другимъ человѣкомъ.

При сихъ словахъ Графиня указала на одного педанта, бывшаго въ ея свитѣ; она кинула на него милостивый взоръ, и сказала ему, что онъ одинъ достоинъ быть воспитателемъ знатнаго молодаго господина. Педантъ принялъ новаго своего питомца съ такимъ видомъ, въ которомъ изображалось странное смѣшеніе гордости съ подлостію.

Нещастному Платону тутъ же отказано было отъ прежней его должности. Нѣжный воспитанникъ бросился въ его объятія, и оба не могли ничего выговорить, кромѣ нѣсколька словъ, перерываемыхъ слезами и вздохами.

(*Продолженіе будетъ впредь.*)

(Продолженіе повѣсти, начатой въ предъидущемъ листѣ.)

Тщетно вы его у меня отнимаете, вскричалъ молодой Баронъ твердымъ мужественнымъ голосомъ: сердце мое всюду за нимъ послѣдуетъ. Вамъ, сударыня, обязанъ я жизнію, но ему добродѣтелію. Ваша немилость терзаетъ мое сердце; но я всегда буду любить и васъ и его, хотя бы вы весь свой гнѣвъ на меня истощили.

Графиня, еще болѣе симъ раздраженная, ушла не сказавъ ни слова, сѣла въ карету, и оставила опечаленнаго своего сына съ новымъ его наставникомъ.

Молодой Баронъ скоро изнемогъ подъ бременемъ грызущей досады и мучительной скуки, живучи съ грубымъ и гордымъ педантомъ, котораго не могъ онъ не презирать. Уединеніе, прежде любимое, стало ему ненавистно; онъ искалъ въ сосѣдствѣ какого нибудь пріятнаго сообщества, которое замѣнило бы ему нѣсколько потерю друга его, и нашелъ оное.

Между замкомъ Графини и сына ея, въ небольшой деревнѣ жилъ одинъ дворянинъ, который прежде имѣлъ весьма

знатную гражданскую должность. Голосъ его долго былъ оракуломъ правосудія, страхомъ порока и надеждою невинности. Но по нещастію, ошибаться есть жребій человѣчества! Нѣкоторой знатной и богатой фамиліи нанесено было приговоромъ его великое безчестіе и разореніе. Онъ обольщенъ былъ краснорѣчіемъ одного адвоката, употребившаго дарованія свои за деньги къ неправдѣ и обману. По томъ усмотрѣлъ онъ свою ошибку, но уже поздно: бездѣльникъ, обогатившійся на щетъ невинности, получивъ неправедное пріобрѣтеніе, выѣхалъ изъ Государства. Нещастный судья проливалъ слезы; добровольно сложилъ съ себя судейское достоинство, думая, что несправедливымъ приговоромъ нарушилъ его святость; признался публично въ своей ошибкѣ, и возвратилъ чрезъ то нещастной фамиліи *честь* ея, драгоцѣннѣйшее сокровище, котораго она лишалась. Онъ сдѣлалъ еще болѣе: пожертвовалъ почти всѣмъ своимъ имѣніемъ; заплатилъ обвиненной несправедливо фамиліи ея убытокъ; по томъ удалился въ сію деревню, съ которой весьма умѣренный доходъ составлялъ все его богатство.

Почте-

Почтеніе сограждан и чувствованіе своей добродѣтели провождали его въ сіе уединеніе. Онъ жилъ тамъ нѣсколько лѣтъ, будучи уважаемъ и любимъ поселянами и забытъ ложными своими друзьями. Главнымъ его попеченіемъ было воспитаніе дочери, которая называлась Акантою. Она достигла того опаснаго возраста, въ которомъ сердце и чувствованіямъ добродѣтели и движеніямъ страстей равно отверсто. Однакожъ отъ природы имѣла она щастливѣйшее расположеніе къ добру; скромный и веселый видъ ея служилъ зеркаломъ ея душѣ; огонь, блиставшій въ ея глазахъ, тихая невинность, умѣрявшая сей огонь, изъявляли доброту ея сердца.

Необычайная исторія сего благороднаго человѣка извѣстна была молодому Барону. Давно желалъ онъ познакомиться съ симъ достойнымъ мужемъ и оказать ему свое почтеніе. Жестокая гроза, застигшая его въ прогулкѣ, была щастливымъ случаемъ къ тому, что онъ осмѣлился войти въ домъ къ Панемону (такъ назывался почтенный старецъ). Панемонъ принялъ его весма ласково, просилъ остаться у него долѣ, пока гроза совсѣмъ пройдетъ и

разговаривалъ съ отмѣнною пріятностію. Но еще несравненно пріятнѣйшее чувствованіе разлилось въ сердцѣ Барона, когда онъ увидѣлъ Аканту. Нѣжной взоръ его, румянецъ, ея щеки покрывшій, и потупленные глаза, ясно сказывали, что происходило въ сердцахъ ихъ обоихъ. Между тѣмъ гроза прошла, хотя молодой Баронъ желалъ бы, чтобъ она еще продолжалась. Онъ простился, и при прощаніи обѣщалъ Панемону вскорѣ посѣтить его въ другой разъ.

Не долго откладывалъ онъ случай избавиться отъ скучнаго присмотра своего надзирателя, и спѣшить туда, куда сердце его вело. Панемонъ любилъ охоту и часто уѣзжалъ въ лѣсъ весьма рано поутру; по чему Баронъ скоро имѣлъ удовольствіе найти Аканту одну. Онъ открылъ ей любовь свою; примѣтилъ, что и Аканта его не ненавидѣла; но она не хотѣла ничего обѣщать ему безъ согласія отца своего. Баронъ ни мало не сомнѣвался въ семъ согласіи, и въ надеждѣ почиталъ себя щастливѣйшимъ изъ смертныхъ.

Но на другой день обстоятельства совсѣмъ перемѣнились. Слуга принесъ ему слѣдующее письмецо, которое онъ раз-

развернулъ съ восхищеніемъ, но читалъ съ трепетомъ:

„Я догадывалась уже, что вчерашній „нашъ разговоръ не будетъ имѣть до„брыхъ слѣдствій; однако есть еще вре„мя загладить нашу глупость. Батюш„ка мой приказываетъ мнѣ навсегда по„тушить любовь къ вамъ и оставить „всю тщетную надежду. Причины его „справедливы; и естьли мое благополучіе „и добродѣтель моя подлинно для васъ „дороги, то постарайтесь, чтобъ . ни„когда васъ не видала. Помогите мнѣ „одержать трудную побѣду надъ собою: „это сдѣлаетъ васъ достойнымъ моего „почтенія.

Аканта„

Молодой Баронъ едва могъ повѣрить глазамъ своимъ. Трепеща прочитывалъ онъ письмецо нѣсколько разъ, и останавливался особливо при словахъ: *причины его справедливы.* „Какъ! вскричалъ онъ съ горестію, Аканта сама оглашается меня лишиться? Она оправдываетъ мнѣніе отца своего? Какими причинами можно опорочить любовь, на добродѣтели основанную? И я самъ долженъ помогать ей забыть меня? я дол-

женѣ не видаться болѣе съ нею? — Нѣтъ, я хочу услышать этотъ приговоръ изъ устъ ея!„

Немедленно пошелъ онъ къ Панемону, и открылъ ему свое сердце. Панемонъ принялъ его съ великою нѣжностію и дружбою, и увѣрялъ его въ своей любви. „Однако, продолжалъ онъ, вы знаете, вы видите, что нынѣшній жребій мой есть недостатокъ и неизвѣстность. Напротивъ того вамъ произхожденіе ваше открываетъ самые блистательнѣйшіе виды въ свѣтѣ. Вы богаты; а люди почти одно только богатство за достоинство почитаютъ. Естьлибъ вы въ своемъ состояніи захотѣли жениться на бѣдной нещастливой дѣвушкѣ, всѣ назвали бы то слабостію. Раздраженная ваша фамилія противилась бы тому, и вы никогда не получили бы ея согласія на такой союзъ. Самая добродѣтель обязываетъ васъ пожертвовать своимъ щастіемъ намѣреніямъ вашей фамиліи. И такъ научитесь преодолѣвать себя, и забудьте нещастную дочь мою.

Молодой Баронъ, выслушавъ съ горестію всѣ сіи убѣжденія, заклиналъ Панемона, чтобъ онъ позволилъ ему по крайн. мѣрѣ дотолѣ питать нѣкоторую надежду,

надежду, пока онъ посовѣтуется со своею фамиліею. „Я соглашаюсь на это, сказалъ Панемонъ, посмотрѣвъ на него съ сожалѣніемъ: но берегитесь, чтобъ эта отсрочка не послужила къ вашему нещастію.„

Въ то время, какъ все сіе происходило, Маркизъ Вилледо также разставался съ нѣжною своею матерью и ѣздилъ въ Мадритъ. Онъ перенялъ тамъ всѣ модныя глупости и пороки. Душа его заразилась опасными правилами большаго свѣта. Онъ зналъ уже, что свѣтскому человѣку должно въ одно время обманывать честную женщину, и самому даваться въ обманъ непотребной. Съ сими правилами возвратился онъ домой къ Графинѣ, и одно изъ первыхъ его попеченій было сыскать какой нибудь предметъ подлому своему сластолюбію.

Въ одинъ день былъ онъ съ нѣкоторыми своими пріятелями на охотѣ, и олень, за которымъ они съ жаромъ гнались, завелъ ихъ въ Панемонову деревню. Аканта съ пріятельницею прогуливалась тогда въ аллеѣ. „Какой Ангелъ! сказалъ Маркизъ одному изъ своихъ пріятелей: признайся, что глаза твои ничего прекраснѣе не ви-

дывали.„ — „Прекрасная Нимфа, продолжалъ онъ оборотясь къ ней, позвольте познакомиться съ вами. Эта бѣдная деревнишка васъ не достойна. Оставьте ее у пустыню, и поѣдемъ въ Мадритъ, гдѣ радость и восхищеніе васъ ожидаютъ.„

Въ этомъ уединеніи я нахожу удовольствіе, отвѣчала Аканта съ оскорбленною благородною гордостію: оно для меня храмъ добродѣтели; и я не думала, чтобъ безстыдство могло когда нигдѣ отважиться нарушить его святость.

Поѣдемъ! вскричалъ Маркизу пріятель его: что ты хочешь дѣлать съ этою романическою героинею? Олень уже далеко; мы можемъ потерять его, естьли съ нею здѣсь промедлимъ.

Маркизъ поѣхалъ съ нимъ, но противъ воли. Онъ отставалъ мало по малу отъ охотниковъ, и между тѣмъ, какъ они гнались за оленемъ, онъ, не будучи ни кѣмъ примѣченъ, возвратился къ Акантѣ, сошелъ съ лошади, и повторялъ первое свое изъясненіе со всѣмъ краснорѣчіемъ, къ какому только онъ былъ способенъ. Однако онъ принятъ былъ еще хуже, нежели въ первой разъ, и оставилъ Аканту. Оскорбленная гор-

дость

дость и мщеніе волновались въ его сердцѣ.

Едва только Маркизъ пріѣхалъ домой, какъ Графиня вошла въ его комнату въ великомъ гнѣвѣ. „А! сынъ мой, вскричала она, одинъ мой любезной сынъ! утѣшь меня; братъ твой нанесъ намъ ужасное посрамленіе. Прочитай поносное письмо, которое онъ ко мнѣ писалъ; вотъ оно. Онъ столько дерзокъ, что осмѣлился просить меня, чтобъ я позволила ему жениться на дочери человѣка безъ имени и безъ имѣнія. Достойный шесть, котораго онъ себѣ выбралъ, называется Панемономъ. Если ли не ошибаюсь я въ своей догадкѣ, то онъ предупредилъ мой отказъ, и тайной союзъ соединилъ уже его съ недостойною его любезною. Я не хочу тебѣ ничего больше сказать: это письмо покажетъ тебѣ, чего должность чести отъ тебя требуетъ. Спроси у своего сердца: узнаешь ли ты въ крови Барона Асцелло свою кровь?

Маркизъ, принимая участіе въ ярости своея матери, читалъ слѣдующее:

„Милостивая государыня,

„Судьба не согласна съ вашими на„мѣреніями въ разсужденіи меня. Я люб„лю дѣвицу, которой добродѣтель не„сравненно драгоцѣннѣе всякаго богатства „и знатнаго роду. Она дочь великодуш„наго Панемона, которому исторія его „приноситъ болѣе чести, нежели самое „древнее поколѣніе. Оба они согласны „сдѣлать меня щастливымъ. Я прошу и „вашего соизволенія на то; но легко мо„гу предвидѣть, что получу отказъ. Вы „можете сдѣлать меня нещастнымъ; од„нако не въ вашей власти отнять сердце „мое у добродѣтельной Аканты.„

А! вскричалъ Маркизъ, я нахожу въ немъ ненавистнаго соперника! Такъ вся эта притворная добродѣтель, которую и въ самомъ дѣлѣ я почелъ было за великость души, не иное что, какъ любовь къ другому; и любовь къ брату моему! Я разрываю союзъ родства. Все меня къ тому побуждаетъ. Сегоднижъ мы съ нимъ увидимся со шпагами въ рукахъ!

Онъ немедленно послалъ къ Барону записку, въ которой вызывалъ его на поединокъ, и въ назначенный часъ вышелъ

шелъ самъ со множествомъ проводниковъ. Вскорѣ пришелъ и нещастный Барнъ. Онъ шелъ тихо, одинъ и безъ всякаго оружія; на лицѣ его изображалось спокойствіе, и кротость сіяла изъ глазъ. Посмотрѣвъ на Маркиза, онъ вздохнулъ и подошелъ къ нему. Маркизъ схватился за шпагу, сталъ въ позитуру, и съ нетерпѣливостію дожидался той минуты, въ которую могъ удовлетворить своей ярости. „Ну! готовы ли вы? вскричалъ онъ угрожающимъ голосомъ. — „Готовъ, отвѣтствовалъ Баронъ: умерши меня! я не врагъ тебѣ, но жертва твоя. Ты ненавидишь меня; а я, по добродѣтели ли то, или по слабости, не могу тебя ненавидѣть. Не хочу омочить рукъ въ крови брата; но ты можешь это сдѣлать, и я тебя прощаю. Жизнь мнѣ въ тягость: кто отнимѣтъ ее у меня, тотъ будетъ мой благодѣтель.„

Сіи слова, произнесенныя твердымъ голосомъ, возбудили чувство натуры въ сердцѣ Маркизовомъ. Онъ хотѣлъ уже бросить шпагу и кинуться въ объятія брата своего; но гордость скоро одержала верьхъ. Не сказавъ ни слова, оставилъ онъ Барона и ушелъ къ проводникамъ своимъ. Сіи люди, не способные

ные ни къ какому доброму чувствованію, всѣ признали нещастнаго Барона трусомъ, и описали его Графинѣ такимъ человѣкомъ, котораго подлая любовь къ жизни дѣлаетъ недостойнымъ жизни.

Графиня не знала, куда скрыться отъ стыда. Она жаловалась на натуру за то, что она произвела отъ ея крови столь подлую душу; иногдажъ въ самомъ дѣлѣ хотѣла увѣрить себя, что Баронъ не ея сынъ. „Нѣтъ! говорила она, естьли бы онъ былъ мой сынъ, естьлибъ въ немъ была моя кровь; то была бы въ немъ хотя искра и того духа, который меня оживляетъ. Но сынъ ли онъ мой, или нѣтъ, я хочу навсегда загладить или преступленіе мое, или ошибку. Съ этой минуты лишаю его всѣхъ правъ на мое сердце, и гнушаюсь его, какъ чудовища.„

Графиня въ другой разъ отправилась въ В * *. Несправедливые судьи, обвинившіе добродѣтельнаго супруга, не усомнились, въ угодность ей, осудить и невиннаго сына, чтобъ онъ лишенъ былъ наслѣдства и совсѣмъ изключенъ изъ фамиліи.

Отецъ мой! вскричалъ молодой Баронъ, идучи пѣшкомъ изъ В * *, гдѣ онъ

тщетно

тщетно старался защищать свою невинность: — отецъ мой! вскричалъ онъ, вспомнивъ о Платенѣ: какою благодарностію я тебѣ обязанъ! Безъ тебя изнемогъ бы я подъ тяжкими ударами судьбы. Но твои наставленія вооружили духъ мой непреодолимою крѣпостію. Буря, ярящаяся нынѣ противъ меня, не можетъ разрушить внутренняго спокойствія моего. Теперь я человѣкъ, не иное что, какъ только человѣкъ, и клянусь небомъ, что не нанесу безчестія этому благородному имени.

Тогда не оставалось ему ничего, какъ оставить свое отечество и искать щастія въ другой землѣ. Аканта, одна только Аканта его удерживала. Сердце его долго влекло его почти непреодолимою силою, еще увидѣться съ нею. И съ какою бы нѣжностію она приняла его, потерпѣвшаго за нее столь много! Однако онъ преодолѣлъ себя, и послалъ къ ней только слѣдующее письмо:

„Не тотъ уже щастливой человѣкъ, „который нѣкогда надѣялся называться „вашимъ супругомъ, пишетъ теперь къ „вамъ; нѣтъ! нещастный изгнанный, „покрытый поношеніемъ, отверженный „самою природою, и который не умѣетъ

теперь

„теперь ничего болѣе, кромѣ своей не-
винности и любви. Жестокосердая мать
„отняла у меня священнѣйшее изъ всѣхъ
„правъ; несправедливые или слабоумные
„судьи поноснымъ своимъ приговоромъ
„лишили меня чести; и общество гну-
„шается нынѣ того, кого вы прежде
„удостоивали уваженія. Но что мнѣ
„нужды въ почтеніи или презрѣніи всего
„свѣта? Дражайшая Аканта, пусть одно
„ваше сердце меня судитъ. Естьли въ
„вашихъ глазахъ я невиненъ, то пре-
„зираю всѣ нападенія клеветы, и смѣюсь
„тщетнымъ стараніямъ гонителей мо-
„ихъ. Простите, дражайшая Аканта;
„будьте всегда щастливы! Естьли судьба
„перестанетъ когда нибудь гнать меня,
„естьли когда нибудь возвратитъ меня
„къ вамъ, то вы конечно найдете меня
„достойнымъ васъ.„

Удобно представить себѣ, что сіе письмо произвело въ сердцѣ Аканты. Престарелый Панемонъ самъ поѣхалъ искать Барона; онъ самъ хотѣлъ возвратить его своей дочери. Но трудъ его былъ тщетенъ. Молодой Баронъ переѣхалъ уже во Францію, которую издавна предпочиталъ онъ всякой другой зе лѣ, кромѣ своего отечества.

Флан-

Фландрія была тогда театромъ войны, и Фельдмаршалъ Морицъ Саксонской покрывалъ всю сію землю многочисленнымъ войскомъ. Молодой Баронъ услышалъ, что при Пиринейскихъ горахъ Полковникъ, по имени Далвансъ, набиралъ солдатъ въ свой полкъ, съ которымъ онъ долженъ былъ присоединиться къ войску. Онъ немедленно пошелъ къ нему, и просилъ принять его простымъ солдатомъ. Полковникъ съ перваго взору узналъ, что сей молодой человѣкъ не низкаго произхожденія, обошелся съ нимъ весьма ласково, принялъ его въ свой полкъ, совѣтовалъ ему вести себя хорошо, и обѣщалъ, что служба его не останется безъ награжденія.

Полкъ отправился и прибылъ благополучно во Фландрію. Баронъ привыкъ скоро къ новому своему званію и умѣлъ заслужить себѣ отъ всѣхъ похвалу и любовь. Вскорѣ нашелъ онъ также случай оказать свою храбрость и пріобрѣсти честь. Однажды въ вечеру вдругъ поднялась тревога; всѣ побѣжали къ ружью. Непріятель сдѣлалъ нечаянное нападеніе. Далвансъ спѣшилъ съ неустрашимостію къ своимъ солдатамъ, построилъ ихъ въ порядокъ, и пошелъ про-

противъ непріятеля. Но по нещастію попался онъ въ засаду, и вдругъ окруженъ былъ непріятелемъ. Молодой Баронъ, увидѣвъ то, побѣжалъ съ весьма немногими людьми къ нему на помощь, и пробился съ невѣроятною отважностію и скоростію между непріятелями, которые приведены тѣмъ были въ безпорядокъ и побѣжали. Полковникъ встрѣтилъ его съ распростертыми объятіями. Но между тѣмъ увидѣлъ онъ еще непріятельскую партію, которая хотѣла овладѣть знаменемъ его полку. Онъ вырвался изъ объятій своего Полковника, бросился въ другой разъ къ непріятелямъ, отнялъ знамя у того, который имѣлъ уже его въ рукахъ, и возвратился съ нимъ израненный. Онъ отдалъ знамя Полковнику, но самъ упалъ безчувственъ и покрытъ смертною блѣдностію. Отнесли его въ палатку, и старались возвратить ему жизнь. Какъ скоро получилъ онъ употребленіе чувствъ, Полковникъ приказалъ всѣмъ выйти вонъ и остался съ нимъ одинъ.

(Окончаніе сообщено будетъ въ слѣдующемъ листѣ.)

Неравные братья. Испанская повѣсть.
(*Окончаніе.*)

Храбрый юноша! говорилъ Полковникъ, оставшись наединѣ съ Барономъ: не унижая тебя, не могу ничѣмъ, кромѣ моей дружбы, наградить тебя за такую чрезвычайную услугу. Я долженъ тебѣ жизнію моею, и что для меня еще въ тысячу разъ дороже, честію моего полку. Я всегда ожидалъ отъ тебя чего нибудь важнаго. Съ перваго взору читалъ уже я въ глазахъ твоихъ, что ты не простаго произхожденія. Тщетно ты отъ меня скрываешься. Благородство написано у тебя на лицѣ, и ты знаешь, что съ самаго начала твоей службы я отличалъ тебя отъ другихъ. Откройся мнѣ свою тайну, и скажи, кто ты. Имѣй ко мнѣ довѣренность; отложи все принужденіе подчиненности, и говори со мною, какъ съ нѣжнѣйшимъ своимъ другомъ.

Хотя молодой Баронъ твердо предпринялъ не открывать никому своея тайны, но не могъ противиться столь нѣжнымъ убѣжденіямъ и прозьбамъ. И такъ онъ разсказалъ Далвансу исторію своея фамиліи и тайныя причины, по

которымъ лишился всѣхъ своихъ правъ. „Ахъ! говорилъ онъ по томъ со слезами, можете ли вы быть нечувствительны къ нещастію молодаго человѣка, который ненавидимъ матерью и никогда не имѣлъ удовольствія знать отца своего. Графиня Лозинго, жестокосердая противъ супруга столь же, какъ и противъ сына, гнала нещастнаго моего родителя. Онъ скрылся, когда я былъ еще въ младенчествѣ, и я не знаю, куда судьба его завела. О небо! естьлибъ я когда нибудь нашелъ его, я умеръ бы отъ радости въ его объятіяхъ! Не знаю отъ чего это происходитъ, но когда бываю съ вами, надежда моя получаетъ новую силу, и какъ бы Небо обѣщаетъ мнѣ, что оно возвратитъ мнѣ отца моего, котораго я, и не зная еще, люблю.„

Полковникъ въ продолженіе повѣсти молодаго Барона показывалъ знаки живѣйшаго участія; тогдажъ отъ чрезмѣрной радости и нѣжности едва могъ выговорить: „Небо совершаетъ твои желанія — Сынъ мой! любезной сынъ! — ты видишь предъ собою нещастнаго Графа Лозинго.„

Баронъ въ восхищеніи бросился въ его объятія и омочалъ его слезами. „Родитель

дитѣль мой! вскричалъ онъ: — Iебо правосудно! Благословляю теперь всѣ претерпѣнныя мною нещастія; они привели меня къ вамъ. Я васъ нашелъ, и теперь нѣтъ человѣка щастливѣе меня.„

Больной раненый не можетъ долго переносить такихъ сценъ. Однакожъ молодой Баронъ не могъ удержатся, чтобъ не разсказать еще о своей Аантѣ, и нѣжный отецъ подалъ ему новое утѣшеніе и новую надежду. „Въ молодости, сказалъ онъ, я знакомъ былъ съ благороднымъ Панемономъ, и часто завидовалъ величеству его души. Могъ ли хотя мало сомнѣватьсся, чтобъ дочь его, самимъ имъ воспитанная, не была его достойна и во всемъ ему подобна? Питай, сынъ мой, любовь свою къ ней. Можетъ быть когда нибудь Небо ее увѣнчаетъ. Ты видишь, что оно уже начинаетъ осушать слезы наши и снимать съ насъ тяжкую руку свою. Вѣрь мнѣ, что порокъ не долго торжествуетъ. Угнѣтаемая невинность должна наконецъ одержать побѣду, и тогда прежнее возвышеніе порока послужитъ только къ тому, чтобъ паденіе его еще страшнѣе сдѣлать. Да, любезной сынъ, я твердо надѣюсь, что добродѣтельный

Панемонъ проведетъ остатокъ жизни своей въ покоѣ. Естьлижъ Небо по неиспытаннымъ судьбамъ своимъ и оставитъ его томиться въ бѣдности и низкомъ состояніи, но ты не попусти никогда охладѣть любви своей къ Акантѣ.„

Сіе увѣщаніе менѣе всего нужно было Барону. На другой день Полковникъ собралъ всѣхъ своихъ Офицеровъ и объявилъ имъ о произшедшемъ вчера. Всякой бралъ участіе въ его благополучіи. Офицеры приняли новаго своего товарища съ уваженіемъ и дружествомъ; солдаты радовались его повышенію: они почитали сугубымъ для себя щастіемъ служить подъ его командою, по тому, что самъ онъ прежде раздѣлялъ съ ними ихъ участь съ такою славою.

Въ короткое время Баронъ совершенно вылѣчился отъ ранъ своихъ, и безъ сомнѣнія прославился бы еще болѣе воинскими дѣлами, естьлибъ между тѣмъ не заключенъ былъ Ахенской миръ. При Французскомъ Дворѣ никогда бы и не думали отставить Графа Лозинго и его сына; но оба они сами о томъ просили. Любовь къ отечеству снова возбудилась въ сердцѣ Графа. Онъ имѣлъ основательныя причины надѣяться,

ся, что похвальныя его и сына его дѣла извѣстны были и въ Испаніи, и что сіе послужитъ ему тамъ въ пользу. Онъ хотѣлъ проливать кровь свою лучше за отечество, нежели за чужое Государство. И такъ получивъ отставку, они отправились въ Мадритъ, хотя молодому Барону и прискорбно было, что онъ ѣдетъ не къ Каталонскимъ границамъ.

Видъ великолѣпной столицы, которой Баронъ никогда еще не видалъ, сдѣлалъ въ немъ сильное впечатлѣніе, и между тѣмъ, какъ отецъ его искалъ нѣкоторыхъ изъ старыхъ друзей своихъ, посредствомъ которыхъ надѣялся получить мѣсто, онъ ходилъ по городу и осматривалъ все достойное примѣчанія. Но вскорѣ нашелъ онъ нѣчто гораздо пріятнѣйшее всѣхъ великолѣпныхъ церквей и домовъ. Прогуливаясь однажды, увидѣлъ онъ идущаго къ нему человѣка, благороднаго и величественнаго вида, и котораго наружность показывала знатное его достоинство. Барону казалось, что онъ ему знакомъ; подошедшижъ ближе, узналъ въ немъ стараго почтеннаго Платено. „Отецъ мой! вскричалъ онъ въ въ восхищеніи, бросившись въ его объ-

ятія: васъ ли я вижу? знаете ли вы о моихъ нещастіяхъ? знаете ли, какъ вашъ совѣтъ, какъ примѣръ вашъ, который всегда душѣ моей представлялся, спасалъ меня отъ погибели? Вы безъ сомнѣнія сожалѣли обо мнѣ. — Но вы — какая щастливая перемѣна произошла съ вами? Великолѣпіе, васъ окружающее, не позволяетъ мнѣ сомнѣваться, что достоинствамъ вашимъ наконецъ отдается справедливость.„

Любезной сынъ! дражайшій сынъ мой! отвѣчалъ Платено: да, я нынѣ столь щастливъ, что могу быть полезенъ моему отечеству. Меня вывели изъ неизвѣстности и бездѣйствія, и теперь я раздѣляю съ Министромъ бремя Государственныхъ дѣлъ. Пойдемъ, раздѣли со мною все, что у меня ни есть. Ты оскорбишь меня, естьли не будешь жить въ моемъ домѣ. Можетъ быть найду я способы перемѣнить твою участь. Нещастіе не пощадило твоей фамиліи; мать твоя, братъ твой гораздо болѣе, нежели ты, достойны сожалѣнія. Ты ужаснешься, когда я все обстоятельно тебѣ разскажу. — Баронъ разсказалъ, какъ онъ нашелъ отца своего. „Гдѣ онъ? вскричалъ Платено: могу ли я его видѣть?

дѣть? Я всегда сожалѣлъ о его нещастіяхъ, и всегда почиталъ его добродѣтель.„

Вскорѣ щастливой случай привелъ къ нимъ и Графа Лозинго. Тогда снова послѣдовали нѣжныя обниманія и взаимныя поздравленія. По томъ пошли они въ домъ къ Платено, который требовалъ, чтобъ они на время у него остались. Какъ всѣ посторонніе ушли, Платено повелъ гостей своихъ въ кабинетъ и разсказывалъ Барону слѣдующее:

Вы безъ сомнѣнія помните еще тѣ наставленія, которыми старался я вооружить молодость вашу противъ ударовъ судьбы. Сіи удары постигли всю фамилію вашу. Гонима была ваша невинность; но и порокъ безъ наказанія не остался. Братъ вашъ, котораго порочное сердце не способно было къ постоянной любви, скоро пересталъ думать объ Акантѣ. Вѣтреная склонность его перелетала отъ одной красавицы къ другой, пока наконецъ одна, по имени Елеонора, плѣнила его сердце. Онъ вознамѣрился жениться на ней. Богатство его и надежда, что нѣкогда можетъ онъ играть весьма знатную ролю въ свѣтѣ, склонили Елеонориныхъ родителей пред-

почесть его другому, за котораго прежде обѣщали уже они выдать дочь свою. Обиженный гордый соперникъ старался отмстить вашему брату. Онъ зналъ обстоятельно произхожденіе вашей фамиліи (простите мнѣ сіи непріятныя истины); также извѣстны ему были и подлинные источники великаго богатства Графини. Онъ поѣхалъ въ Мадритъ и предсталъ Правительству со множествомъ нещастныхъ, приведенныхъ насильствами Алфонсовыми въ нищету; разорвалъ завѣсу, долго закрывавшую толь многія несправедливости. Все открылось; строгой судъ опредѣлилъ лишить вашу фамилію всего имѣнія, и нещастная ваша мать съ братомъ вашимъ скрылись. Небо свидѣтель мнѣ въ томъ, что я позабылъ всѣ сдѣланныя мнѣ ею обиды. Я старался сыскать тайное жилище ея и предлагалъ ей помощь; но она меня убѣгаетъ и не хочетъ ничего отъ меня принять.

Графъ и Баронъ весьма тронуты были сею повѣстію, и добродѣтельный сынъ непритворно плакалъ о печальной участи жестокосердой своей матери.

Плачено нанялъ для друзей своихъ изрядной домъ, куда приказалъ перенести

сти многія украшенія изъ собственнаго своего дому; также доставилъ имъ и нужныхъ служителей. Чрезъ нѣсколько дней умеръ камердинеръ Бароновъ. На мѣсто его представленъ былъ Графу молодой человѣкъ, одѣтой весьма бѣдно; въ глазахъ его видна была нѣкоторая дикость; казалось, что досада грызла сердце его; гордость и стыдъ изображались у него на лицѣ; онъ краснѣлъ и потуплялъ глаза, когда привели его къ господину. Кто ты? спросилъ Графъ. „Кѣмъ бы мнѣ быть не должно!„ отвѣчалъ онъ. Какое имѣлъ ты воспитаніе? — „Довольно хорошее, чтобъ чувствовать страшное мое состояніе.„ Скажи же мнѣ, кто ты? — „Я желалъ бы теперь, быть человѣкомъ самаго низкаго роду.„ Учился ли ты чему нибудь? знаешь ли какую нибудь науку, или какое нибудь ремесло? — „Я не учился одному только искусству, которое всѣхъ нужнѣе: искусству страдать.„ — Какоежъ прежде имѣлъ ты состояніе? — „Ахъ! помогите мнѣ лучше совсѣмъ истребить его изъ памяти!„

Печальный тонъ сихъ отвѣтовъ возбудилъ въ Графѣ сожалѣніе. „Сынъ

мой, сказалъ онъ вошедшему тогда Барону, вотъ молодой человѣкъ, который предлагаетъ тебѣ свои услуги. Кажется, что онъ не низкаго произхожденія. Пожалѣй объ немъ, и вспомни, что нѣкогда самъ ты былъ игралищемъ щастія.„ Баронъ смотрѣлъ пристально на сего молодаго человѣка; сердце его трепетало. Вдругъ бросился онъ обнимать его и вскричалъ: „братъ мой! любезной братъ! обними колѣни своего родителя, и раздѣли со мною его любовь и нѣжность!„

Какъ! вскричалъ Графъ со внутреннимъ движеніемъ, ты сынъ мой? — Нещастіе очищаетъ сердце человѣческое, и я надѣюсь, что нынѣ ты меня достоинъ. — Но гдѣ мать твоя? Небо свидѣтель мнѣ въ томъ, что въ сію минуту забываю всѣ прежнія ея поступки, и почту за величайшее щастіе извлечь ее изъ бѣдности. Говори, гдѣ ты ее оставилъ? — Ты краснѣешь? ты потупляешь глаза? — Стыдъ твой обличаетъ твою вину. Нещастный! конечно ты оставилъ ее въ горестной ея участи! Она жертвовала тебѣ всѣмъ имѣніемъ, и даже нещастнымъ братомъ твоимъ; а ты въ награду за порочную ея нѣжность оставилъ ее одну носить

все

все бремя стыда и бѣдности. Неблагодарный! братъ твой, котораго онаненавидѣла, котораго она прогнала отъ себя для того, чтобъ тебя обогатить, братъ твой отдалъ бы теперь все, что у него ни есть, чтобы поправить хотя нѣсколько ея состояніе. Безчеловѣчный сынъ!

Молодой человѣкъ, отягченный чувствованіемъ порочнаго своего поступка, стоялъ недвижимъ и наблюдалъ глубокое молчаніе. Наконецъ Графъ смяхчился и посмотрѣлъ на него съ сожалѣніемъ.

Чрезъ нѣсколько дней по томъ Баронъ, прогуливаясь въ Королевскомъ саду, остановленъ былъ незнакомою женщиною, которая одѣта была весьма худо и на лицѣ имѣла покрывало. „Государь мой, говорила она, человѣколюбіе и сожалѣніе написано у васъ на лицѣ. Сжальтесь надъ участью женщины, сверженной съ самаго верьху щастія въ бездну поношенія и нищеты.„ Сердце Бароново проникнуто было симъ голосомъ. Онъ отважился поднять покрывало, которымъ лицо сея женщины было закрыто. Что жъ онъ увидѣлъ? то была мать его. Онъ упалъ къ ногамъ ея и омочалъ ихъ слезами радости и нѣжности. „Ахъ, матушка!

шка! вскричалъ онъ, вы въ такомъ плачевномъ состояніи?„ — „Небо правосудно, отвѣчала Графиня: нещастіе мое тѣмъ болѣе, что я его заслужила. Я гнала тебя. Я чудовище, недостойное видѣть свѣтъ дневной! я истощала безумную нѣжность свою на неблагодарнаго, который меня оставилъ. Нищета моя, мои вздохи, слезы мои несносны были гордой и дикой душѣ его. Тогда голосъ природы возбудился въ терзаемомъ печалію сердцѣ моемъ; несправедливость моя, твоя добродѣтель мучили меня тысячами укоризнъ. Ахъ! я чувствую, что и самое твое присутствіе для меня мучительно. Помощь, которую ты мнѣ подаешь, есть страшная укоризна за всѣ мои преступленія.„ — „Матушка, отвѣчалъ Баронъ, позабудемъ навсегда все прошедшее.„ Онъ взялъ ее за руку и повелъ въ свой домъ, гдѣ добродѣтельный ея супругъ принялъ ее въ свои объятія и примирился съ нею совершенно.

Вскорѣ по томъ Графъ получилъ достойное его мѣсто при арміи съ знатнымъ жалованьемъ. Платено, споспѣшествовавшій тому своимъ стараніемъ, сдѣлалъ еще болѣе: онъ вызвалъ добродѣтельнаго Панемона изъ его уединенія

въ

въ Мадритъ. Красота и нѣжность Аканты увеличились. Она скоро сочеталась бракомъ съ Бароном Асцелло. Нужно ли присовокупить къ сему, что они были щастливы?

О деревѣ Саго.

Дерево Саго ростетъ на всѣхъ Молукскихъ островахъ, особливожъ въ Тернатѣ, Тидорѣ и Жилоло. Урожденцы тамошніе называютъ его *Либби*. Оно принадлежитъ къ роду пальмъ, но отличается отъ кокосовыхъ деревъ тѣмъ, что листья его длиннѣе, пень ниже, и плоды мелче, впрочемъ же весьма похоже на оныя. Будучи еще молодо, покрыто бываетъ спицами. Ростетъ сначала весьма медленно; но какъ скоро пень его получитъ надлежащій видъ, то выростаетъ въ короткое время до пріщати футовъ въ вышину и около шести футовъ въ окружность, и спицы мало по малу пропадаютъ. Когда на листьяхъ его покажется тонкая бѣлая пыль, изъ сего заключаютъ, что Саго поспѣло.

Оно

Оно состоитъ изъ одного длиннаго ствола твердаго дерева, дюйма на два толщиною, въ которомъ заключается мяхкая внутренность, подобная тѣсту, окруженная и переплетенная длинными волокнами. Срубивъ дерево, разрубаютъ его на части отъ пяти до шести футовъ въ длину. Потомъ вынимаютъ изъ средины часть твердаго дерева, оставляя только по нѣскольку на обоихъ концахъ. Такимъ образомъ открытая сверьху внутренность разрубается деревянными топорами и вынимается вмѣстѣ съ волокнами, при чемъ также оставляется на обоихъ концахъ то, что оставленнымъ твердымъ деревомъ покрыто. Отъ сего пень получаетъ видъ корыта. По томъ смѣшавъ внутренность дерева съ водою, кладутъ ее въ сіе корыто, и толкутъ деревяннымъ пестомъ дотолѣ, пока волокна отъ мучныхъ частей отдѣлятся. Мучныя части остаются на днѣ, а волокна поднимаются къ верьху. Очистивъ такимъ образомъ муку водою нѣсколько разъ, держатъ ее въ корзинахъ, дѣлаемыхъ изъ древесныхъ листьевъ наподобіе кашка, и для сбереженія ставятъ въ прѣсную воду. Одно дерево доставляетъ отъ 2 до 400 фунтовъ муки.

Естьли,

Естьли мука не сбережена бываетъ отъ воздуху, то окисаетъ; но впрочемъ держится долго. Островитяне обыкновенно пекутъ изъ нея для употребленія въ пищу хлѣбъ, или лучше сказать пироги. Нѣкоторые употребляютъ къ сему глиняную печку, имѣющую дюймовъ 6 въ квадратѣ и 4 дюйма глубины. Въ сей печкѣ дѣлается клетка съ двумя рядами гнѣздъ, изъ которыхъ каждое шириною бываетъ около дюйма, и отдѣлено одно отъ другаго перегородочкою. Пекарь ставитъ всю сію печку на огонь и даетъ ей довольно нагрѣться. Между тѣмъ онъ растираетъ глыбки въ мукѣ, разводитъ ее съ водою, и процѣживаетъ разъ или два сквозь сито. Все почернѣлое и окиснувшее выбрасывается. По томъ пекарь наполняетъ гнѣзда тѣстомъ, кладетъ на него чистой листокъ, и вдавливаетъ его въ гнѣзда пальцами. Послѣ сего печка закрывается листьями и закладывается деревомъ, чтобъ удержать въ ней жаръ. Въ 10 или 12 минутъ хлѣбы довольно пропекаются, и могутъ держаться нѣсколько лѣтъ. Свѣжій такой хлѣбъ, какъ скоро вынятъ бываетъ изъ печи, имѣетъ вкусъ мяхкаго калача; когдажъ зачерствѣетъ,

то

но надобно для употребленія въ пищу размачивать его въ водѣ, отъ чего онъ разбухнетъ, какъ размоченой сухарь.

Сіе дерево есть весьма полезный для островитянъ даръ Божій, ибо трехъ такихъ деревъ довольно одному человѣку на цѣлой годъ, и 5 человѣкъ, занимающихся рубкою деревъ, пріуготовленіемъ муки и печеніемъ хлѣба, удобно могутъ прокормить своею работою сто человѣкъ. Изъ листьевъ его дѣлаются кровли, которыя обыкновенно держатся семь лѣтъ. Изъ корней одного срубленнаго дерева выростаетъ нѣсколько новыхъ пней.

Въ Европу привозятъ Саго не иначе, какъ въ зернахъ, которыя по ихъ виду многими почитаются за икру. Даютъ ему сей видъ протирая намоченую муку сквозь сито въ стоящій надъ огнемъ плоской желѣзный котелъ.

О хлѣбномъ деревѣ.

Хлѣбное дерево ростетъ въ Сумаатрѣ, Явѣ, на всѣхъ Маріанскихъ островахъ, особливожъ въ Тиніанѣ, на нѣкоторыхъ Филиппинскихъ островахъ, въ Отагити и еще на нѣкоторыхъ островахъ Южнаго моря. На островѣ Тиніанѣ найдено оно славнымъ Лордомъ Ансономъ, и пріятность сего острова для бывшихъ при немъ морскихъ служителей весьма увеличиваема была изобиліемъ вкусныхъ плодовъ сего дерева. Во все время пребыванія ихъ тамъ не было имъ раздавано хлѣба, по чему и дано сему плоду названіе *хлѣбнаго плода* (Bread fruit), принятое также и во Французскомъ языкѣ (fruit à pain). Индійцы называютъ сей плодъ *Рима*. По увѣдомленію Лорда Ансона, ростетъ онъ на высокомъ деревѣ, котораго вершину составляютъ большіе и широко распространяющіеся сучья. Листья цвѣтомъ темнозеленые, съ зубчиками по краямъ, длиною отъ 1 фута до 18 дюймовъ. Плодъ, который выростаетъ на каждомъ сучкѣ одинъ, продолговато-круглой и окруженъ жесткою корою. Длиною бываетъ по большей части отъ седми до осьми дюймовъ.

Когда онъ уже совершенно выросъ, но цвѣтомъ еще зеленъ, походитъ вкусомъ на артишоковое зерно, и тогда почитается самымъ лучшимъ для употребленія. Созрѣвши, становится мяхче и получаетъ желтой цвѣтъ и весьма сладкой вкусъ, съ запахомъ подобнымъ запаху сливы; но тогда почитается нездоровымъ.

По увѣдомленію Кукову, хлѣбное дерево на островѣ Отагити величиною бываетъ съ посредственный дубъ. Листья его весьма похожи на смоковныя, и когда ихъ разорвешь, то выходитъ изъ нихъ сокъ молочнаго цвѣту. Плодъ величиною съ младенческую голову, и почти такой же фигуры. Наружная его сторона покрыта сѣткою, какъ у трифелей; кожа тонка, а зерно толщиною съ толстое перо. Употребляемая въ пищу часть плода, или тѣло, находится между кожею и зерномъ, бѣло, какъ снѣгъ, и мяхко, какъ недавно испеченной хлѣбъ. Для употребленія въ пищу разрѣзываютъ его на три или на четыре куска и поджариваютъ. Вкусъ его имѣетъ тогда великое сходство со пшеничнымъ хлѣбомъ смѣшеннымъ съ картофельною мукою. Нѣкоторые островитяне собираютъ

раютъ плоды еще не совсѣмъ поспѣлые, варятъ ихъ, пока корка почернѣетъ, и по томъ облупливаютъ. Симъ образомъ приготовляется небольшой хлѣбецъ съ тонкою желтою кожицею, котораго мякишь, или внутренность, мякокъ, такъ, какъ свѣжій калачь. Однакожъ они должны варить не больше, какъ сколько надобно для употребленія въ одинъ день; ибо на другой день плодъ начинаетъ твердѣть и черствѣть. Также сушатъ только свѣжіе плоды на солнцѣ, разрѣзавъ на части, что доставляетъ вкусную пищу. Жители Отагитскіе толкутъ сей плодъ каменными пестами, и дѣлаютъ тѣсто, разводя его либо на водѣ, либо на молокѣ изъ кокосовыхъ орѣховъ. Также дѣлаютъ они изъ него кислое тѣсто, называемое *магіе*. Пріуготовляютъ оное слѣдующимъ образомъ: собираютъ плоды не задолго предъ тѣмъ, какъ они созрѣваютъ, кладутъ ихъ въ кучи и прикрываютъ листьями. Въ семъ состояніи они бродятъ и получаютъ весьма сладкой и непріятной вкусъ. По томъ вырываютъ изъ нихъ зерно со стеблемъ, и бросаютъ тѣло въ ямы, которыя на сей конецъ обыкновенно въ домахъ дѣлаются и какъ по сторонамъ,

такъ и на днѣ, устилаются травою. Въ сихъ ямахъ тѣсто закрывается листьями и придавливается камнями; тогда оно еще бродитъ и становится кисло. По томъ уже держится оно чрезъ многіе мѣсяцы безъ всякой перемѣны. Всякой разъ берутъ его изъ ямы, сколько надобно для употребленія, катаютъ изъ него шары, обвертываютъ ихъ листьями и пекутъ. Такой печеной хлѣбъ держится недѣль пять или шесть, и жители Отагитскіе рѣдко безъ него ѣсть садятся. Въ Отагити ѣдятъ также сей плодъ сырой въ началѣ обѣда: для сего слупливаютъ только съ него корку, вынимаютъ зерно, и по томъ кусаютъ, какъ хлѣбъ. Жители острововъ Маркезаскихъ поджариваютъ хлѣбные плоды на огнѣ, ссыпаютъ ихъ въ корыто, и подливши воды, дѣлаютъ изъ того кашу, которая составляетъ главную ихъ пищу. Но также они дѣлаютъ изъ нихъ магіе, какъ Отагитцы.

Разводить хлѣбное дерево весьма удобно: надлежитъ только отрѣзать свѣжую вѣтвь и воткнуть въ землю. Въ тѣхъ земляхъ, гдѣ оно родится, кто посадитъ десять такихъ деревъ, тотъ исполняетъ для себя и для дѣтей своихъ

ихъ такуюжъ должность, какую въ нашемъ суровомъ климатѣ земледѣлецъ исполняетъ работая цѣлой годъ, чтобъ прокормить себя со своимъ семействомъ и наслѣдникамъ своимъ что нибудь оставить.

О гнѣвѣ.

(*Изъ Англійскаго періодическаго изданія: Бродяга.*)

Обладай своимъ гнѣвомъ! — Тое правило оставилъ намъ Періандръ, одинъ изъ седми мудрецовъ Греческихъ, въ воспоминаніе любви его къ подобнымъ себѣ человѣкамъ.

Сей философъ почиталъ гнѣвъ великимъ возмутителемъ жизни человѣческой и главнымъ врагомъ общественнаго благосостоянія, равно, какъ и спокойствія семействъ. Не могъ онъ сильнѣе обязать потомство къ почитанію памяти его, какъ оставивъ ему спасительное увѣщаніе, остерегаться отъ сея яростной страсти.

Краткость сего Періандрова правила едва позволяетъ намъ догадываться

о проетранствѣ смысла, въ какомъ онѣ его принималъ. Безъ сомнѣнія гнѣвъ, принятъ будучи въ самомъ пространномъ смыслѣ, доведенный даже до злобы и оканчивающійся мщеніемъ, причиняетъ большую часть золъ, какимъ жизнь человѣческая подвержена. Сія страсть, овладѣвая могущественными людьми, производила разрушеніе городовъ, опустошеніе государствъ, истребленіе цѣлыхъ народовъ, и всѣ тѣ ужасныя и удивительныя бѣдствія, которыми Исторія наполнена.

Но не о семъ ужасномъ гнѣвѣ буду я говорить. Также не намѣренъ я представить плачевныхъ дѣйствій, производимыхъ сею страстію во внутренности семействъ. Предметомъ слѣдующаго разсужденія будетъ тотъ болѣе шумный, нежели страшный гнѣвъ, который подверженныхъ ему людей дѣлаетъ болѣе скучными, нежели опасными. Надлежало бы означить свойство сихъ гнѣвливыхъ людей такимъ словомъ, которое выражало бы болѣе шумъ производимой ими, нежели зло, какое они причиняютъ.

Находятся люди, довольно извѣстные подъ именемъ *сердитыхъ*, думающіе, что сіе названіе даетъ имъ право приходить

ходить въ ярость при самомъ малѣйшемъ случаѣ и изливать свой гнѣвъ жестокимъ крикомъ, страшными угрозами и самою оскорбительнѣйшею бранью.

Хотя ярость сія по большей части проходитъ въ шумныхъ ругательствахъ и въ обѣщаніяхъ мщенія, которыя рѣдко обращаются въ самое дѣло, развѣ только въ такомъ случаѣ, когда попадется сердитымъ людямъ пьяной или дуракъ; однакожъ они нарушаютъ спокойствіе тѣхъ, которые принуждены слушать ихъ крикъ, прерываютъ теченіе разговоровъ и лишаютъ общество удовольствія.

Такіе люди бываютъ иногда не безъ разсудка и не безъ добрыхъ качествъ; по чему и не поступаютъ съ ними всегда съ тою строгостію, какую заслуживало бы ихъ небреженіе о соблюденіи спокойствія въ томъ кругѣ, въ которомъ они находятся. Они получаютъ какъ бы нѣкоторое право на свою глупость, и живущіе съ ними почитаютъ ихъ людьми покоренными сильной и непреодолимой страсти, не дающей имъ воли ни въ поступкахъ ихъ, ни въ словахъ. Жалѣютъ болѣе объ нихъ, нежели хулятъ ихъ, и сносятъ изступленія ихъ

такъ же, какъ должно сносить невольные удары отъ человѣка подверженнаго конвульсіямъ.

Не можно безъ негодованія видѣть столь подлаго свойства въ человѣкѣ, что онъ можетъ терпѣть такое о себѣ мнѣніе, въ состояніи пользоваться одинакимъ правомъ съ сумасшедшими, и знать безъ стыда и прискорбія, что онъ живущимъ съ нимъ непрестанно подаетъ случаи испытывать свое терпѣніе и гордишься великодушіемъ, какое они прощая ему оказываютъ.

Гордость безъ сомнѣнія есть источникъ гнѣва; но гордость, равно, какъ и другія страсти, не будучи управляема разсудкомъ, сама стремится противъ своей цѣли. Естьлибъ сердитой человѣкъ разсмотрѣлъ, какъ онъ проводилъ день, мало бы удовольствія суетности его принесло разсужденіе о тѣхъ обидахъ, которыя онъ надѣлалъ, какъ оныя снесены были, и какія слѣдствія вѣроятно имѣть должны. Скорыя возгорѣнія ярости вообще должны причиняемы быть весьма маловажными предметами; ибо жизнь, сколь бы нещастлива ни была, не можетъ приносить съ собою толь часто большихъ золъ, сколько надобно

гнѣвли-

гнѣвливому человѣку, чтобъ сердиться. И такъ вопервыхъ гнѣвъ его долженъ бы дать ему почувствовать, что онъ столько славъ, что попускаетъ самому маловажному приключенію лишать его спокойствія; что онъ рабъ случая, и что разсудокъ его и добродѣтель самому легкому дуновенію вѣтра подвластны. Крикъ и исступленія сердитаго человѣка имѣютъ иногда иную причину, которую весьма старается онъ скрывать отъ другихъ, и въ которой часто и самъ себѣ прямо не признается. Кто чувствуетъ малость своихъ знаній, слабость доказательствъ и слѣдовательно маловажность своего мнѣнія, тотъ надѣется крикомъ достичь того, чего бы иначе получить не могъ; находитъ удовольствіе въ томъ, что онъ по крайней мѣрѣ заставилъ выслушать себя, и былъ въ состояніи принудить того замолчать, кого не могъ оспорить; или что могъ сдѣлать остановку въ такомъ рѣшеніи, которымъ управлять былъ не въ состояніи.

Подобную ярость многіе позволяютъ себѣ про пивъ своихъ домашнихъ: они чувствуютъ свое невѣжество, видятъ слабоумie свое; однакожъ стараются гнѣ-

вомъ своимъ по крайней мѣрѣ не допустить, чтобъ имъ оказано было презрѣніе, зная, что оное должно ихъ преслѣдовать. И такъ они думаютъ, что въ самомъ дѣлѣ господствуютъ, видя что имъ угождаютъ въ какой нибудь ихъ глупости, хотя бы то было только изъ опасенія, чтобъ неисполненіемъ ихъ желанія не подать имъ повода надѣлать еще большихъ глупостей.

Должно признаться, что всѣ сіи различныя причины ко гнѣву равно сильны. Всякому прискорбно видѣть себя въ совершенномъ пренебреженіи, по чему и должно позволить искать какихъ нибудь способовъ къ приданію себѣ нѣкотораго достоинства и стараться замѣнить недостатокъ важности гнѣвливостію. Но по внимательномъ разсмотрѣніи, найдено будетъ, что такія поступки, хотя и весьма обыкновенныя, не приносятъ выгодъ, которыя могли бы замѣнить ихъ нелѣпость. Человѣкъ не можетъ крикомъ и шумомъ перемѣнить ни чьего мнѣнія, ниже принудить къ тому кого либо, кромѣ зависящихъ отъ него по природѣ или по обстоятельствамъ. Пребывая постоянно въ своей жестокости, можно пугать своихъ

дѣтей,

дѣтей, или мучить домашнихъ; но въ другихъ будешь возбуждать только смѣхъ, и наконецъ увидишь, что возбуждаешь только презрѣніе и ненависть, такія чувствованія, которыхъ мудрость и добродѣтель никогда внушать не пожелаютъ. Такой человѣкъ величается тѣмъ, что его боятся тѣ люди, которыхъ любовь всякой разумной человѣкъ ласкою пріобрѣтать старается; онъ долженъ довольствоваться торжествомъ своимъ, заставляя покоряться себѣ тѣхъ, кто противиться ему не въ состояніи. Но ему надлежало бы видѣть, что страхъ, причиняемый его присутствіемъ, происходитъ не отъ почтенія къ его мужеству, но отъ опасенія жестокости его, и что онъ лишается щастія быть любимымъ, не получая даже и той печальной чести, чтобъ его боялись.

Человѣкъ, предающійся часто сей мятежной страсти, подвергается еще другому печальному слѣдствію; а именно въ короткое время она становится навыкомъ и загарается съ непреодолимою силою безъ всякихъ признаковъ, которые могли бы предвозвѣщать сей припадокъ, такъ, что и самъ онъ не въ состояніи предвидѣть наступленіе онаго.

При

При самомъ малѣйшемъ признакѣ оскорбленія находитъ уже онъ поводъ разсердиться, совсѣмъ неспособенъ бываетъ удержать гнѣвъ свой дотолѣ, пока совершенно увѣрится въ томъ, что другой подлинно имѣлъ намѣреніе обидить его, и не въ состояніи уменьшать силу сего чувствованія по мѣрѣ возбуждающаго оное предмета, и покорять его правиламъ благоразумія и должности. Заразившійся однажды симъ ядомъ становится ненавистнѣйшимъ и купно нещастнѣйшимъ человѣкомъ. Онъ самъ не можетъ быть увѣренъ въ томъ, что при первомъ свиданіи не удалитъ отъ себя любезнѣйшаго своего друга какимъ нибудь внезапнымъ изъявленіемъ своея страсти; или что при самомъ легкомъ противорѣчіи не удержится отъ какихъ нибудь оскорбительныхъ словъ, которыя никогда совсѣмъ забыты быть не могутъ. Живущій съ нимъ живетъ въ недовѣрчивости и безпокойствѣ, подобно, какъ человѣкъ играющій съ пріученымъ тигромъ, который всегда долженъ ожидать той минуты, въ которую сей неукротимый звѣрь начнетъ злиться.

Одинъ славный Англійской стихотворецъ въ похвальной рѣчи нѣкоторому

Герцогу

Герцогу упоминаетъ, что домашніе его обыкновенно старались попадаться ему, когда онъ бывалъ сердитъ, увѣрены будучи, что послѣ награждены будутъ за всякую несправедливость, какую отъ него потерпятъ. — Такова есть жизнь сердитаго человѣка! Онъ дѣлаетъ въ ярости своей такія дѣла, за которыя добродѣтель, естьли онъ еще имѣетъ ее, по возвращеніи разсудка обязываетъ его платить; онъ проводитъ дни свои въ томъ, чтобъ обижать и просить прощенія, причинять вредъ и замѣнять оный. Естьлижъ, противъ чаянія, онъ столько ожесточится, что въ состояніи будетъ стараться оправдывать несправедливость для того только, что имъ она сдѣлана, такая нечувствительность не послужитъ ни къ похвалѣ его, ни къ щастію: онъ будетъ только прибавлять глупость съ намѣреніемъ ко глупости безъ намѣренія; будетъ увеличивать грубость свою непоколебимымъ упрямствомъ, и лишится единственнаго извиненія, которымъ могъ бы снискивать себѣ прощеніе и терпѣніе отъ живущихъ съ нимъ.

Но мы должны только жалѣть и о сей степени нравственнаго повреждения, ибо

ибо рѣдко остается оно безъ наказанія. Нѣтъ ничего презрительнѣе и купно нещастнѣе старости сердитаго человѣка. Когда бодрость молодости его оставитъ, и когда лишится онъ вкуса въ забавахъ, не имѣющихъ уже для него новости, гнѣвъ, который чувствовалъ онъ только при случаяхъ, превращается съ ущербомъ силъ его въ навыкъ и мрачный нравъ: всѣ отъ него убѣгаютъ, и оставляютъ его, какъ говоритъ Гомеръ, пожирать собственное свое сердце въ уединеніи и презрѣніи.

Садоводство.

Предметъ садоводства есть размноженіе растеній, приведеніе ихъ въ лучшее состояніе и придаваніе имъ большей красоты. Человѣкъ, занимающійся хожденіемъ за растеніями, получаетъ за труды свои обильную награду. Подъ нѣжнымъ только климатомъ Натура сама собою нѣжные плоды производитъ. Въ суровомъ климатѣ плоды лѣсные пріятности не имѣютъ; краски цвѣтовъ единобразны, и кратко время, въ которое Натура является въ прекрасномъ своемъ

своемъ убранствѣ. Прилѣжаніе человѣческое должно здѣсь вспомоществовать ей, дабы удовольствіе свое и наслажденіе умножать и возвышать. И по истинѣ удовольствіе его весьма увеличиваѣтся, когда его труды награждены бываютъ щастливымъ успѣхомъ. Для такого человѣка, который цѣлой день окруженъ бываетъ дѣлами рукъ человѣческихъ, который въ стѣнахъ тѣсной комнаты своей не чувствуетъ живительнаго вліянія, производимаго зрѣлищемъ прекрасныхъ дѣлъ Божіихъ — для такого человѣка нѣтъ лучшаго упражненія, которымъ могъ бы онъ въ свободные часы заниматься, какъ хожденіе за деревомъ, или за цвѣткомъ. Какую великую выгоду получаетъ отъ онаго здравіе! какая выгода для чувствованія чистой радости и простой красоты! Когдажъ онъ сниметъ плодъ со своего дерева, когда выведенный имъ цвѣтокъ распустится, тогда сугубо наслаждается онъ всѣми прекрасными утренними и вечерними часами, которыми наслаждался, когда садилъ и поливалъ, истреблялъ негодную траву и подчищалъ. Работающій за деньги сего не чувствуетъ; но и тотъ чувствовать сего не способенъ, кто нанимаетъ

нимаетъ другихъ работать, а самому себѣ почитаетъ за непристойное приняться за такую работу.

Иногда насмѣхаются надъ охотниками до цвѣтовъ, употребляющими великія суммы на такую маловременную красоту. Сія насмѣшка несправедлива, естьли употребляющій сіи суммы покупаетъ себѣ удовольствіе толь дорогою цѣною безъ нарушенія вышнихъ должностей. Справедлива она тогда, естьли издержки сіи превращаются въ мотовство. Употреблять на такія вещи, безъ которыхъ обойтись можно, болѣе иждивенія, нежели сколько попеченіе о своемъ семействѣ и сожалѣніе о нуждающемся ближнемъ позволяютъ, есть мотовство — какой бы ни былъ его предметъ, дорогая ли книга или великолѣпный нарядъ, прекрасная ли картина или древняя гемма, дорогая мебель или драгоцѣнный камень, столѣтнее вино или рѣдкой цвѣтокъ.

О стыдливости и смѣлости.

(*Изъ Англійскаго Спектатора.*)

Я не знаю другихъ двухъ словъ, которыя были бы столько злоупотребляемы разными и ложными толкованіями, какъ *стыдливость* и *смѣлость*. Назвать кого нибудь *стыдливымъ* человѣкомъ, нѣкогда принимаемо было за похвалу; но нынѣ сіе названіе весьма часто употребляется для означенія робкаго человѣка и невѣжды, не умѣющаго вести себя пристойнымъ образомъ и не знающаго свѣтскаго обращенія.

Равнымъ образомъ и названіе *смѣлой человѣкъ*, означавшее сперва только человѣка поступающаго свободно и откровенно, нынѣ почти обыкновенно приписывается наглому повѣсѣ, могущему не краснѣясь нарушать всѣ правила благопристойности и нравственности.

Сего ради въ слѣдующемъ разсужденіи постараюсь я возвратить симъ словамъ истинной ихъ смыслъ, чтобы понятіе о стыдливости не смѣшиваемо было съ понятіемъ о робости, и чтобы безстыдства не принимали за смѣлость.

Естьли бы надлежало мнѣ сдѣлать опредѣленіе стыдливости, то я назвалъ

бы ее „дѣйствіемъ добро любящей души въ такомъ случаѣ, когда человѣкъ сдѣлалъ дѣло, за которое самъ себя осуждаетъ, или думаетъ быть подверженъ сужденію другихъ.„

По сей причинѣ истинно стыдливой человѣкъ бываетъ таковъ и одинъ и при людяхъ; стыдится и въ своемъ кабинетѣ такъ же, какъ бы глаза множества народа на него были обращены.

Я не помню другаго примѣра стыдливости, который бы мнѣ столькожъ понравился, какъ славный примѣръ одного молодаго Принца, котораго отецъ былъ Царь, платившій дань Римлянамъ. Римскому Сенату принесены были многія жалобы на сего Царя въ тиранствѣ и утѣсненіи подданныхъ. Принцъ пріѣхалъ въ Римъ, защищать отца своего; но пришедши въ Сенатъ и услышавъ множество преступленій, въ которыхъ его обвиняли, приведенъ тѣмъ былъ въ такое смятеніе, когда надлежало говорить въ его пользу, что не могъ сказать ни одного слова. Исторія повѣствуетъ, что Сенаторы болѣе тронуты были симъ примѣромъ стыдливости и добронравія, нежели бы могли быть тронуты самымъ жаркимъ краснорѣчіемъ, и

скоро

скоро простили виноватаго отца за надежду добродѣтели въ сынѣ, какую подавалъ онъ въ толь молодыхъ лѣтахъ.

„Смѣлость почитаю я способностію владѣть самимъ собою, или говорить и дѣлать все обыкновенное безъ неловкости и смущенія.„ Человѣкъ вообще получаетъ смѣлость отъ достаточнаго знанія свѣтскаго обращенія, паче же всего отъ твердаго и рѣшительнаго намѣренія не дѣлать ничего противъ правилъ честности и благопристойности. Свободныя и смѣлыя поступки суть натуральное слѣдствіе такого рѣшительнаго намѣренія. Хотя слова или дѣла вооруженнаго онымъ человѣка и бываютъ иногда ложно растолкованы; однакожъ онъ уклоняется въ самого себя, и въ чувствованіи невинности своей почерпаетъ довольно силы, чтобъ презирать малозначащіе толки невѣжества или злобы.

Всякой можетъ питать и ободрять въ себѣ такую стыдливость и такую смѣлость, о которыхъ мы здѣсь говоримъ.

Человѣкъ безъ смѣлости удобно можетъ приведенъ быть въ замѣшательство глупостію или злонравіемъ всякаго, съ кѣмъ ему случится имѣть дѣло. Че-

ловѣкъ безъ стыдливости совсѣмъ не способенъ къ чувствованію честности и добродѣтели.

Вышепомянутый Принцъ безъ сомнѣнія имѣлъ оба сіи качества въ превосходной степени. Безъ смѣлости никогда не предпринялъ бы онъ говорить предъ знаменитѣйшимъ въ мірѣ собраніемъ; безъ стыдливости защищалъ бы онъ предпринятое дѣло, сколь бы то поносно ни было.

Изъ сказаннаго мною явно, что и стыдливость и смѣлость любви достойны и весьма удобно могутъ быть вмѣстѣ въ одномъ человѣкѣ. Будучи такимъ образомъ совокуплены и смѣшены, составляютъ онѣ то, что назовемъ мы *стыдливою смѣлостію*, разумѣя подъ симъ точную средину между застѣнчивостію и безстыдствомъ.

Я заключу сіе примѣчаніемъ, что какъ одинъ человѣкъ можетъ быть и стыдливъ и смѣлъ, такъ же одному человѣку возможно быть купно и безстыдну и застѣнчиву.

Мы часто видимъ примѣры сего страннаго смѣшенія въ злонравныхъ и худо-воспитанныхъ людяхъ. Они хотя не могутъ смотрѣть въ глаза человѣку,

или выговорить слово безъ замѣшательства, но въ состояніи по своей волѣ дѣлать самыя гнусныя или самыя неблагопристойныя дѣла.

Такіе люди, кажется, рѣшились дѣлать зло вопреки самимъ себѣ и съ преодолѣніемъ всѣхъ затрудненій и препятствій, которыя самой темпераментъ ихъ и свойство имъ дѣлаетъ.

Наконецъ выведу я слѣдующее правило: „Исполненіе *добродѣтели* есть самый удобнѣйшій способъ къ сообщенію человѣку пристойной смѣлости въ словахъ и поступкахъ. *Порокъ* всегда старается закрываться которою нибудь изъ двухъ крайностей, иногдажъ и обѣими сопровождается.„

Описаніе жилища Надежды.

(Изъ Англійскаго періодическаго изданія: Бродяга.)

Нѣтъ иной страсти, которой бы мы столько предавались, какъ надеждѣ. Другія страсти дѣйствуютъ только при особливыхъ случаяхъ, или повременамъ; но надежда обладаетъ нами съ той са-

мой минуты, какъ скоро начинаемъ быть въ состояніи сравнивать настоящія наши обстоятельства со всякими другими возможными обстоятельствами; она сопровождаетъ насъ во всякихъ случаяхъ и во всякихъ лѣпахъ, непрестанно вдыхая въ насъ желаніе обладать какимъ нибудь новымъ предметомъ, показывая намъ вдали выгоды, и наконецъ обѣщая намъ либо помощь въ нещастіяхъ, либо увеличеніе благополучія.

Надежда необходимо нужна всякому состоянію: безъ нея злыя слѣдствія бѣдности, болѣзни и плѣна были бы несносны; и кажется даже, что самый щастливѣйшій жребій въ здѣшней жизни не препятствуетъ имѣть нужду въ семъ общемъ благополучіи, и что человѣкъ, надѣленный изобильнѣе всѣхъ дарами натуры и щастія, не можетъ быть благополученъ, естьли не ободряется и не подкрѣпляется надеждою какого нибудь новаго обладанія, или какого либо будущаго наслажденія, которое могло бы наконецъ удовлетворить его желаніямъ и все пространство сердца его наполнить.

Безъ сомнѣнія надежда весьма обманчива и рѣдко обѣщанія свои исполняетъ.

Но

Но и сіи обѣщанія пріятнѣе самыхъ даровъ щастія; и она рѣдко обманываетъ насъ, не увѣривъ, что наградитъ за то самыми величайшими знаками своея благосклонности.

Недавно размышлялъ я о сей странной склонности человѣческой обманывать самого себя, и разсуждалъ о выгодахъ и противныхъ слѣдствіяхъ, происходящихъ отъ того, что мы будущее представляемъ себя въ пріятномъ видѣ. Въ сихъ размышленіяхъ заснувши, увидѣлъ я себя вдругъ перенесеннаго въ великой садъ, котораго пространства всего обозрѣть я не могъ. Каждая часть онаго освѣщаема была чистѣйшими солнечными лучами; повсюду распространялось пріятнѣйшее благовоніе. Земля украшена была смѣющимися весенними цвѣтами, и гармоническое пѣніе пѣвцовъ Натуры вездѣ раздавалось. По прошествіи перваго восхищенія, въ какое приведенъ я былъ вдругъ симъ зрѣлищемъ, собравъ чувства мои и начавъ разсматривать прелестныя сіи мѣста съ разсужденіемъ, примѣтилъ я, что мнѣ надлежало ожидать еще большихъ пріятностей, и что весьма въ близкомъ отъ меня разстояніи надлежало быть цвѣтамъ еще пре-

краснѣе, фонтанамъ чище, деревьямъ пріятнѣе, и птицамъ истощать всѣ прелести голосовъ ихъ. Деревья вокругъ меня покрыты были прекрасною зеленью, и цвѣты весьма пріятной запахъ испускали; но я не могъ удержаться, чтобъ не пойти далѣе, видя въ нѣкоторомъ отъ меня разстояніи прекрасные плоды, которые, казалось, для того только и висѣли на деревьяхъ, чтобъ я могъ ихъ сорвать. Я побѣжалъ туда; но чѣмъ далѣе я бѣжалъ, находилъ, что прекрасные цвѣты изчезали, когда я приближался; плоды упадали прежде, нежели я могъ ихъ достать; птицы продолжали свое пѣніе, но отъ меня улетали. Однакожъ не останавливаясь, видѣлъ я вдали пріятности, которыми не могъ наслаждаться, и которыя казались бѣгущими отъ меня.

Хотя такая непрестанная перемѣна ободренія и неудачи смущала меня; однакожъ я шелъ далѣе, надѣясь достичь наконецъ сихъ бѣгущихъ пріятностей. Шедши долго, увидѣлъ я безчисленное множество людей всякихъ лѣтъ и обоихъ половъ, которые по видимому всѣ наслаждались одинакимъ благополучіемъ; ибо у всѣхъ веселость изображена была

на

на лицѣ, и радость у всѣхъ изъ глазъ сіяла; но при томъ казалось, что всякой имѣлъ еще особенное и тайное удовольствіе, котораго другимъ сообщить не хотѣлъ. Судя по скорости, съ какою большая часть сихъ людей взадъ и впередъ ходили, заключилъ я, что они не имѣютъ времени на удовлетвореніе любопытству незнакомаго человѣка, и по тому нѣсколько времени довольствовался только смотрѣть на нихъ, не останавливая ихъ скучными вопросами. Наконецъ увидѣлъ я престарелаго человѣка, который былъ уже не въ состояніи суетиться вмѣстѣ съ толпою прочихъ. Я думалъ, что онъ имѣетъ болѣе досугу, и подошелъ къ нему; но онъ отворотился отъ меня съ досадою, сказавъ мнѣ, чтобъ я его не безпокоилъ; ибо онъ трудами своими дошелъ напослѣдокъ до славнаго открытія, которое впредь избавитъ уже нещастныхъ жителей Африки отъ тягостной работы въ золотыхъ минахъ.

Я оставилъ сего старика и подошелъ къ другому человѣку, котораго ласковый видъ подавалъ мнѣ надежду, что онъ меня лучше приметъ. Но онъ съ великою учтивостію сказалъ мнѣ,

что во всякое другое время за первое щастіе въ жизни почитаетъ, имѣть случай сдѣлать мнѣ услугу, кромѣ самой этой минуты, ибо онъ долженъ спѣшить, чтобъ не лишиться мѣста, котораго искалъ уже двацать лѣтъ. Я подошелъ къ другому, шедшему за нимъ; но онъ спѣшилъ получить наслѣдство послѣ дяди, которому по общему теченію Натуры уже не долго жить оставалось. Слѣдовавшій за симъ готовился съ изобрѣтенною имъ машиною опускаться въ воду, искать сокровища. Другіе заняты были иными дѣлами.

И такъ получая отказъ отъ всякаго, къ кому я ни подходилъ со своими вопросами, началъ я думать, что мнѣ лучше перестать спрашивать, и наблюдать самому. Но будучи молодъ, слѣдовательно имѣя живость и легкость сего возраста, я рѣшился еще сдѣлать покушеніе, и узналъ, что я нахожусь въ саду *Надежды*, дочери *Желанія*, и что все сіе множество людей, бѣгающихъ около меня съ такою суетливостію, возбуждаемо будучи ее обѣщаніями, домогалось получать дары, которыя она въ рукахъ своихъ держала.

Поднявъ глаза, увидѣлъ я на горѣ Богиню, сидящую на тронѣ и украшенную сіяніемъ юности. Вокругъ ея находились всѣ дары Щастія и всѣ удовольствія, какія только въ жизни вкушать возможно. Она улыбалась, и каждой изъ зрителей воображалъ себѣ, что улыбка ея къ одному только ему относилась, хотя она вообще и равно на всѣхъ была обращена. Въ семъ мнѣніи онъ тожествовалъ о превосходствѣ своемъ предъ другими, которымъ равная ошибка такуюжъ подавала надежду и такуюжъ гордость внушала.

По томъ взошелъ я на возвышенное мѣсто, откуда могъ обозрѣть все пространство саду и удобно видѣть, что всѣ бывшіе тамъ дѣлали. Я примѣтилъ съ сего мѣста, что въ садъ Надежды входятъ двумя воротами, изъ которыхъ у однихъ стоялъ на стражѣ *Разсудокъ*, а у другихъ *Воображеніе*. Разсудокъ былъ строгъ и склоненъ къ подозрѣнію; онъ рѣдко отворялъ ворота, не сдѣлавъ напередъ приходящему многихъ вопросовъ. Но Воображеніе было ласково и привѣтливо; его ворота всегда была отворены, и оно принимало равно всѣхъ приходившихъ въ ту часть саду, кото-

которая была подъ его смотрѣніемъ; по чему сей входъ наполненъ былъ множествомъ людей, которые боялись вопросовъ Разсудка, или которыхъ онъ уже не впустилъ въ свои ворота.

Отъ воротъ Разсудка вела къ трону Надежды тропинка неровная, скользкая, со множествомъ обходовъ, которая называлась *стезею Трудности*, и по которой вошедшіе въ садъ съ позволенія Разсудка туда пройти старались. Сначала они смотрѣли на сію дорогу не уважая трудностей, но пошедши по ней, находили непредвидѣнныя препятствія и часто должны были останавливаться въ такихъ мѣстахъ, гдѣ думали найти удобной и одинакой путь. Множество обходовъ приводило ихъ въ утомленіе; часто они оступались и запутывались въ разставленныхъ имъ сѣтяхъ. Опасности, которымъ они подвергались, были толь страшны, и нещастія случались толь часто, что многіе оставляли свое намѣреніе; другіе падали посреди дороги; весьма только немногихъ Отважность доводила до трона Надежды. Но и между сими большая часть, пол; ивъ обѣщанные Надеждою дары, жалѣли о понесенныхъ ими тру-

дахъ,

дахъ, и при самомъ успѣхѣ досадовали на то, что обманулись въ своемъ ожиданіи. Прочіе уходили съ полученнымъ награжденіемъ, и Мудрость провожала ихъ къ кусты Удовольствія.

Обратившись къ воротамъ Воображенія, увидѣлъ я, что отъ сихъ воротъ не было никакой дороги къ трону Надежды. Хотя сія Богиня показывалась во всемъ своемъ великолѣпіи входящимъ въ сіи ворота и повидимому представляла имъ дары свои съ охотою, что воспламеняло всѣ сердца живою ревностію; но гора ея, по причинѣ крутизны, съ сея стороны была совсѣмъ неприступна, однакожъ такъ украшена и прикрыта тѣнью, что никто не могъ сомнѣваться въ возможности взойти на оную, и всякой думалъ, что онъ нашелъ путь, другимъ не извѣстный. Сіи неутомимые люди покушались всходить разными способами; нѣкоторые даже придѣлывали себѣ крылья. Но со всими трудами и при всемъ ихъ искусствѣ, они весьма мало отъ земли поднимались, и къ трону Надежды никогда приближиться не могли. Однакожъ они не переставали его изъ виду вдали, и смѣялись надъ

надъ медленнымъ успѣхомъ шедшихъ съ великимъ усиліемъ по стезѣ Трудности.

Нѣкоторые изъ любимцовъ Воображенія, вошедши въ садъ, ни мало не старались взобраться на вершину горы, такъ, какъ прочіе, но уходили прямо въ долину *Лѣности*, гдѣ Надежда оставалась еще у нихъ въ виду, и имъ всегда казалось, что она намѣрена немедленно сойти въ ихъ убѣжище. Они подвержены были насмѣшкамъ другихъ; но презрѣніе, увѣщанія и упреки весьма мало ихъ трогали; ибо они рѣшились дожидаться даровъ Богини въ покоѣ.

Я сошелъ къ симъ веселымъ людямъ. Они готовы были отвѣчать на всѣ мои вопросы и сдѣлать меня участникомъ своего веселія. Но оборотившись, увидѣлъ я двухъ страшныхъ чудовищъ, вошедшихъ въ долину: одно изъ нихъ было *Старость*, а другое *Нужда*. Игры и пріятность удалились; повсюду раздался крикъ ужаса и скорби, и разбудилъ меня.

Ску-

Скупой.

„Великой Боже! говорилъ нѣкогда скупой воздыхая: есть у меня имѣньишко, но я желалъ бы еще больше. Не для того, чтобъ запереть сокровище навсегда въ сундукѣ; не для того, чтобы предъ людьми тщеславиться, ибо никто лучше меня суеты пышности не знаетъ; но для того желалъ бы я больше имѣнія, чтобъ въ состояніи быть больше добра дѣлать. Тогда былъ бы я отцомъ всѣхъ бѣдныхъ; всѣ нещастные находили бы у меня утѣшеніе, и ни одного не отпустилъ бы я отъ себя безъ помощи. „

Юпитеръ услышалъ желаніе недовольнаго имѣніемъ своимъ, и вдругъ нашелъ онъ въ сундукѣ у себя безсчетное сокровище. Чья радость могла сравниться съ радостью скупаго! Онъ не могъ насмотрѣться на деньги, и павъ на колѣни, благодарилъ Юпитера за его благость.

Какъ скоро первой восторгъ миновался, услышалъ онъ стукъ у дверей и незнакомый голосъ. „Милосердой человѣкъ! говорилъ нѣкто воздыхая: подай милостыню бѣдному нещастному, который

рый долго лежалъ въ болѣзни и не въ состояніи уже доставать себѣ пропитаніе работою рукъ своихъ.„

Скупой отворилъ двери, но сердце его предъ нещастнымъ затворилось. Онъ забылъ свое обѣщаніе, и подалъ бѣдному — что? — кусокъ заплеснѣвелаго хлѣба.

* * *

Благодѣтельному человѣку не нужны для благотворенія великія сокровища. Хотя самъ онъ мало имѣетъ, но всегда находитъ довольно, чѣмъ дѣлать щастливыми другихъ, которые и его еще бѣднѣе. Ибо добродѣтель сія не въ кошелькѣ, но въ сердцѣ обитаетъ.

Августа.

Справедливая повѣсть.

Августа шести лѣтъ осталась послѣ отца своего. Онъ былъ Совѣтникъ, имѣлъ великолѣпный экипажъ, часто давалъ пиры, ѣздилъ чрезъ каждые два года къ цѣлительнымъ водамъ, и оставилъ отъ тридцати тысячь имѣнія только восемь, и сверьхъ того изрядной загородной домъ. Кромѣ Августы не было у него дѣтей. Мать ея была одна изъ добродѣтельнѣйшихъ женщинъ въ городѣ. Она оплакивала смерть мужа своего въ уединеніи, продала всѣ излишнія вещи, рѣшилась вести жизнь весьма умѣренную и пещись только о воспитаніи своея дочери.

Въ дѣтскихъ лѣтахъ Августа не обѣщала ни отмѣнной красоты, ни безобразія. Лицо ея было одно изъ тѣхъ, на которыя смотрятъ равнодушно, и которыя ни привлекательны, ни отвратительны. Хотя старыя опытныя няньки предсказывали, что Августа современемъ будетъ изъ первыхъ красавицъ; однакожъ мать ея этого не слушала, и сверьхъ того увѣрена была,

что просвѣщенный разумъ и красавицѣ и некрасавицѣ равно нуженъ.

Мать Августы сама ее кормила. Августа никогда не имѣла упрямой или лукавой няньки; никогда не видала она поступокъ по инымъ правиламъ, кромѣ правилъ нѣжности, и съ нею самой всегда по такимъ же правиламъ поступали; она не знала, что можно иначе думать, нежели говоришь; также не знала даже, что есть между людьми бранныя слова. — Въ такомъ чистомъ сердцѣ мать Августы насаждала свои правила, и не удивительно, что сіи правила укоренились и современемъ сдѣлались непоколебимы.

Главное содержаніе наставленій матери ея было то, что добродѣтель состоитъ не въ суровомъ видѣ, но въ невинности, а прелести молодой дѣвицы не въ красотѣ, но въ скромности. Она твердила ей, что великолѣпный нарядъ не столько нравится, какъ модной, а модной не столько, какъ выбранной со вкусомъ; но чистота въ комнатахъ и въ столѣ нравится еще больше всякаго наряда. Августа получала небольшой выговоръ, когда по неосторожности разбивала стаканъ или чашку, но должна была дни два или болѣе обѣдать одна

въ

въ углу, когда случалось ей выговорить подлое слово. Мать ея почитала подлымъ всякое слово противное благопристойности, хотя бы оно и употребительно было у людей ѣздящихъ въ каретахъ. Августа бывала наказана, естьли оказывала презрѣніе служанкѣ; но столь же строго бывала наказана и за то, когда вступала со служанкою въ пустые разговоры.

Августѣ было восемь лѣтъ отъ роду, какъ въ одинъ праздничный день, въ холодную погоду, подошла къ ея окошку маленькая дѣвушка босая, и просила милостыни.

„Ахъ, Боже мой! не уже ли ты не озябла?„ спросила Августа съ сожалѣніемъ.

„Какъ не озябнуть!„ отвѣчала дѣвушка, дрожа отъ стужи.

„Вотъ, возьми себѣ!„ сказала Августа, снявши съ ногъ новые свои шелковые башмаки, и отдала ихъ бѣдной дѣвушкѣ.

Дѣвушка упала передъ нею на колѣни, взяла башмаки, и по томъ побѣжала съ радостнымъ крикомъ. — Августа также съ радостнымъ крикомъ побѣжала къ матери въ однихъ чулкахъ, и

просила себѣ старыхъ своихъ башмаковъ.

Мать ея весьма рѣдко подавала милостыню нищимъ, бродящимъ по улицамъ; но тѣмъ чаще помогала она нещастнымъ, о которыхъ случалось ей узнать, что они подлинно въ бѣдности страждутъ. Всѣ такія подаянія она дѣлала чрезъ Августу. Ей хотѣлось, чтобъ Августа и бѣдствія человѣческія узнавала, и привыкала бы находить удовольствіе въ томъ, чтобъ другимъ дѣлать радость. Августа имѣла деньги, которыя могла употреблять по своей волѣ. Она отдавала бѣднымъ отцамъ и матерямъ то, что мать ея къ нимъ посылала; а дѣтей ихъ надѣляла изъ своихъ собственныхъ денегъ. Деньги никогда не велись у нее долго, сколько бы мать ея ни доставляла ей новыхъ доходовъ.

Нѣкогда день рожденія матери приближался, а казна Августина совсѣмъ истощилась. Августа подошла къ своему комоду, выдвинула ящикъ, въ которомъ укладены были ея хорошія куклы по порядку, вынимала одну послѣ другой, положила ихъ опять съ печалью и заперла ящикъ. Но чрезъ минуту она воро-

ротилась, пересматривала еще свои куклы, взяла самую худую, положила ее опять, взяла другую получше, и наконецъ выбрала самую лучшую; поцѣловала куклу, и побѣжала съ нею къ своей служанкѣ.

„Машинька, сказала она: поди поскорѣе, продай эту куклу. Мнѣ хочется сдѣлать матушкѣ подарокъ въ день ея рожденія. Да бѣги же скорѣе, чтобы я куклы больше не видѣла. Я уже знаю, что матушкѣ лучше всего будетъ угодно.„

Однакожъ она еще взяла куклу, поцѣловала ее, простилась съ нею и убѣжала. Служанка отнесла куклу къ матери. Мать купила ее, и послала Августѣ червонецъ. Августа, получивъ червонецъ, выпросила позволеніе повидаться со своею подругою, и вмѣстѣ съ нею купила вещицъ, которыя хотѣла подарить матери. Въ день рожденія Августа принесла къ матери свой подарокъ, и просила принять его.

„Видно, что у тебя много было денегъ, сказала мать.

„Да, отвѣчала Августа запинаясь, — у меня были деньги.„

„Коне-

„Конечно ты ихъ очень берегла? продолжала мать. „Я весьма довольна твоимъ подаркомъ.„

„Не вправду ли, матушка?„ спросила Августа съ радостію.

„Но охотно ли ты все это мнѣ даришь?„

„Ахъ, матушка! сказала Августа, упавъ къ ней на колѣни и заплакавъ: „я Юлію мою продала.„

Мать поцѣловала ее, ушла въ другую комнату, и залилась слезами. Съ того времени не праздновала она никогда день своего рожденія не вспомнивъ о проданной Юліи; и можно представить себѣ, сколько сіи и другіе такіежъ случаи ободряли ее стараться о образованіи сердца и разума Августы.

Августа научена была всему, что прилично было ея состоянію, и на тринадцатомъ году начала уже подъ надзираніемъ матери заниматься хозяйствомъ.

По большей части со старыми нянъками случается то же, что и со всѣми угадчиками: весьма часто онѣ ошибаются, но иногда говорятъ правду. На сей разъ предсказаніе нянекъ сбылось. Черты лица Августина развились и

утвер-

утвердились, румянецъ сталъ нѣжнѣе, глаза оживились; станъ ея былъ самой прекраснѣйшій станъ; однимъ словомъ, она стала красавицею. —

Доколѣ Августа не имѣла знакомства съ мущинами, кромѣ нѣкоторыхъ ближнихъ родственниковъ. Она дѣлала щастливымъ только небольшой кругъ пріятельницъ, въ которомъ миръ, довѣренность и веселіе владычествовали. За каждую изъ сихъ пріятельницъ отдала бы она жизнь свою, и всѣми ими нѣжно была любима.

Не удивительно, что Совѣтница мало по малу начала гордиться своею дочерью. Похвалы Августину воспитанію, великое щастіе, какое всякой предвѣщалъ Августѣ, общее желаніе всѣхъ знакомыхъ, чтобъ мать ея не лишала и другихъ удовольствія быть знакомыми съ нею, — все сіе возбудило наконецъ тщеславіе въ доброй сей женщинѣ. Она рѣшилась пожертвовать уединеніемъ щастію своея дочери, и начала въ другой разъ показываться въ большомъ свѣтѣ съ Августою.

Лишь только Августа показалась, какъ вниманіе всѣхъ къ ней обратилось. Всѣ хвалили ея красоту, разумъ и доброе

брое сердце. Добродушная мать весьма довольна была тѣмъ, что послѣдовала совѣту своихъ знакомыхъ; Августажъ радовалась тому, что ея взоры, казалось, повсюду живость и удовольствіе распространяли.

Она имѣла природное чувствованіе, которое при всякомъ случаѣ научало ее, какъ ей вести себя должно. Едва только въ третій разъ показывалась она въ большихъ собраніяхъ, къ которымъ она столь еще не привычна была, какъ уже самыя разумнѣйшія матери представляли ее дочерямъ своимъ въ примѣръ непринужденнаго поведенія. Вскорѣ Августа всѣми признаваема была за одну изъ совершеннѣйшихъ дѣвицъ, какихъ только найти можно.

Многіе начали стараться получить руку Августы; особливожъ искали того двое или трое молодыхъ людей, которые по всему были ея достойны. Но Августа не могла рѣшиться оставить такъ скоро свободу, которою наслаждалась она съ такою отличностію; мать же ея ласкалась надеждою, что дочери ея предстоялъ еще щастливѣйшій жребій.

Авгу-

Августѣ исполнилось двадцать лѣтъ отъ роду, и она наслаждалась почтеніемъ отъ всѣхъ и доброю славою, какъ женился одинъ изъ ея родственниковъ. Августа и мать ея были на свадьбѣ и сдѣлали при семъ случаѣ нѣсколько новыхъ знакомствъ.

На третій день послѣ того пріѣхалъ къ нимъ молодой Графъ С*. Онъ танцовалъ на свадебномъ балѣ съ Августою и имѣлъ случай оказать ей небольшую услугу.

Графъ былъ достойный любви молодой человѣкъ. Поведеніе его и матери и дочери нравилось. Изъ учтивости просили его продолжать свои посѣщенія, что онъ и дѣлалъ весьма часто. Чрезъ нѣсколько времени просилъ онъ позволенія привезти съ собою одного родственника своего. Сіе позволеніе дано ему было съ удовольствіемъ. Родственникъ его вскорѣ по томъ ввелъ къ нимъ въ домъ своего пріятеля, а тотъ еще своего. Такимъ образомъ въ годъ непримѣтно составился около Августы кругъ изъ знатнѣйшихъ въ городѣ молодыхъ людей. Напослѣдокъ всякой, кто былъ знакомъ въ домѣ Совѣтницы могъ привезти съ собою своего знакомаго, и

положены были дни и часы, въ которые бывало у нее какъ бы публичное собраніе: разговаривали, пѣли, занимались невинною игрою, въ которой всякой могъ брать участіе. Поведеніе матери и дочери внушало молодымъ людямъ почтеніе къ нимъ, и нѣкоторые чрезъ долгое время послѣ признавались, что они многимъ обязаны были сему дому въ разсужденіи своихъ нравовъ.

Между тѣмъ Августа не оставляла домашняго хозяйства; но занималась онымъ съ такимъ порядкомъ, что всегда оставалось ей время на общественныя увеселенія и на чтеніе. Въ кругѣ столь многихъ молодыхъ людей она вела себя со всею возможною осторожностію. Никогда не принимала она подарковъ, которые можно бы назвать подарками; не имѣла ни съ кѣмъ переписки и тайныхъ свиданій. Рѣдко случалось найти ее въ праздности, или одну безъ матери, съ ея знакомыми. Она обходилась со всѣми одинаково. Короче сказать, естьлибъ Августа всегда жила въ заключеніи и говорила съ людьми только изъ-за желѣзной рѣшетки, и тогда бы ея поведеніе не могло быть невиннѣе, и жизнь непорочнѣе.

Одна-

Однакожъ мало по малу злословіе возставало противъ Августы.

„Когда она *явно* все это дѣлаетъ, чегожъ не дѣлаетъ *втайнѣ*?„ говорили нѣкоторыя госпожи, знавшія по своему опыту, что втайнѣ многое дѣлать можно.

„Не льзя тому статься, чтобы бѣдная мать ея все знала„ — говорили нѣкоторыя дѣвушки, которымъ бы весьма не пріятно было, естьлибъ ихъ матери все объ нихъ знали.

„Бѣдную незнающую дѣвушку можно еще извинить; но матери это непростительно„ — говорили другія, которыя своимъ матерямъ не желали большой прозорливости.

„Чтожъ? Августа человѣкъ; и она имѣетъ чувства!„ — говорили двое молодыхъ людей, въ которыхъ не примѣтно было, чтобъ они сами что нибудь еще, кромѣ чувствъ, имѣли.

„Любовь къ ближнему все должна прикрывать„ — сказала одна почтенная старушка, и тотчасъ послала къ двумъ своимъ пріятельницамъ, сообщить имъ новости объ Августѣ.

Сначала почитали только *возможнымъ*, что въ домѣ Совѣтницы происходятъ

ходятъ тайности; вскорѣ сдѣлалось то *вѣроятнымъ*, а наконецъ и *завѣрное извѣстнымъ*. Клевета переползала сперва по уборнымъ столикамъ отъ одного къ другому; а напослѣдокъ говорила громко и въ переднихъ и въ гостиныхъ. Никто не слушалъ повѣстей, разсказываннихъ на щетъ Августы, съ большимъ удовольствіемъ, никто не разглашалъ ихъ съ большею ревностію, какъ тѣ, которыя будучи на мѣстѣ Августы, вели бы себя иначе, нежели она.

Одинъ молодой человѣкъ, не низкаго роду, вступившій не задолго предъ тѣмъ въ службу, наслышался о подозрительномъ поведеніи Августы. Онъ привыкъ посвящать половину праздныхъ часовъ своихъ карточной игрѣ, а другую проводить съ такими женщинами, которыхъ только въ случаѣ крайней нужды подлиннымъ ихъ именемъ называютъ. Онъ увидѣлъ Августу въ театрѣ; она понравилась ему чрезвычайно, и онъ сыскалъ случай познакомиться съ ея матерью и съ нею.

Нѣкогда пришелъ онъ къ Августѣ нечаянно и совсѣмъ въ необыкновенное время. Она была одна. Онъ былъ столько дерзокъ, что хотѣлъ ее поцѣловать. Августа закричала, и оттолкнула его

отъ

отъ себя. Онъ не твердо стоялъ на ногахъ, пошатнулся и ударился объ край шкафа, отъ чего остался у него на лицѣ знакъ. Въ ту минуту вошелъ слуга, и Августа ушла въ другую комнату.

На другой день надлежало ему итти въ караулъ. Товарищи его спрашивали, отъ чего у него пятно на лицѣ? Онъ разсказывалъ случившееся съ нимъ всякому, кто у него спрашивалъ, ничего не скрывая; и въ тотъ же вечеръ весь городъ узналъ, что одинъ офицеръ вышелъ отъ Августы съ ушибенымъ лицомъ. Весь городъ смѣялся: не на щетъ виноватаго офицера, но на щетъ невинной Августы.

„Кто бы осмѣлился выйти изъ благопристойности, естьли бы она сама не подала къ тому случая!„ говорила одна съ величавымъ видомъ.

„Я не хочу осуждать, говорила другая, шумя своимъ опахаломъ: „однакожъ надобно сказать, что излишняя вольность до добра не доведетъ.„

„Ахъ, до какова развратy мы дожили! Это ужасно!„ говорила третія, нюхая табакъ, чтобы прогнать ужасъ.

Съ

Съ того времени пріятельницамъ Августинымъ приказано было отъ матерей ихъ прекратить знакомство съ Августою. Ни одна изъ нихъ не могла быть невиннѣе Августы; однакожъ думали, что честь не позволяла имъ имѣть никакого съ нею сообщенія. Совѣтница и дочь ея догадывались о причинѣ сего разрыва; но мать успокоивала себя тѣмъ, что въ домѣ ея ничего худаго не произходило; а дочь утѣшалась чувствованіемъ своея невинности.

Чрезъ полгода послѣ нещастнаго для Августы приключенія съ офицеромъ, случилось ему играть цѣлой вечеръ въ карты. По окончаніи игры, одинъ изъ его пріятелей спрашивалъ, щастливо ли онъ игралъ?

„Худое щастіе! отвѣчалъ онъ, собирая осталныя деньги: „не было удачи.„

„Ха ха ха! бѣдякъ! ему съ полгода ужъ ни въ чемъ нѣтъ удачи„ — сказалъ одинъ толстой Ротмистръ, и хохоталъ такъ, что окна дрожали.

„Я радуюсь, господинъ Ротмистръ! говорилъ тотъ, что вы такъ развеселились. Знаю, о чемъ вы вспомнили. Но виноваты ли мы съ Августою въ томъ, что проклятой слуга вошелъ не кстати?„

„Фи!

„Фи! какъ это дурно!„ — сказалъ другой офицеръ, который сидѣлъ подлѣ Ротмистра и знакомъ былъ въ домѣ Совѣтницы.

„Смѣю ли спросить, государь мой, что вамъ такъ не понравилось?„

„Я говорю, сударь, что дурно безславить честную дѣвицу.

„Дружечикъ мой! я не хочу тебя знакомить съ твоею роднею, но за то и ты пожалуй не учи меня знать честныхъ дѣвицъ.„

„Государь мой! не говорите такъ дерзко, или мы перевѣдаемся.„

„А, господинъ рыцарь! со всею охотою!„

„По чести, братцы! вамъ надобно посломать головы другъ другу, какъ бравымъ рабятамъ„ — сказалъ толстой Ротмистръ, влилъ въ себя стаканъ Бургонскаго, и вызвался быть секундантомъ.

На другой день поссорившіеся вышли на поединокъ. Обидчикъ возвратился домой безъ всякаго вреда, но вступившійся за Августу раненъ былъ въ плечо. Никто при семъ не былъ наказанъ столь жестоко, какъ невинная, ничего худаго и въ мысляхъ не имѣвшая Августа. Зло-

словіе

словіе противъ нея устремилось, и она сдѣлалась посмѣшищемъ всему городу. Самые добросердечнѣйшіе люди пожимали плечами, говоря о такой дѣвушкѣ, за которую два офицера дрались.

Молодые люди мало по малу всѣ оставили домъ Совѣтницы. Одинъ позванъ былъ родителями своими въ деревню; другой женился на богатой наслѣдницѣ; третій долженъ былъ повиноваться приказанію дяди, отъ котораго онъ зависѣлъ; четвертой не видѣлъ успѣха въ нѣкоторыхъ намѣреніяхъ; пятой опасался насмѣшекъ отъ сестры своей и отъ зятя; шестой нашелъ новое знакомство; а прочіе удалились изъ уваженія къ доброму имени Августы. Такимъ образомъ чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ послѣ поединка домъ Совѣтницы опустѣлъ, и стало въ немъ такъ же тихо, какъ было прежде.

(Окончаніе сообщено будетъ въ слѣдующемъ листѣ.)

Августа. Справедливая повѣсть.

(Окончаніе.)

Бѣдная мать печалилась о томъ, что обманулась въ своей надеждѣ, и оплакивала свою неосторожность. Августа грустила о потерѣ пріятелей и пріятельницъ, однако утѣшалась своею невинностію, разгоняла скуку работою и чтеніемъ, и надѣялась впредь лучшаго щастія. Но долго она должна была сего щастія дожидаться.

Всѣ прежніе знакомые принимали и мать и дочь съ холодностію и даже съ презрѣніемъ. И такъ онѣ принуждены были разорвать старое знакомство, совсѣмъ отказаться отъ большаго свѣта и жить въ совершенномъ уединеніи. — Августѣ было уже двацать пять лѣтъ отъ роду, а она жила еще у своей матери. Исполнилось ей и тридцать лѣтъ, но участь ея все еще не перемѣнялась. Между тѣмъ тайная печаль снѣдала здоровье матери, а еще болѣе красоту дочери.

Наконецъ по долгомъ ожиданіи нашелся одинъ молодой достойной человѣкъ, который въ ближнемъ городѣ имѣлъ хорошее мѣсто, и мало знакомъ былъ

тамъ, гдѣ жила Августа. Она дала ему свою руку. Мать ея, которая, казалось, того только и дожидалась, чтобъ дочь свою выдать, умерла чрезъ четыре недѣли послѣ свадьбы.

Чрезъ нѣсколько времени молодому довольному своимъ состояніемъ мужу Августы случилось въ другой разъ быть въ томъ городѣ, гдѣ она прежде жила. Онъ вошелъ въ кофейной домъ, чтобъ увидѣться съ однимъ изъ своихъ пріятелей, котораго надѣялся тамъ найти; сѣлъ недалеко отъ стола, за которымъ нѣсколько человѣкъ пили пуншъ, и слушалъ, о чемъ они разговаривали.

„Знаете ли новость? сказалъ одинъ изъ нихъ: „говорятъ, что Августа замужъ вышла.„

„Дочь Совѣтницы? сказалъ другой: это уже не новое. — Чтожъ? изъ распутныхъ дѣвушекъ бываютъ иногда хорошія жены.„

„Правда, говорилъ третій, Августа провела молодость свою не въ скукѣ.„

„Выпьемъ за ея здоровье! сказалъ четвертой: „а за кого она вышла?„

„Я позабылъ его имя, отвѣчалъ другой: „говорятъ, что онъ человѣкъ честной. Выпьемъ и за его здоровье!„

Чест-

Честной человѣкъ, за здоровье котораго было пито, вышелъ потихоньку, и съ того времени не имѣлъ уже спокойныхъ часовъ. Онъ возвратился домой. Августа встрѣтила его съ радостію, но ужаснулась, видя, что онъ отворачивался и не хотѣлъ на нее смотрѣть. Она спрашивала съ нѣжностію, что съ нимъ сдѣлалось; но онъ не отвѣчалъ. Она замолчала и оставила его, думая, что онъ имѣлъ какую нибудь досаду по своимъ дѣламъ.

Однакожъ поступки его не перемѣнились. Будучи дома, онъ занимался своими дѣлами; по томъ уходилъ со двора, и весьма уже поздно домой возвращался. Не говоря съ Августою, онъ болѣе мучилъ ее, нежели тогда, когда бы дѣлалъ ей самыя жесточайшія укоризны. Наконецъ не могла она долѣе сносить сего оскорбительнаго молчанія. Въ одинъ вечеръ она дождалась своего мужа, упала къ ногамъ его, обнимала его колѣни, и со слезами просила, сказать ей, въ чемъ онъ ее виноватою почитаетъ.

„Оставьте меня, сказалъ онъ съ холодностію: „не быть бы вамъ нынѣ въ этомъ домѣ, естьлибъ я вовремя узналъ о прежнемъ вашемъ поведеніи.„

Августа безчувственна упала на полѣ, отнесена была на постелю, и нѣсколько дней послѣ того лежала въ горячкѣ; жизнь ея была въ опасности. Съ трудомъ избавилась она отъ смерти, но спокойствіе жизни ея на всегда удалилось. Она безпрестанно грустила и наконецъ впала отъ того въ снѣдающую болѣзнь. Мужъ ея съ нѣжностію старался о сохраненіи ея жизни; но упрямо рѣшился не видѣться съ нею и не слушать ея оправданій. Она не имѣла пріятельницы, которая принимала бы участіе въ ея горестяхъ. Не можно описать, какъ жестоко она страдала.

Нѣкогда была ярманка въ томъ городѣ. Августѣ доложили, что пришла незнакомая башмашница и проситъ позволенія увидѣть ее. Она приказала пустить къ себѣ сію женщину.

„Вспомните ли вы, сударыня, говорила башмашница, какъ вы были еще маленькое дитя, пожаловали вы однажды башмаки свои нищей дѣвушкѣ. Я хотѣла продать ихъ башмашнику и деньги отнести бѣдной больной матери моей. Башмашникъ почелъ меня воровкою; однакожъ освѣдомился въ вашемъ домѣ, и узналъ, что это не правда. Онъ далъ

мнѣ

мнѣ денегъ, а самъ пошелъ въ слѣдъ за мною. Мать моя умерла въ ту самую минуту, какъ онъ къ намъ вошелъ. Я кричала и плакала; онъ надо мною сжалился, и отвелъ меня къ своей женѣ. У добрыхъ этихъ людей была одна только дочь; они воспитали меня вмѣстѣ съ нею, какъ родное свое дитя. — Дочь ихъ выросла, и была очень хороша собою, такъ, что всѣ прозвали ее пригожею башмашницею. Она знакома была со многими молодыми людьми, бывала съ ними на гуляньяхъ, разговаривала у воротъ, и по вечерамъ прохаживалась по улицѣ. Не долго она такъ пожила, какъ пронеслась объ ней худая слава. Правда, что люди много и напраснова говорили. Однакожъ, сударыня, живучи съ людьми, надобно и о томъ думать, что объ комъ они говорятъ. Чѣмъ же это кончилось? Подруга моя вездѣ прослыла распутною; знакомцы всѣ ее покинули. Она вышла замужъ; однакожъ послѣ доходили до мужа ея худые слухи, и жизнь ихъ была не радостна. Бѣдная моя подруга умерла съ печали; и съ годъ ужъ тому, какъ я вышла за ея вдовца. Я прежде всегда жила смирно, мало зналась съ мущинами, и нынѣ мужъ мой

только что на рукахъ меня не носитъ. Сегодни, сударыня, мы пріѣхали съ нимъ сюда на ярманку; онъ послалъ меня къ вамъ съ этими башмаками; мы просимъ принять ихъ, и хотя только посмотрѣть на нихъ иногда, когда они носить вамъ негодятся. Мы всякой день о васъ вспоминаемъ и молимъ за васъ Бога. Безъ васъ, сударыня, мы никогда бы другъ друга не узнали.„

Августа не могла болѣе выдержать; она пожала руку сей доброй женщинѣ, не въ состояніи будучи ничего выговорить, отпустила ее, и обливалась слезами. Но повѣсть простодушной женщины оставила черны въ сердцѣ Августы, которые сдѣлали конецъ послѣднимъ ея жизненнымъ силамъ.

Чрезъ два года послѣ того, какъ она замужъ вышла, снѣдающая грусть прекратила жизнь ея. Достойная любви, невинная Августа умерла въ пренебреженіи отъ всѣхъ, оставленна пріятельницами, и мужемъ своимъ презрѣнна.

„Ахъ, сестрицы! сестрицы! говорила она часто въ своемъ страданіи: „не довольно *быть* невинною; должно и *казаться* такою.„

Малые

Малые мїры въ большомъ мїрѣ.

(*Изъ Нѣмецкаго періодическаго изданія: Ганноверской Магазинъ.*)

Ни одинъ внимательный взоръ на Натуру не оставляетъ размышляющаго испытателя безъ награжденія. Сердце и разумъ всегда находятъ при томъ себѣ пищу: они получаютъ или поводъ къ распространенію познаній, или случай удивляться Создателю, или матерію къ разумнымъ и мудрымъ заключенія Ъ, или все сіе вкупѣ. И блестящій червячекъ, ползающій въ каменной ущелинѣ, и маленькой отломокъ раковины въ расколотомъ камнѣ, и самой нѣжный ростокъ какого либо растенія наполняютъ умъ почитателя истины поучительными мыслями, никогда не входящими въ умъ пастуха, который пасетъ на горахъ свое стадо и хотя могъ бы гораздо болѣе знать Натуру, но мало се знаетъ; ибо только молнія и громъ могутъ возбудить его вниманіе.

Въ тѣнистой рощѣ, но довольно освѣщенной для усмотрѣнія множества чудесъ Натуры, увидѣлъ я нечаянно ли-

стокѣ, на которомѣ маленькой червячекѣ провелѣ свои кривыя изгибныя линіи разными заслуживающими примѣчаніе фигурами. Я сорвалѣ сей листокѣ, посмотрѣлѣ на него противѣ свѣту, и увидѣлѣ вѣ немѣ маленькаго пустынника еще работающаго. Онѣ продолжалѣ работу свою, не заботясь о томѣ, что находится вѣ рукахѣ, могущихѣ самымѣ легкимѣ давленіемѣ и все его жилище и его самого разрушить. „Сей *листокѣ*, помыслилѣ я, есть твой *міръ*, вѣ которомѣ ты рожденѣ, вѣ которомѣ живешь, питаешься и исполняешь предписанія своея натуры, пока наступитѣ время превращенія твоего. Возможно ли, чтобѣ двѣ кожицы тонкаго листка заключали вѣ себѣ изобиліе для такой твари, которая можетѣ быть имѣетѣ множество удивительныхѣ органовѣ? — такое изобиліе, котораго едва ли только пятидесятая часть потребна ей для соблюденія бытія своего на нѣсколько дней? Я не брошу тебя, маленькой червячекѣ! Естьли встрѣтится мнѣ недовольный своимѣ состояніемѣ человѣкѣ, я покажу ему тебя и представлю вѣ примѣрѣ ропщущему его сердцу. Можетѣ быть червячекѣ, едва примѣтной, вѣ состояніи будетѣ

устыдить того, кого вышшія ученія часто не могли тронуть.

Но какоежъ множество малыхъ міровъ должно быть въ большомъ мірѣ Въ одномъ семъ кустарникѣ, на пятьдесятъ шаговъ въ окружности, какое множество разнообразныхъ тварей! какой порядокъ и какая связь въ семъ разнообразіи! какое множество способовъ, цѣлей и намѣреній! какой округъ, исполненный чудесъ Божіихъ! Отъ сего дуба, толь ордо возносящаго свою вершину, до смой нѣжнѣйшей травки, растущей подъ его тѣнію, коликое число растеній! Ивсѣ сіи растенія населены толь многоразличными живыми тварями, изъ которыхъ инымъ пространство ладони кажется можетъ быть столь же великимъ, какъ намъ пространство нѣсколька мль. Сколько животныхъ обитаетъ въ семъ кустарникѣ и совершаетъ въ немъ кругъ своего опредѣленія! Крылатые пѣцы! пришельцы ли вы, или урожденцы въ сей рощѣ? Урожденцы; ибо и вы родились въ семъ же кустѣ, который теперь пѣнію своею гнѣздо птенцовъ вашихъ прикрываетъ; здѣсь училище, въ которомъ вы всѣмъ знаніямъ своимъ учились; на сихъ вѣтвяхъ звали вы къ себѣ подругъ

своихъ; изъ сего источника жажду, и сими падающими сѣмечками вы голодъ свой утоляли; — наконецъ, можетъ быть чрезъ три лѣта и чрезъ двѣ зимы, охотникъ или хищный ястребъ кончитъ невинную жизнь вашу, и очиститъ мѣсто вашимъ потомкамъ. Сколько перемѣнъ произходитъ въ областяхъ вашихъ, о вы обитатели земли въ самомъ точномъ смыслѣ, ползающіе подъ ногами моими! Сколь бы искусно муравьиная куча ни была устроена, но хитрая пипица вдругъ можетъ произвести въ ней страшное разореніе, или рука, ищущая вашихъ яицъ на прокормленіе соловья, въ золотой клеткѣ заключеннаго. — О Боже! предъ очами Твоими и самыя сильнѣйшія области человѣческія не подобны ли муравьинымъ кучамъ! Хотя несравненно паче уважены, благороднѣе устроены, и хотя опредѣленіе ихъ несравненно величественнѣе; но въ разсужденіи величины не подобны ли ульямъ пчелъ? Какъ же можетъ смертный гордиться частицею земли, которая даже и не есть дѣло рукъ его?

Я нашелъ въ саду своемъ пеструю улитку. Прошедши нѣсколько шаговъ далѣе, нашелъ еще десять такихъ же ули-

улитокъ. Я разрылъ нѣсколько кротовыхъ кучь, и въ каждой изъ нихъ находилъ по три или по четыре маленькіе домика сихъ животныхъ. Я оавнилъ величину сего мѣста съ величиною всего саду, и по сему сравненію заключилъ, что нѣсколько тысячь одихъ улитокъ живутъ въ семъ округѣ. По томъ обратилъ я вниманіе свое къ рочимъ живымъ тварямъ, обитающимъ на семъ маломъ пространствѣ зели. На одной яблонѣ нашелъ я четыре рода несѣкомыхъ, и удобно нашелъ бы ще дваццать другихъ родовъ, естьлибъ я съ всѣ деревья со вниманіемъ осмотрѣлъ. Достойныя примѣчанія твари! Цѣлыя книги можно написать обо всемъ вашемъ устройствѣ, о цвѣтахъ вашихъ, станахъ, образѣ жизни, о составахъ, которые вы придете, о вашихъ бабчкахъ, — и такія книги уже написаны. Идучи далѣе, увидѣлъ я заботливаго золотаго жука, который несъ малю добычу въ свое жилище. Я искалъ въ землѣ его жилища, но не нашелъ его: вмѣсто того попалась мнѣ куколка земянаго жука. Я находилъ земляныхъ паукъ яркаго краснаго цвѣта; находилъ маленькихъ червей, которыхъ чудный составъ

пи-

приводилъ меня въ удивленіе. Какъ наполнена земля сія тварями Божіими! — Я отломилъ вѣтвь отъ розоваго куста, и увидѣлъ на ней множество листвяныхъ вшей, родящихся толь отмѣннымъ образомъ отъ обыкновенныхъ правилъ рожденія въ Натурѣ. Я пересматривалъ щели въ древесной корѣ, и насчиталъ въ одной только изъ нихъ пять различныхъ родовъ червей. Я поймалъ бабочку, которая передъ тѣмъ только на цвѣткѣ развернула свои крылья. Рои пчелъ, вылетѣвшихъ изъ ближнихъ ульевъ, жужжа летали около цвѣтущихъ деревъ. Комары толпились вокругъ меня; шмели и осы, мухи, ихневмоны, и множество иныхъ невѣдомыхъ тварей оживляли воздухъ. Проходя мимо зеленаго куста, нашелъ я въ немъ гнѣздо маленькой птички, и самку еще сидящую на яицахъ. — О какое неизчислимое множество живыхъ существъ, большихъ и малыхъ, прекрасныхъ и безобразныхъ, летающихъ и ползающихъ, вредныхъ и безвредныхъ, въ одномъ только семъ саду! Какія отмѣны въ ихъ видахъ! какая разность въ цвѣтахъ! какое различіе въ пищѣ! Въ однихъ какая лѣность, въ другихъ какое про-

ворство! Какія различныя естественныя побужденія! какое трудолюбіе! какое непрестанное движеніе! Въ работахъ ихъ искусство; хитрость и осторожность противъ непріятелей. Въ одномъ мѣстѣ производится война между нѣкоторыми животными особливо; въ другомъ между цѣлыми родами. Здѣсь хищники, коварствомъ уловляющіе невинныхъ; тамъ сильные, одолѣвающіе беззащитныхъ. Область смыкается съ областію безпрерывно; и весь *садъ* сей что иное, какъ не *малой міръ въ большомъ*?

Говорятъ, что самой *человѣкъ* есть *малой міръ*; и тотъ не неправъ, кто первой имѣлъ сію мысль. Явленія бывающія въ мірѣ происходятъ и въ натурѣ каждаго человѣка, въ дѣйствіяхъ его и обстоятельствахъ. День и ночь, свѣтъ и тма перемѣняются въ участи его, равно, какъ и въ большомъ мірѣ. Хотя не всегда происходитъ сіе въ немъ съ такою размѣрною точностію, какъ въ мірѣ; но находятся же и такія земли, въ которыхъ день или ночь долѣе, нежели въ другихъ. Приливъ и отливъ бываетъ во всѣхъ предпріятіяхъ смертныхъ. Въ разумѣ ихъ — иногда какая мелкость, иногдажъ какая высокость!

Въ

Въ страстяхъ — иногда тишина, иногда ярящаяся буря. Въ жизненныхъ духахъ — сегодни медленное слабое движеніе; завтра жаръ, иногда даже до бѣшенства доходящій. Царства возвышаются и разрушаются: такъ же и владычество желаній человѣческихъ перемѣняется. Въ цвѣтущей младости веселіе, радость и наслажденіе пріятностями управляютъ человѣкомъ. Старость отнимаетъ у нихъ владычество и отдаетъ мрачнымъ заботамъ, унынію и неудовольствію. Перемѣняется состояніе цѣлыхъ націй: такъ же перемѣняется и состояніе каждаго человѣка особливо. Нація, славящаяся между просвѣщеннѣйшими націями въ Европѣ, состояла нѣкогда изъ дикихъ варваровъ. Подобно тому часто случается, что и человѣкъ, на двадцатомъ году отъ рожденія мало надежды о себѣ подававшій, на пятидесятомъ славится. Въ умѣ Ньютоновомъ на 14 или на 15 году было то еще слабымъ только разсѣяніемъ, что на сороковомъ стало ослѣпляющимъ сіяніемъ. Возвысившіяся области упадаютъ: равно и высокой умъ, великимъ свѣтомъ сіявшій, на осмидесятомъ году во второе младенчество пасть можетъ. И такъ не правда ли, что

каждой

каждой человѣкъ есть малой міръ, представляющій добрыя и худыя явленія, подверженный щасливымъ и нещастливымъ перемѣнамъ, пока кругъ теченія его совершится? — Скудная мысль! Чтожъ пользы, хотя и могу почитать себя малымъ міромъ? — Нѣтъ, обильная мысль, подающая довольно матеріи къ важнымъ разсужденіямъ! Можетъ ли корабль благополучно продолжать плаваніе свое безъ искуснаго кормчаго, безъ компаса, безъ благоразумнаго начальника? Можетъ ли устоять царство безъ законовъ, безъ укрѣпленій, безъ правителя? Человѣкъ! выведи изъ сего правила, которыя могли бы служить ко благому управленію самимъ собою.

(Окончаніе сообщено будетъ въ слѣдующемъ листѣ.)

Астро-

Астрономъ и нищій.

Астрономъ, сидя въ своей обсерваторіи, обозрѣвалъ лю опытными глазами безконечныя небесныя пространства. Нищій осмѣлился взойти къ нему, и со слезами просилъ у него небольшаго подаянія. Философъ, преслѣдуя въ самое то время одного Сатурнова спутника, такъ углубился въ наблюденія свои, что не видѣлъ нищаго и не слышалъ его прозьбы. Нищій повторялъ прозьбу свою нѣсколько разъ; но видя, что тотъ былъ глухъ, потянулъ его тихонько за рукавъ. Тогда Философъ пришелъ въ себя, оглянулся съ досадою, и бранилъ дерзновеннаго, который заставилъ его спуститься съ небесъ въ ту самую минуту, какъ онъ готовъ уже былъ войти въ чертоги древняго Сатурна. „Государь мой, отвѣчалъ нищій, дерзость ли то, когда нещастный проситъ у богатаго брата своего куска хлѣба, чтобъ не умереть съ голоду? Вы дерзки, потому, что хотите осмотрѣть безпредѣльныя пространства, удаленныя Провидѣніемъ отъ зрѣнія вашего. Чего вы смотрите на небѣ? Нещастные на землѣ живутъ.

Малые міры въ большомъ мірѣ.

(*Окончаніе.*)

Міръ видимый чрезъ микроскопъ, которымъ новѣйшіе испытатели Натуры толь много занимаются, — сей-то есть подлинно малой міръ въ большомъ; міръ, который предкамъ нашимъ почти совсѣмъ былъ неизвѣстенъ, пока посредствомъ малаго стекла не были открыты во всѣхъ странахъ неизчислимыя чудеса. — Я шелъ мимо *пруда*. Что сей прудъ въ сравненіи съ Океаномъ? Однакожъ и онъ есть міръ, наполненный тысячами живыхъ тварей, которыя въ немъ сыскиваютъ себѣ пищу, исполняютъ предписанія натуры своей, размножаются, ведутъ войну между собою, впадаютъ въ болѣзни и выздоравливаютъ. — Я почерпнулъ *стаканъ воды* изъ сего пруда. Что сіе количество въ сравненіи съ цѣлымъ прудомъ? Но и оно есть міръ, обитаемый неизчислимымъ множествомъ чудныхъ тварей. Я видѣлъ въ немъ водяныхъ блохъ и жуковъ, водяныхъ клоповъ и комаровъ, куколки будущихъ крылатыхъ несѣкомыхъ, и червячковъ таскающихъ съ собою свои домики. Они жили въ семъ стаканѣ

такъ вольно, такъ спокойно, какъ бы въ цѣломъ мірѣ. — Я взялъ каплю сея воды и поднесъ подъ увеличительное стекло. Что капля въ сравненіи съ цѣлымъ сосудомъ? Но и она малой міръ, наполненный тварями. Оставляю знатокамъ наименовать всѣхъ животныхъ, плавающихъ въ каплѣ воды, какъ бы въ морѣ; скажу только то, что непримѣтныя точки становились подъ симъ стекломъ животными съ удивительными органами; но и между ими можно было примѣтить еще другихъ, толь мелкихъ, что первыя противъ сихъ великанами казались. — Творецъ непостижимый! коль безпредѣленъ міръ Твой, какъ большой, такъ и самый меньшій изъ малыхъ! Естьлибъ мы ничего болѣе изъ дѣлъ Твоихъ не вѣдали, кромѣ чуднаго устройства самыхъ малѣйшихъ животныхъ, узнанныхъ и описанныхъ Реомюромъ и Боннетомъ, Ліонетомъ и Трамблеемъ, и многими другими, не должны ли бы мы были и тогда дивиться величеству Твоему въ малыхъ тваряхъ? Но далѣе отъ одного предѣла до другаго, отъ невидимаго почти полипа до величайшаго морскаго животнаго, отъ водяной блохи до кита, отъ сырнаго червя до слона, отъ

Вене-

Венеры до Сатурна, отъ мѣста, на которомъ я стою, до самой крайней неподвижной звѣзды — разумъ изнемогаетъ, когда отваживается размышлять о сей сферѣ.

Весь земной шаръ со всѣми своими горами и холмами, морями и рѣками, лѣсами и равнинами, великими и малыми областями, многочисленными войсками и плавающими флотами, городами и селами, палатами и хижинами, драгоцѣнными и простыми камнями, есть только *весьма малой* міръ въ сравненіи съ тѣмъ великимъ міромъ, который все твореніе составляетъ. Коликое множество такихъ земныхъ шаровъ потребно для составленія одного только солнца! Вокругъ солнца обращаются шесть большихъ планетъ, между которыми земля наша, содержащая въ себѣ толикое множество кубическихъ миль, есть только средняя. Десять извѣстныхъ и невѣдомо еще сколько неизвѣстныхъ меньшихъ шаровъ обращаются вокругъ сихъ большихъ планетъ. Всѣ они наполнены тварями, всѣ наполнены чудесами Натуры! Дивная огромность одной сея солнечной системы! Но естьлибъ я былъ на мѣстѣ ближайшей къ намъ неподвижной звѣзды,

чѣмъ бы мнѣ все сіе казалось? Звѣздою, и можетъ быть не самой еще большей величины. Что-жъ есть сія ближайшая къ намъ неподвижная звѣзда? — Такой же міръ. А слѣдующая за нею? — Такой же міръ. А тысячная изъ сихъ звѣздъ? Такой же міръ. Что есть млечный путь? Безчисленные такіе міры. Что находится за млечнымъ путемъ? тамъ, откуда ни солнца нашего, ни ближайшей къ намъ неподвижной звѣзды, видѣть не можно? — Не знаю. Знаю только то, что нашъ міръ, который мы себѣ толь великимъ представляемъ, изчезаетъ предъ симъ толико большимъ его міромъ, и что всея вѣчности едва ли довольно будетъ на обозрѣніе, понятіе и изслѣдованіе того, что все твореніе въ себѣ содержитъ. — Прахъ отъ праха! гордый смертный, толико увеличивающій себя въ воображеніи своемъ! Сравни твою великость съ оною, и сіе сравненіе да возбудитъ тебя ко смиренному благоговѣнію!

Обидагъ.

Восточная повѣсть.

Обидагъ, сынъ Абенсины, отставши поутру отъ своего каравана, шелъ по лугамъ Индостанскимъ. Ободренъ и укрѣпленъ покоемъ, оживленъ надеждою, желаніемъ воспаляемъ, шелъ онъ скоро по долинамъ, смотря на холмы, постепенно предъ нимъ возвышающіеся. Утреннее пѣніе райскихъ птицъ увеселяло слухъ его; послѣднее вѣяніе утихающаго вѣтра его прохлаждало, и онъ чувствовалъ себя окропленна росою съ ароматныхъ лѣсовъ. Онъ смотрѣлъ на высящійся дубъ, сего монарха горъ; наслаждался пріятнымъ запахомъ фіялки, старшей дочери весны; всѣ чувства его были услаждены, и всѣ заботы удалены отъ его сердца.

Такъ шелъ онъ, пока солнце взошло на югъ и увеличивающійся жаръ началъ истощать его силы. Тогда началъ онъ осматриваться, чтобъ найти удобнѣйшій путь. Онъ увидѣлъ въ правой сторонѣ лѣсъ, который, казалось, призывалъ его колеблющеюся своею тѣнію; вошелъ въ сей лѣсъ, и толико плѣненъ былъ про-

жладностію его и зеленью, что не могъ уже лишиться сего удовольствія. Однако не забылъ онъ, куда ему итти надлежало, и нашедши тропинку между цвѣтами, которая повидимому вела туда же, куда и большая дорога вела, радовался, что нашелъ способъ соединить удовольствіе съ трудомъ, и что могъ получить награду за трудъ свой, не претерпѣвъ тягостей онаго. И такъ шелъ онъ нѣсколько времени далѣе, ни мало не теряя охоты, кромѣ того, что иногда музыка птицъ, укрывавшихся въ тѣни отъ жару, заставляла его останавливаться; иногдажъ забавлялся онъ срывая цвѣты, росшіе по обѣимъ сторонамъ тропинки, либо плоды, на деревахъ висѣвшіе. Наконецъ зеленая тропинка начала уклоняться въ сторону и извивалась уже между холмами и кустарниками, гдѣ нашелъ онъ студеные ключи и шумящіе водопады. Тогда Обидагъ остановился, и началъ размышлять, не лучше ли возвратиться ему на извѣстную и обыкновенную дорогу; но разсудивъ, что жаръ былъ тогда въ самой большей силѣ, и что дорога на открытомъ полѣ пыльна и неравна, рѣшился итти по новой своей стезѣ, которая, какъ онъ

думалъ,

думалъ, только по причинѣ разности земли изгибается въ немногія кривизны, но наконецъ выведетъ на общую дорогу.

Успокоившись такимъ образомъ, продолжалъ онъ свое путешествіе, хотя все еще опасался, чтобъ оно не было безуспѣшно. Сіе непріятное опасеніе понуждало его останавливаться при всякомъ новомъ предметѣ и предаваться всякому чувствованію, которое могло польстить ему, или удовольствіе доставить. Онъ вслушивался во всякое эхо; всходилъ на всякую гору, откуда новые виды открывались; подходилъ ко всякому водопаду, и веселился преслѣдуя зрѣніемъ теченіе пріятной рѣки, которая протекала между деревами и въ безчисленныхъ кривизнахъ напаяла обширную страну. Въ сихъ забавахъ часы непримѣтно проходили; удалявшись часто отъ дороги, Обидагъ не могъ уже ея вспомнить, и не зналъ, въ которую сторону итти ему должно. Онъ остановился въ задумчивости и смущеніи; боялся итти далѣе, чтобъ не заблудиться, но видѣлъ, что не было уже времени медлить. Между тѣмъ, какъ еще мучила его сія неизвѣстность, небо покрылось облаками, день

сокрылся отъ глазъ его, и вдругъ непогода наступила. Тогда опасность принудила его скоро и съ горестію вспомнить о своемъ неразуміи; тогда увидѣлъ онъ, сколько человѣкъ теряетъ благополучія, повинуясь склонности къ покою; оплакивалъ лѣностную нетерпѣливость, побудившую его искать въ лѣсу прикрытія; возненавидѣлъ безконечное любопытство, привлекавшее его отъ забавы къ забавѣ. Такимъ образомъ размышлялъ онъ; но вдругъ воздухъ помрачился, и громовой ударъ прервалъ его размышленіе.

Напослѣдокъ рѣшился онъ сдѣлать все то, что еще могъ, и итти обратно по своей тропинкѣ, дабы испытать, не можетъ ли изъ лѣсу выйти. Онъ повергся на землю и предалъ жизнь свою въ волю Царя натуры. По томъ всталъ, исполненъ упованія и успокоенія, и взялъ саблю свою въ руку; ибо дикіе звѣри въ пустынѣ начали уже подниматься, и отвсюду слышанъ былъ смѣшенный ревъ ярости и страха, опустошенія и смерти. Всѣ ужасы мрака и уединенія окружали его; вѣтры ревели въ лѣсахъ, и рѣки свергаясь съ горъ шумѣли.

Лишенный всякой помощи, въ смущеніи шелъ онъ пустынею, не зная самъ,

куда

куда идетъ, и со всякимъ мгновеніемъ къ спасенію ли, или къ погибели приближается. Наконецъ не страхъ, но трудъ, началъ преодолѣвать его; дыханіе его ослабѣло, колѣни дрожали, и онъ намѣренъ уже былъ лечь и совсѣмъ предаться судьбѣ своей, какъ вдругъ увидѣлъ сквозь малиновые кусты блескъ горящей свѣчи. Онъ пошелъ къ сему свѣту и увидѣлъ, что оный былъ въ пустынническої хижинѣ; попросилъ съ униженностію, чтобъ его впустили въ хижину, и былъ впущенъ. Престарѣлый пустынникъ поставилъ предъ него ту пищу, которую для себя собралъ; Обидагъ насладился ею и благодарилъ старца.

„Скажи мнѣ, говорилъ пустынникъ, какъ онъ уже насытился: „какимъ слу„чаемъ заведенъ ты сюда? Двадцать „уже лѣтъ живу я въ сей пустынѣ, и „никогда еще не видалъ въ ней ни одно„го человѣка.„ Обидагъ разсказалъ ему свое приключеніе, ничего не скрывая и не стараясь прикрасить.

„Сынъ мой, сказалъ пустынникъ: „заблужденія и неразуміе, опасности и „щастливое спасеніе твое сего дня, да „содѣлаютъ глубокое впечатлѣніе въ тво„емъ сердцѣ. Представь себѣ жизнь че-

„ловѣческую дневнымъ путешествіемъ.
„Утромъ юности всшаемъ мы съ новою
„силою и исполнены ожиданія. Отпра-
„вляемся въ путь съ живостію и наде-
„ждою, съ веселіемъ и ревностію, и идемъ
„нѣсколько времени по узкой стезѣ добро-
„дѣтели къ обителямъ спокойствія.
„Вскорѣ по томъ ревность наша ослабѣ-
„ваетъ, и мы стараемся найти облегче-
„ніе должностей нашихъ и какіе нибудь
„удобнѣйшіе способы къ достиженію той
„же цѣли. По томъ ослабѣваемъ во бди-
„тельности нашей, предпріемлемъ не
„страшиться уже пороковъ, въ нѣкото-
„ромъ отдаленіи показывающихся, пола-
„гаемся на твердость свою, и дерзаемъ
„приближиться къ тому, до чего нико-
„гда не касаться вознамѣрились. И такъ
„вступаемъ въ сѣнь нѣги и покоимся въ
„тѣни безпечности. Тамъ сердце наше
„размягчается и бдительность засыпа-
„етъ. По томъ возбуждается въ насъ
„желаніе испытать, не можемъ ли еще
„пройти нѣсколько далѣе, не можемъ ли
„по крайней мѣрѣ взоры наши обратить
„на садъ удовольствія. Приближаемся
„къ нему безъ заботы и сомнѣнія; вхо-
„димъ въ него, но входимъ съ боязли-
„востію и трепетомъ, и надѣемся прой-

„ти

„ми чрезъ него не удаляясь никогда отъ „стези добродѣтели, ибо сначала нѣ„сколько времени еще не теряемъ ее изъ „виду и хотимъ къ ней возвратиться. „Но искушеніе послѣдуетъ за искушені„емъ, и уступая одному, пріуготовля„емъ себя къ другому; современемъ те„ряемъ блаженство невинности, и ути„шаемъ безпокойство наше чувственны„ми забавами. Мало по малу доброволь„но позабываемъ первое наше намѣреніе „и оставляемъ тотъ предметъ, который „одинъ разумнаго желанія достоинъ. За„путываемъ себя въ дѣлахъ; ввергаемся въ „роскошь, и скитаемся по лабиринтамъ „непостоянства, пока ночь старости „насъ застигнетъ, и болѣзнь и скорбь „воспретятъ намъ итти далѣе. Тогда „съ омерзѣніемъ, печалію и раскаяніемъ „обращаемъ взоръ на прошедшую жизнь, „и желаемъ, чтобъ никогда не оставляли „мы путей добродѣтели. Но часто же„ланіе сіе бываетъ уже тщетно. Ща„стливы тѣ, сынъ мой, которыхъ при„мѣръ твой научитъ не отчаиваться, „но помнить, что хотя день уже про„шелъ и силы ихъ истощились, одна„кожъ осталось еще покушеніе, на кото„рое должно имъ отважиться; что въ

„обра-

„обращеніи никогда отчаиваться не дол-
„жно, и что усердныя стараніа никогда
„безъ помощи не остаются; что стран-
„никъ, долго заблуждавшись, можетъ на-
„конецъ возвратиться, и что испраши-
„вающій себѣ укрѣпленія и ободренія свы-
„ше, откроетъ себѣ путь сквозь опа-
„сности и трудности. Теперь пойди
„успокоиться, сынъ мой! Предайся по-
„печенію Всемогущества. Когда же ут-
„ро паки позоветъ тебя къ трудамъ,
„начни снова твое путешествіе и жизнь
„твою. „

Отеческая любовь и правосудіе.

Одинъ купецъ, выбранный въ 1526 году главнымъ судьею въ Ирландскомъ городѣ Галвеѣ, отправилъ сына своего съ кораблемъ въ Билбоу *) для покупки вина. Имѣвши уже нѣсколько лѣтъ дѣла въ семъ городѣ, онъ пріобрѣлъ себѣ тамъ великой кредитъ. Сынъ его воспользовался симъ обстоятельствомъ, и утаилъ деньги, данныя ему отъ отца на покуп-
ку

*) Большой торговой городъ въ Испаніи.

ку вина. Испанской купецъ, съ которымъ онъ сторговался, послалъ съ нимъ въ Ирландію своего племянника для полученія денегъ и для постановленія нужныхъ условій по ихъ дѣламъ. Оба молодые люди, которые были почти равныхъ лѣтъ, отправились изъ Испаніи, повидимому съ тѣмъ удовольствіемъ, какое согласныя души обыкновенно чувствуютъ, находясь въ одинакихъ обстоятельствахъ. Чистосердечный и благородно мыслящій Испанецъ чувствовалъ живо всю пріятность благополучія, котораго надѣялся онъ отъ союза съ новымъ своимъ другомъ. Путешествіе ихъ продолжалось безъ всякаго препятствія и безопасно; они приближались уже къ берегамъ Ирландскимъ. По прибытіи въ Галвей обману молодаго Ирландца надлежало открыться. Для предупрежденія сего, онъ принялъ ужасное намѣреніе погубить своего друга. Выведавъ мысли своихъ спутниковъ, склонилъ онъ ихъ на свою сторону отчасти обѣщаніями, отчастижъ угрозами. Ночью схватили нещастнаго Испанца съ постели и бросили въ море.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ того корабль прибылъ въ Ирландію. Молодой

дой преступникъ принятъ былъ отцомъ его и родственниками съ радостію, и вскорѣ по томъ получилъ немалый капиталъ на заведеніе собственнаго торгу. Онъ не опасался, чтобъ злодѣйство его открылось, и въ сей надеждѣ былъ спокоенъ. Онъ вознамѣрился жениться на дочери одного изъ своихъ сосѣдей. День брака ихъ былъ уже назначенъ, какъ одинъ изъ матрозовъ, участвовавшихъ въ его злодѣйствѣ, занемогъ, и чувствуя приближеніе смерти, призвалъ къ себѣ отца его и разсказалъ ему о семъ ужасномъ дѣлѣ со всѣми обстоятельствами. Долго стоялъ нещастный отецъ безмолвенъ отъ ужаса и горести. „Должно удовлетворить правосудію!„ вскричалъ онъ наконецъ, и немедленно приказалъ захватить своего сына съ прочими его сообщниками, и отвести въ темницу. Произведенъ былъ судъ; преступники всѣ признались, и вскорѣ по томъ жители Галвейскіе видѣли рѣдкое въ исторіи зрѣлище: отца судящаго и осуждающаго на смерть сына своего. — „Естьлибъ кто либо другой, говорилъ онъ, а не твой нещастный отецъ, „былъ твоимъ судіею, я со слезами „просилъ бы тебѣ пощады, хотя и

„оскверн-

„оскверниль ты жизнь свою убійствомъ;
„но я самъ судилъ тебя — и ты
„долженъ умереть! Вотъ послѣднія мои
„слезы; онѣ погасятъ тлѣющую искру
„отеческой любви. Моли Небо, чтобъ
„оно тебя убійцу не лишило вконецъ
„милосердія своего.„ —

По томъ отвели преступника обратно въ темницу, и день казни вскорѣ былъ назначенъ. Всѣ граждане, которыхъ числомъ было около трехъ тысячь, ожидали онаго съ удивленіемъ и печалію. Родственники осужденнаго неотступно упрашивали отца пощадить его. Мать его взяла прибѣжище къ своей роднѣ, и склонила нѣкоторыхъ къ то.у, что они обѣщали спасти жизнь сына ея; они хотѣли силою освободить его изъ тюрмы. Но отецъ, узнавъ о семъ, приказалъ привести его въ свой домъ, который окруженъ былъ караульными. Палачь долженъ былъ въ его присутствіи наложить веревку на шею осужденному. „Тебѣ остается жить уже
„нѣсколько минутъ, сынъ мой! говорилъ отецъ: „употреби ихъ ко спасе-
„нію души своей. Твой нещастный
„отецъ обнимаетъ тебя въ послѣдній
„разъ.„

„разъ.„ — Веревка прикрѣплена была къ окошку, и чрезъ нѣсколько минутъ казнь была совершена.

Нравоучительныя изреченія.

Избери самой лучшій путь жизни: привычка сдѣлаетъ его и самымъ пріятнѣйшимъ.

Смотря на чужіе недостатки, благоразумные люди свои собственные исправляютъ.

Удовольствія умѣреннаго человѣка прочны, ибо порядочны; вся жизнь его тиха и спокойна, ибо невинна.

Никакое состояніе не дѣлаетъ безчестія человѣку, въ немъ находящемуся; но человѣкъ наноситъ иногда безчестіе тому состоянію, въ которомъ онъ находится.

Острота весьма полезна, естьли служитъ въ помощь здравому разсудку; но весьма вредна, естьли заступаетъ его мѣсто.

Человѣкъ безъ благоразумія, пріобрѣтающій знанія, пріобрѣтаетъ ихъ къ своему вреду: онъ получаетъ съ ними только болѣе способовъ открывать свой недостатокъ.

НѢчто изъ практической философіи. (*)

Довольные и веселые люди въ самомъ дѣлѣ толь рѣдки въ мірѣ, что вопросъ: для чего ихъ не больше? всегда остается нужнымъ. Хотя находится великое множество такихъ, которые кажутся совершенно довольными, и можетъ быть сами то о себѣ думаютъ, которыхъ дни проходятъ въ забавахъ и радости, и которыхъ душа всегда расположена къ чувствованію пріятности веселаго смѣха. Но наблюдая сихъ людей долѣе, усмотришь, что лѣта веселости скоро проходятъ; на мѣсто удовольствія вступаетъ угрюмость, на мѣсто рѣзвыхъ шутокъ жалобы на міръ и участь свою. Казавшееся толь долго постояннымъ удовольствіемъ было не иное что, какъ упорное легкомысліе, которое всякому важному размышленію заграждало входъ въ сердце, не допускало къ себѣ размышленія, всегда хватало только настоящія минуты, естьли онѣ представ-

(*) Изъ нѣмецкаго еженедѣльнаго изданія: Wöchentliche Unterhaltungen über die Erde und ihre Bewohner.

ляли имъ пріятности, и старалось заглушать чувствованіе возбуждавшееся при досадныхъ опытахъ. Съ перваго взору сія веселость легкомыслія можетъ показаться достойною желанія; но кто разсмотритъ ее подробнѣе и тщательнѣе, тотъ никогда не захочетъ, чтобъ все его благополучіе въ ней только состояло. Естьли опредѣлено мнѣ прожить пятьдесятъ лѣтъ, то не пожелалъ бы я, чтобъ послѣдняя треть сего времени смѣшивала воспоминаніе первыхъ лѣтъ съ горечью; особливожъ, когда бы мнѣ надлежало вкушать горечь сію съ тѣмъ большею непріятностію, что прежде надѣялся я навсегда быть отъ нея свободнымъ. Тогда только сносилъ бы я и сіе терпѣливо, естьлибъ не было никакихъ способовъ предохранить себя отъ того: такъ, какъ вижу благоразумнаго старца сносящаго тяготы старости, ибо онъ знаетъ, что испытать ущербъ силъ въ вечеру жизни есть жребій человѣчества. Тогда только назвалъ бы я легкомысліе молодости благоразумнымъ, естьлибъ оно не похищало истиннаго наслажденія жизни, естьлибъ оно не дѣлало человѣка неспособнымъ къ такому наслажденію, и не открывало бы источниковъ страданія.

нія. Однакожъ опытъ противное тому показываетъ.

Кто сей человѣкъ, ходящій медленно и съ потупленными глазами въ тѣни уединенной липовой аллеи? Не Алцестъ ли, котораго за нѣсколько лѣтъ предъ симъ видалъ я подъ симижъ липами въ самомъ веселомъ кругѣ смѣющихся молодыхъ людей? Не онъ ли былъ тогда душею веселаго своего сообщества? Не всегда ли шутка была у него на языкѣ, улыбка на лицѣ, и рѣзвая радость въ сердцѣ? Не былъ ли онъ богатъ, здоровъ, любимъ въ кругѣ своихъ знакомыхъ? Отъ чегожъ сія перемѣна? — Это Алцестъ; онъ самъ, но нравъ его уже не тотъ. Онъ поставилъ себѣ за правило, наслаждаться жизнію въ полной мѣрѣ. Часто говаривалъ онъ: „источникъ веселія неисчерпаемъ; я буду изъ него насыщаться!„ Онъ и сдержалъ свое слово, сколько отъ него зависѣло. Въ томъ только онъ ошибся, что способность свою къ наслажденію почиталъ столь же неисчерпаемою, какъ и источникъ веселія. Чувства его притупѣли; пылающій жаръ воображенія погасъ; нервы, дотолѣ однимъ только удовольствіемъ потрясаемыя, утомились. Сіи липы доставляютъ

такуюжъ прохладную тѣнь, какъ и прежде; цвѣты ихъ такой же пріятный запахъ испускаютъ; въ рощахъ такоежъ радостное пѣніе слышно; въ собраніяхъ молодыхъ людей такой же громкой смѣхъ веселія раздается; міръ такъ же прекрасенъ, какъ и прежде: — но уже не для Алцеста. Дотолѣ всегда наслаждался онъ удовольствіемъ, которое какъ бы само себя ему представляло; но тогда началъ онъ уже искать удовольствія. Рѣдко находилъ онъ его тамъ, гдѣ найти завѣрное полагалъ. Скоро наступило и такое время, когда удовольствіе отъ него убѣгало, и казалось, убѣгало тѣмъ быстрѣе, чѣмъ ревностнѣе онъ преслѣдовать его старался. Онъ думалъ, что называемое удовольствіемъ можно гдѣ нибудь *купить*. Онъ покупалъ по нѣскольку изъ всего того, что только за деньги достать можно, одно послѣ другаго: купилъ сперва великолѣпный домъ, по томъ прекрасный садъ, картинъ, книгъ, а наконецъ и друзей.

Домъ въ самомъ дѣлѣ весьма веселилъ его почти съ полгода; но по томъ всѣ комнаты приведены были въ порядокъ, всѣ прекрасные комоды, софы, зеркала, люстры и ковры были на своемъ мѣстѣ. Всѣ знакомые ихъ видѣли, при

хозя-

хозяинѣ хвалили, а заочно изъ зависти пересмѣхали. Алцестъ на все довольно насмотрѣлся; и только изрѣдка приходилъ иногда посторонній человѣкъ, который напоминалъ ему, что домъ его убранъ великолѣпно; а наконецъ Алцестъ, ходя по прекрасному полу, думалъ только о томъ, что на немъ легко поскользнуться можно.

То же было и съ садомъ, или по крайней мѣрѣ не лучше. Прежній хозяинъ любилъ искусно подчищенныя шпалерки, фигурные цвѣтники, усыпанныя разноцвѣтными камышками площадки. Алцестъ завелъ густые кустарники, кривыя дорожки, скрытые холмы, неожидаемые виды. Цѣлое лѣто занимался онъ тѣмъ, чтобъ понуждать работниковъ, описывать своимъ знакомымъ, какъ все у него въ саду быть должно, и располагать то въ своемъ воображеніи. Онъ отдалъ бы половину своего имѣнія за то, чтобъ не было зимы. Стужа никогда не бывала для него столь жестока; казалось ему, что зима прежде никогда столько не продолжалась. Куда онъ ни приходилъ, вездѣ жаловался на морозы, которые препятствовали садовой работѣ.

По щастію, возвратился въ то время изъ путешествія одинъ его знакомой, который видѣлъ около пятидесяти прекрасныхъ городовъ, болѣе седми славныхъ картинныхъ галлерей, и вытвердилъ наизустъ имена слишкомъ пятидесяти живописцовъ. Сначала Алцестъ досадовалъ на то, что путешественникъ со своими разсказами не допускалъ его навѣдаться отъ знающихъ людей, можно ли ожидать теплой весны. Но мало по малу начало ему казаться, что не дурно имѣть картины; особливожъ, какъ путешественникъ упомянулъ нѣкогда при случаѣ, что одинъ принцъ занялъ расположеніе прекрасной части саду своего изъ Берггемова ландшафта. Алцестъ накупилъ себѣ ландшафтовъ, и какъ не могъ доставать довольно живописныхъ, то выписывалъ дюжинами гравированные. Мѣсяца въ три имѣлъ онъ уже великое множество эстамповъ, и зналъ имена славныхъ мастеровъ ихъ наизустъ, какъ азбуку. Наступила весна. Эстампы совсѣмъ были забыты. Въ саду Алцестъ отдалъ садовнику на волю, дѣлать что хочетъ. Ничто не было сдѣлано такъ, какъ онъ располагалъ. „О небо! говорилъ онъ самъ съ собою, не уже ли нѣтъ никакого способа избавиться отъ скуки?„

Про-

Противъ его дому жилъ небогатой неловѣкъ, который мало выходилъ со двора, и казалось, всегда былъ веселъ. Алцесту не много труда стоило узнать, въ чемъ тотъ проводилъ время съ такою пріятностію. Поутру и въ вечеру видалъ онъ его сидящаго съ книгою у окошка. „Изрядно! сказалъ Алцестъ: накуплю себѣ книгъ, и стану читать!„ Алцестъ не былъ столько безразсуденъ, чтобъ всѣ книги безъ разбору почитать годными. Онъ требовалъ совѣта у одного ученаго человѣка, какихъ книгъ ему купить. Философы и стихотворцы, историки и замысловатые писатели, описанія путешествій и журналы принесены были отъ книгопродавца. Два переплетчика день и ночь работали надъ прекрасными переплетами; ибо чѣмъ менѣе Алцестъ имѣлъ удовольствія, тѣмъ нетерпѣливѣе книгъ своихъ дожидался. Пять дней занимался онъ чтеніемъ; но по прошествіи сихъ пяти дней онъ пересматривалъ у всѣхъ книгъ только надписи, во многихъ переверты валъ листы, въ нѣкоторыхъ прочитывалъ бѣгло первыя страницы, но ни въ одной не находилъ ничего такого, чѣмъ бы на цѣлой часъ могъ заняться. Философы казались ему угрюмыми фан-

тастами, которые умствованіемъ своимъ хотѣли лишить людей всякаго удовольствія; стихотворцы пустомелями, разсказывающими небылицу о любви и винѣ; историки скучными разскащиками такихъ приключеній, которыхъ знать ни малой нужды ему не было; замысловатые писатели бѣдняками, которыхъ замыслы никого, кромѣ самихъ ихъ, смѣяться не заставляли; описанія путешествій были для него скучны, ибо онъ почиталъ сочинителей ихъ надмѣнными болтунами, которые думали, что для всякаго невѣдомо сколь важно знать, гдѣ они пили лучшее вино, гдѣ дали имъ лѣнивыхъ лошадей, гдѣ имъ было скучно, и самую грубую ложь принимали за правду; журналисты были ему совсѣмъ несносны, по тому, что онъ изъ надписей книгъ ихъ не могъ угадывать содержанія.

Онъ предпринялъ, въ другой разъ прибѣгнуть къ сообществу, которое прежде столько удовольствія ему приносило; но не къ прежнему его сообществу, занимавшемуся легкомысленными шутками, необузданнымъ смѣхомъ, насмѣшками, танцами, и прочими подобными забавами. Все сіе ему омерзѣло; ибо онъ давно уже испыталъ сіи забавы во всей

ихъ полнотѣ. Имѣть нѣсколько друзей, которымъ могъ бы онъ съ довѣренностію открывать свое сердце, съ которыми могъ бы разговаривать о матеріяхъ заслуживающихъ вниманіе, изливать предъ ними негодованіе свое на мірскую превратность: — вотъ что почиталъ онъ единственнымъ способомъ къ прогнанію скуки и къ наполненію пустоты въ сердцѣ. „Не можетъ статься, думалъ онъ, чтобъ я не нашелъ сообщества: столъ мой всегда будетъ покрытъ лучшимъ кушаньемъ, дорогими винами, рѣдкими плодами; я буду стараться предупреждать желанія гостей моихъ; буду приглашать къ себѣ только такихъ людей, которымъ пріятно быть вмѣстѣ другъ съ другомъ; часто буду доставлять имъ неожидаемыя увеселенія.„ Онъ не обманулся: много было такихъ людей, которые у него обѣдали и ужинали; но сообщества онъ не имѣлъ. Изъ двацати трехъ пріятелей, которыхъ онъ приглашалъ къ себѣ по порядку, чаще всѣхъ отзывались двое, тѣ самые, съ которыми бы онъ охотнѣе желалъ быть вмѣстѣ, нежели съ прочими; когдажъ они и посѣщали его, то одному всегда случались недосуги, заставлявшіе его приходить

въ то время, какъ уже надобно было за столъ садиться, и прямо изъ-за стола уходить; у другова́жъ либо голова болѣла, либо нечаянно отзывали его домой. Прочіе по большей части, казалось, ничего инаго не знали, какъ только ѣсть и пить, или хвалить кушанье и вино; иныхъ же разговоры вскорѣ стали Алцесту почти столь же несносны, какъ и его книги. Скоро всѣ пріятели его оставили, кромѣ нѣкоторыхъ, которые изъ дружбы къ нему наѣдались и напивались за его столомъ, одобряли все, что онъ ни говорилъ, смѣялись при его замыслахъ, когда только возможно было, естьлижъ ничего уже болѣе не оставалось дѣлать, то съ непоколебимою твердостію зѣвали. Весьма естественно, что сіи друзья были ему въ тягость, и онъ старался избавиться отъ нихъ, чего бы то ни стоило. Докторъ подалъ случай къ тому, предписавъ Алцесту, пить Пирмонтскую воду въ деревнѣ. Но Алцестъ почти поколебался было въ своемъ намѣреніи; ибо какъ онъ объявилъ друзьямъ своимъ, что долженъ на нѣсколько недѣль съ ними разстаться, то всѣ они начали жаловаться на сію печальную разлуку. Алцестъ имѣлъ столь-

ко

ко суетности, что почелъ сіи жалобы въ самомъ дѣлѣ происходящими отъ сердца, или думалъ, что привязанность къ нему и къ обращенію съ нимъ заставляетъ ихъ жаловаться. Онъ отложилъ отъѣздъ свой еще на недѣлю. Однакожъ наконецъ уѣхалъ.

Какъ скоро пріѣхалъ онъ въ деревню, то вновь возбудилась въ немъ надежда быть щастливымъ. Простое, но толь великое удовольствіе, доставляемое многоразличными красотами Натуры, было для него совсѣмъ еще ново, и по тому произвело сугубо живое впечатлѣніе въ его сердцѣ. Высокіе тѣнистые дубы, стоявшіе позади саду того дома, гдѣ онъ жилъ; небольшой чистой ручаекъ, протекавшій по камышкамъ съ тихимъ журчаніемъ; пространное поле, на которомъ Алцестъ въ первой еще разъ увидѣлъ зеленую рожь колеблющуюся отъ вѣтру подобно волнамъ; стада на пастбѣ и прыгающіе по травѣ ягняшки; лѣсныя птицы съ природнымъ ихъ пѣніемъ; самой чистой балсамный воздухъ, который при всякомъ дохновеніи, казалось, разливалъ по всѣмъ его нервамъ новую силу: — все сіе столь ново было для Алцеста, и имѣло въ себѣ столь много прелестна-

го

го для него, что онъ говорилъ самъ себѣ: „Для чего я не прежде узналъ блаженство деревенской жизни, и не ранѣе началъ ею наслаждаться, чтобы удовлетворить желанію пріятности и спокойствія, которыхъ понынѣ вездѣ тщетно я искалъ! Здѣсь, или въ другомъ подобномъ здѣшнему мѣстѣ, проведу остатокъ моей жизни!„ Но и сіе удовольствіе не долго продолжалось. Естьли вкусъ нашъ испорченъ, чувствованіе ослабло, и сердце отъ пресыщенія загрубѣло, то весьма трудно имъ находить себѣ долго пищу въ простомъ удовольствіи. Натура многоразлична, но только для того, кто еще имѣетъ чувство для ея красоты, чьи нервы могутъ еще потрясаемы быть тихимъ прикосновеніемъ, кто еще способенъ къ наблюденію предметовъ порознь и ко внутреннему согласію съ натуральными сценами. Безъ сего жъ можно живо быть тронуту первымъ впечатлѣніемъ простыхъ красотъ; но все удовольствіе, ими доставляемое, скоро истощается. По сей-то причинѣ люди, потерявшіе вкусъ въ простыхъ красотахъ Натуры, скоро начинаютъ скучать посреди оныхъ, или по крайней мѣрѣ не находятъ ничего

чего страннаго въ томъ, чтобъ сѣсть за карты и надъ шпадиліею позабыть дерева и ручьи, стада и эхо. Алцестъ обходилъ всѣ ближнія мѣста; зналъ, что въ одномъ мѣстѣ стояли дерева, въ другомъ журчалъ источникъ, въ третьемъ пасли стадо, и птицы вездѣ одинакія свои пѣсни повторяли. Онъ видѣлся и говорилъ съ сосѣдями: странной ихъ выговоръ смѣшонъ ему казался; онъ видѣлъ крестьянскихъ рабятъ играющихъ въ травѣ и въ пескѣ, и неопрятность ихъ была ему противна; онъ смотрѣлъ, какъ земледѣльцы въ полѣ работали, и зналъ, что жизнь ихъ тягостна; даже сдѣлалъ онъ себѣ столько принужденія, что всталъ однажды до восхожденія солнца, чтобъ видѣть утреннюю зарю. Что жъ еще ему оставалось? „Вчера было то же, говорилъ Алцестъ самъ себѣ, что и третьяго дни, сегодни то же, что вчера, и завтра то же будетъ. Все одно! это несносно.„ Естьлибъ не оставалось ему допить еще нѣсколько кувшиновъ Пирмонтской воды, то чрезъ девять или чрезъ десять дней онъ немедленно возвратился бы въ городъ, что и для здоровья его, и для душевнаго расположенія, было бы столь

же

же хорошо, какъ и остаться въ деревнѣ. Ибо съ того времени предписанныя прогулки казались ему мученіемъ, которому онъ долженъ былъ подвергать себя для того, что докторъ сего требовалъ; жуки и осы жужжали вокругъ головы его; какъ скоро выходилъ онъ изъ комнаты, что причиняло ему смертельную досаду; рано поутру было для него холодно, въ полдень жарко, въ вечеру сыро; шумъ листьевъ, движимыхъ вѣтромъ, напоминалъ ему шумъ за большими столами, и возбуждалъ омерзѣніе. Въ дополненіе неудовольствія его, зашедши нѣкогда въ задумчивости далеко въ поле, онъ застиженъ былъ грозою и дождемъ. Брань и досада были безполезны; дождь промочилъ его до тѣла, и онъ опасался лихорадки. Онъ приказалъ, чтобъ на другой день поутру коляска его была готова, и возвратился въ городъ.

Посреди шуму многолюдства, на одной изъ самыхъ большихъ улицъ, посреди публичныхъ веселостей, Алцестъ живетъ какъ пустынникъ. Естьлибъ докторъ не угрожалъ ему продолжительными болѣзнями и неизбѣжною смертію, то онъ не выходилъ бы никогда изъ дому, гдѣ онъ занимается только счи-

сле-

ѣленіемъ имѣнія своего, сметою годовыхъ издержекъ впредь, пересматриваніемъ старыхъ счетовъ, и вычисленіемъ, на сколько въ двацать лѣтъ обманутъ онъ былъ своими слугами. По щастію, во всѣхъ его дѣлахъ столько безпорядка, онъ же столь неспособенъ къ разсчетамъ, что сего упражненія, мало отъ праздности отличающагося, достанетъ ему еще на двацать лѣтъ. Въ хорошую погоду ходитъ онъ послѣ обѣда одинъ въ сихъ аллеяхъ; всякой день выбираетъ одну дорогу; не любитъ, чтобъ ему кланялись, а еще болѣе, чтобъ начинали съ нимъ говорить. На лицѣ его изображается горчайшее неудовольствіе; но сіе изображеніе на лицѣ едва ли столь сильно, какъ чувствованіе онаго въ его сердцѣ.

Алцестъ нещастенъ, хотя по видимому не имѣетъ недостатка ни въ чемъ потребномъ для щастливой жизни. Читая исторію его неудовольствія, не можно иногда удержаться отъ смѣха; но также не возможно и не сожалѣть о немъ. Онъ подобенъ человѣку борющемуся съ волнами, который вездѣ, гдѣ ни пристаетъ, находитъ не болѣе отдохновенія, какъ сколько ему необходимо нужно, чтобъ

чтобъ не утонуть въ ту самую минуту. Естьлибъ одинъ только Алцестъ былу въ Натурѣ, то не стоило бы труда, разсуждать о немъ и о причинахъ его участи, по крайней мѣрѣ не было бы отъ того никакой иной пользы, кромѣ удовлетворенія склонности нашей къ умствованію. Но вездѣ находятся подобные Алцесту, и въ большемъ числѣ, нежели обыкновенно думаютъ. Вездѣ находятся люди, которые истощаютъ силы свои, гоняясь за удовольствіемъ, и никогда его не достигая; которые всегда воздыхаютъ о томъ, что обманулись въ своей надеждѣ, но не хотятъ изслѣдовать, не въ самомъ ли свойствѣ надежды ихъ содержится причина ихъ жалобъ. Предпримемъ вмѣсто ихъ сіе изслѣдованіе, дабы предохранить по крайней мѣрѣ себя отъ ихъ заблужденія, естьли имъ помочь не можемъ.

(*Продолженіе будетъ впредь.*)

Нѣчто изъ практической Философіи.

(Продолженіе.)

Когда ни разсуждаю объ Алцестѣ и подобныхъ ему, всегда вывожу изъ того слѣдующее простое правило: *Человѣкъ непремѣнно бываетъ нещастенъ, естьли поставляетъ цѣлію бытія своего только удовольствіе чувствъ и удовлетвореніе страстямъ своимъ.*

Я оставляю нравоучителямъ доказывать, что такое непрестанное ловленіе удовольствія не достойно человѣка и противно его опредѣленію. Имъ легко будетъ показать, что благосостояніе человѣческаго общества тогда только твердо быть можетъ, когда каждой членъ со своей стороны напряженіемъ силъ своихъ споспѣшествуетъ общей пользѣ; что для сего самаго мѣра силъ раздѣлена толь различно, и что никто не долженъ оставлять въ дремотѣ большую или меньшую часть ввѣренныхъ ему способностей. Моралисты представляютъ намъ, что примѣтная разность между прочими животными и человѣкомъ есть несомнѣнное указаніе Творца натуры нашей на то, что мы сотворены для бла-

городнѣйшаго дѣйствованія, чего не исполняя, самовольно спускаемся съ вышшей степени, на которую мы поставлены. Они показываютъ, что мы имѣемъ обязанность, быть *полезными* членами человѣческаго общества, и что отъ сея обязанности ничто освободить насъ не можетъ. „Естьли ты, говорятъ они, имѣешь преимущества предъ подобными теб. человѣками въ богатствѣ, въ состояніи, въ большихъ дарованіяхъ, то получилъ ты большій капиталъ въ заемъ, и долженъ тѣмъ болѣе процентовъ съ онаго платить. Самыя сіи преимущества приводятъ тебя въ состояніе дѣлать болѣе пользы ближнимъ твоимъ; они подаютъ тебѣ способы пріобрѣтать болѣе знаній, упражняться въ благороднѣйшихъ дѣлахъ, большія машины въ движеніе приводить, въ пространнѣйшемъ кругѣ дѣйствовать. И такъ что скажешь въ свое извиненіе, естьли при всемъ томъ дѣлаешь даже менѣе тѣхъ, которыхъ гораздо нижшими себя почитаешь?„ Моралисты доказываютъ, что мы поступили бы глупо и непростительно, естьлибъ лишили себя зрѣнія, либо завязывали себѣ глаза, въ томъ мнѣніи, что и съ употребленіемъ четы-

рехъ

рехъ только чувствъ прожить можно. Столь же, говорятъ они, глупо и непростительно пренебрегать и оставлять безъ употребленія благороднѣйшія душевныя силы, увѣряя себя, что и одного удовлетворенія чувствамъ и страстямъ въ жизни довольно.

Но я оставляю сіе и все прочее, что еще нравоученіе можетъ сказать для побужденія разумнаго человѣка къ благородной дѣятельности; и покажу, что человѣку надлежитъ внимать только гласу собственной своей пользы, дабы выйти изъ ложнаго мнѣнія, будто онъ удовольствіемъ чувствъ и страстей щастливъ быть можетъ. На сей конецъ разсмотримъ свойство сего удовольствія.

Вопервыхъ чувства наши не могутъ *всегда* наслаждаться. Пекущійся ревностно объ услажденіи своего вкуса можетъ дойти до того, что будетъ находить гораздо болѣе отрады во вкусной пищѣ, нежели прочіе, которые не для того живутъ, чтобъ ѣсть, но для того ѣдятъ, чтобъ жить; онъ можетъ получить навыкъ находить такую многоразличность въ пищѣ и питьѣ, которой другіе совсѣмъ не примѣчаютъ; онъ можетъ даже принудить желудокъ свой растяги-

ваться до ненатуральнаго пространства и вмѣщать въ себя такое множество пищи, которое другихъ въ удивленіе приводитъ. Но сіе искусство, такъ же, какъ и все въ мірѣ, имѣетъ предѣлы. Самой продолжительный обѣдъ долженъ когда нибудь кончиться. Самыя поворотливыя челюсти наконецъ устаютъ; самыя прочныя нервы вкуса наконецъ когда нибудь разслабѣваютъ и становятся нечувствительны. Самой протяжный желудокъ наконецъ наполняется. Человѣкъ можетъ много, естьли захочетъ, но не все; онъ можетъ ѣсть и пить долго, но не безпрестанно. Когдажъ сдѣлаетъ онъ все, что только ему возможно было, за симъ слѣдуетъ естьли не боль, то пустота, непріятность и омерзеніе.

Я не хочу говорить о томъ, что всякое чрезмѣрное употребленіе пищи и питья вредитъ здоровью, приводитъ въ слабость жизненныя силы и полагаетъ основаніе сокращенію жизни. (*) Упомяну

(*) Обыкновенно дѣлаютъ противъ сего возраженіе, что находятся невоздержные люди, которые почти всегда здоровы

ну только о тѣхъ тягостныхъ часахъ, обыкновенно слѣдующихъ за пресыщеніемъ, въ которые обращеніе жизненныхъ духовъ какъ бы прерывается, и по крайней мѣрѣ не возможно уже бываетъ долѣе наслаждаться любимымъ удовольствіемъ. Кто

ровы и доживаютъ до старости. Но при семъ возраженіи забываютъ, что такіе примѣры необыкновенны и вообще рѣдко случаются; забываютъ о гораздо превосходнѣйшемъ числѣ такихъ, которые умираютъ прежде, нежели натура ихъ къ неумѣренности привыкнетъ, и о большемъ еще множествѣ такихъ, которые всегда подвержены болѣзнямъ и претерпѣваютъ тысячи страданій, невоздержностію навлеченныхъ, хотя и приписываютъ оныя только случаю. Сверьхъ сего какою глубокою, бодрою и веселою старостію наслаждался бы при потребной умѣренности тотъ человѣкъ, котораго щастливый составъ былъ въ состояніи выдерживать такія разстройки, и который уже на шестидесятомъ году умираетъ отъ неваренія въ желудкѣ, могущаго еще на пятдесятомъ прекратить жизнь человѣка слабѣйшаго сложенія!

хочетъ жить только для удовольствія, тотъ самъ поступаетъ явно противъ своего предмета, приготовляя себѣ самымъ удовольствіемъ такіе часы. И то еще рѣдкое щастіе, естьли такое непріятное состояніе ограничивается только часами, естьли почасту не продолжается оно цѣлыя дни и недѣли.

То же бываетъ и съ прочими чувствами; ни которое изъ нихъ не способно къ безпрестанному наслажденію; всѣ они рано или поздно насыщаются, и чѣмъ болѣе пресыщены бываютъ, тѣмъ долѣе не позволяютъ имѣть новаго удовольствія. Самая прелестная музыка не занимаетъ можетъ быть никого со всею пріятностію болѣе часа (*). Чѣмъ прелe-

(*) Развѣ самого играющаго, или такого знатока, который въ состояніи не только пріятность тоновъ чувствовать, но и примѣчать превосходство искусства. Но человѣкъ, живущій только для удовольствія и ничего кромѣ увеселенія не ищущій, не можетъ быть ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ. Кто хочетъ научиться играть на какомъ либо инструментѣ

лестнѣе тоны для слуха, чѣмъ сильнѣе приводятъ они чувствованіе наше въ движеніе, чѣмъ сильнѣе потрясаютъ сердце, тѣмъ скорѣе перестаютъ приносить намъ удовольствіе. Когда напряженіе слуха отъ перваго сильнаго дѣйствія ослабѣетъ, то шумъ инструментовъ и голосъ самаго искуснѣйшаго пѣвца можетъ столь же усыпителенъ быть, какъ самое единообразное журчаніе водопада (*). Тѣ, которыхъ

ментѣ нѣсколько лучше, нежели посредственно, или кто хочетъ пріобрѣсть столько знанія въ музыкѣ, чтобъ быть въ состояніи судить о достоинствѣ компониста и виртуоза и совершенно чувствовать оное: тотъ долженъ употребить къ сему прилѣжаніе и труды. А я то и намѣренъ доказывать, что прочное удовольствіе только дѣятельностію пріобрѣтаемо быть можетъ.

(*) Спрашивали у одной госпожи, каково понравилось ей въ концертѣ. „ Очень „бы хорошо, отвѣчала она, естьлибъ „не досадная музыка; отъ нее иногда „и своихъ словъ не можно было слы„шать.„ Можно биться объ закладъ, что сія госпожа до тѣхъ поръ слушала музыку

рыхъ тонъ гармоники приводитъ въ восхищеніе, признаются, что отъ долгаго слушанія они устаавали; причиною жъ сего вѣрно была не одна медленная торжественность піэсъ, для какихъ только сей прелестный инструментъ удобенъ.

Кажется, что зрѣніе наше долѣе всѣхъ прочихъ чувствъ можетъ наслаждаться удовольствіемъ. Но главная причина сего есть то, что предметы, которыми зрѣніе занимается, доставляютъ упражненіе не одному только чувству, но и воображенію и благороднѣйшимъ душевнымъ силамъ. Одна игра цвѣтовъ безъ цѣли и значенія можетъ на короткое время быть пріятна зрѣнію, но послѣ теряетъ сію пріятность и не приноситъ уже

музыку со вниманіемъ, пока ей было возможно, и не прежде стала разговаривать, какъ уже сонъ началъ ее клонить По крайней мѣрѣ то вѣрно, что никакой человѣкъ, не будучи знатокъ въ музыкѣ, никогда еще не слушивалъ цѣлаго концерта съ неразвлекаемымъ вниманіемъ (то есть, ничего инаго не слушая, или ни на что иное не смотря).

уже никакого удовольствія. Кто въ состояніи смотрѣть безъ скуки нѣсколько часовъ сряду на радугу, или на зеленое поле, на усѣянный цвѣтами лугъ, на гряду покрытую прекрасными гіацинтами, аврикулами, или тюльпанами? Стоя на возвышенномъ мѣстѣ, мы наслаждаемся новымъ дальнимъ видомъ и веселимся многоразличностію предметовъ; но напослѣдокъ лишаемся охоты обозрѣвать его; и лѣса, деревни, города и поля, усмотрѣнныя чрезъ полчаса, доставляютъ намъ уже гораздо менѣе пріятности, нежели тогда, естьлибъ мы ихъ съ перваго взора увидѣли. Кто смотрѣлъ вдругъ большую картинную галлерею, или собраніе эстамповъ, тотъ по опыту знаетъ, что въ такомъ случаѣ чрезъ нѣсколько часовъ происходитъ хотя не то самое, но подобное тому чувствованіе, какое испытываютъ за большимъ столомъ, по утоленіи голода, когда начнутъ уже примѣчать излишество.

Въ разсужденіи прочихъ чувствъ едва ли нужно доказательство, что удовольствіе, доставляемое ими, весьма скоро прекращается, естьли посредствомъ ихъ

возбужаемо въ насъ бываетъ какое нибудь пріятное чувствованіе. Подошедши къ цвѣтамъ, услаждаемся ихъ запахомъ; но чрезъ нѣсколько минутъ едва уже примѣтно, что мы обоняемъ нѣчто пріятное; а современемъ обоняніе наше привыкаетъ къ пріятному запаху равно, какъ и къ вонючимъ испареніямъ. Но хотя бы и въ послѣдствіи находили мы столько жъ удовольствія въ пріятномъ запахѣ, сколько сначала; однако вѣрно нѣтъ въ мірѣ человѣка, который бы поставлялъ главное благополучіе свое въ наслажденіи благовоніемъ, и думалъ бы, что оно можетъ замѣнять ему какой нибудь важной недостатокъ.

То же происходитъ и въ разсужденіи осязанія. Пріятность, получаемая нами посредствомъ сего чувства, по большей части тогда только бываетъ довольно ощутительна, естьли прежде подвержены мы были непріятному чувствованію. Теплота тогда только приноситъ удовольствіе, естьли прежде страдали мы отъ стужи; тѣнь пріятна бываетъ тогда, когда мы терпимъ тягость жару; покой услаждаетъ только уставшаго. Послѣ первыхъ минутъ перехода

рехода изъ непріятнаго состоянія въ пріятное, мы становимся почти совсѣмъ нечувствительны къ послѣднему; или по крайней мѣрѣ радуемся оному только по сравненію настоящаго чувствованія съ прежнимъ.

И такъ ищущій только удовольствія чувствъ отчасти непремѣнно долженъ имѣть множество праздныхъ и непріятныхъ часовъ; отчасти при каждомъ наслажденіи становится болѣе или менѣе неспособенъ къ дальнѣйшему удовольствію; отчасти ведетъ такую жизнь, которая для него неудовлетворительна; отчастижъ рано или поздно сдѣлается онъ нечувствителенъ къ сему такъ называемому наслажденію жизни.

Удовлетвореніе страстямъ, не имѣющимъ самой близкой связи съ наслажденіемъ чувствъ, также не можетъ доставлять прочнаго, по справедливости желательнаго и ненарушимаго удовольствія.

Во первыхъ находится множество весьма сильныхъ страстей, которыя сами по себѣ уже тягостны, и слѣдовательно

тельно мучатъ предающагося имъ человѣка въ самое то время, когда имъ удовлетворяемо бываетъ. Къ симъ страстямъ принадлежатъ, напр., мстительность, гнѣвъ, зависть, и пр. Волнованіе крови въ гнѣвливомъ человѣкѣ, стремленіе всѣхъ силъ къ изъявленію негодованія, неизвѣстность, на что ему излить желчь свою — все сіе не можетъ доставлять пріятнаго состоянія. Блѣдность лица, дрожаніе членовъ, невольныя движенія тѣла, и прочіе наружные признаки, сопровождающіе высшую степень сея страсти, служатъ доказательствомъ, что и при меньшей степени оной тѣло должно претерпѣвать такое потрясеніе, съ которымъ чувствованію пріятности вкупѣ быть не возможно. Сильный мятежъ, происходящій при томъ въ душѣ, не допускаетъ ее заниматься радостными представленіями. Стараніе мстительнаго человѣка выдумывать способы, нанести оскорбленіе обидившему его, унизить своего непріятеля и привести въ такое состояніе, чтобъ онъ не могъ уже впредь дѣлать подобныхъ обидъ, — сіе стараніе всегда соединено бываетъ съ напоминаніемъ въ самомъ дѣлѣ полученной или

мни-

мнимой обиды, и слѣдовательно съ негодованіемъ, при которомъ никакого удовольствія имѣть не можно.

Пріятныя склонности и страсти хотя не имѣютъ сего тягостнаго свойства, однакожъ не суть чистые источники удовольствія. Они часто возбуждаютъ стремленіе въ душѣ, не доставляя ей удовлетворенія; часто обманываются въ предметахъ своихъ желаній; часто раждаютъ неудовольствіе; по большей же части и тогда оставляютъ пустоту въ сердцѣ, когда желаемое наслажденіе получаютъ. Я покажу, какъ сіе происходитъ съ одною только изъ сихъ страстей, а именно съ честолюбіемъ.

Честолюбивый желаетъ получать отъ другихъ знаки почтенія. Но можетъ ли онъ всегда окруженъ быть людьми усматривающими подлинныя его достоинства, или принимающими мнимыя его достоинства за дѣйствительныя? Онъ льстится надеждою, что славное имя его всякому должно быть извѣстно; но каждую минуту находитъ онъ такихъ людей, которые совсѣмъ о немъ не знаютъ, и которые въ присутствіи над-

мен-

меннаго славолюбиваго человѣка бываютъ совершенно равнодушны. Иногда сказываютъ ему учтивости, но не тѣ самыя, которыхъ бы онъ желалъ. Хвалятъ великолѣпное его платье; но онъ хотѣлъ бы, чтобъ остротѣ его удивлялись. Удивляются остроумному его разсужденію: онъ торжествуетъ; но тотчасъ торжество его прекращается, ибо вскорѣ по томъ хвалятъ другаго, котораго онъ почитаетъ соперникомъ въ своихъ достоинствахъ. Но положимъ, что онъ свободенъ отъ всѣхъ сихъ неудовольствій; положимъ, что все вокругъ его согласилось жертвовать его честолюбію, и что всякой имѣетъ столько остроумія и осторожности, чтобъ избѣгать всего могущаго удовольствіе его нарушить: тѣмъ хуже для него! Онъ не можетъ всякой день получать новаго приращенія почестей. Самой лестной и важной титулъ отзывается въ ушахъ его съ музыкальною пріятностію только дотолѣ, пока онъ не услышитъ его отъ всѣхъ своихъ знакомыхъ; но по томъ слушаетъ онъ звукъ сего титула съ такимъ же равнодушіемъ, какъ звукъ родоваго своего прозванія. Сверьхъ того хотящему наслаждаться существенною че-

честію надлежитъ поставлять предметомъ жизни своей что либо иное, а не одно только удовольствіе; ибо никого истинно за то не почитаютъ, что онъ во всю свою жизнь насвистываетъ веселыя пѣсенки, пьетъ хорошія вина, искусно прыгаетъ, или проводитъ все свое время подобно бабочкѣ. Ктожъ довольствуется только пустою честію, того и сердце непремѣнно останется при томъ пусто, и никогда не получитъ онъ ничего, кромѣ тѣни, которую ловитъ.

Размышленіе о свойствѣ прочихъ страстей и вниманіе къ опытамъ другихъ людей, иногдажъ и къ своимъ собственнымъ, могутъ увѣрить читателей моихъ, что удовольствіе, происходящее отъ удовлетворенія какой нибудь страсти, не въ состояніи доставить намъ чистаго и продолжительнаго наслажденія жизни, и занять сердце наше такъ, чтобъ мы при томъ чувствовали себя щастливыми. Особливожъ откроется имъ, что весьма сильныя желанія всегда приводятъ душу въ такое движеніе, что мы не можемъ соблюдать при томъ столько спокойнаго расположенія,

сколько

сколько нужно, дабы и другими удовольствіями довольно наслаждаться. И такъ минуты страсти по крайней мѣрѣ для другихъ удовольствій нашихъ пагубны. Онѣ напрягаютъ чувствованіе толь сильно, что слабѣйшее потрясеніе не можетъ уже для него быть примѣтно; отъ чего послѣ непремѣнно должна произойти въ сердцѣ пустота, и тѣмъ ощутительнѣйшая и тягостнѣйшая пустота, чѣмъ чаще оно прежде страстію возбуждаемо было.

(Окончаніе сообщено будетъ въ слѣдующемъ листѣ.)

Нѣчто изъ практическской Философіи.

(*Окончаніе.*)

Вѣроятно сдѣлаютъ мнѣ возраженіе, что доселѣ говорилъ я такъ, какъ бы человѣку, хотящему жить только для удовольствія, необходимо надлежало почерпать удовольствіе свое изъ *одного только* источника, и ограничивать наслажденіе жизни удовлетвореніемъ *только одному* которому нибудь чувству, или *одной только* какой либо страсти. „Но „я (скажетъ такой человѣкъ) весьма да„лекъ отъ того, чтобъ искать удоволь„ствія одному только зрѣнію моему, либо „вкусу, либо слуху, и пр. Нѣтъ, я хочу „срывать всякой цвѣтокъ, разцвѣтающій „предо мною; истощивъ одну забаву, „примусь за другую, которая мнѣ пред„ставится. Удовольствовавъ слухъ мой „музыкою, пойду къ благовонному цвѣт„нику; насладившись довольно тамъ, „буду шутить съ моими пріятелями, „танцовать, веселиться множествомъ уди„вляющихся мнѣ или завидующихъ, и „проведу вечеръ за хорошимъ ужиномъ. „Естьли останется еще праздный часъ, „то буду вымышлять планъ, какъ бы „унизить своего непріятеля; естьлижъ

„не удастся мнѣ произвести планъ мой „въ дѣйство, то по крайней мѣрѣ тому „буду радоваться, что довольно хорошо „его выдумалъ. Однимъ словомъ, я уже „постараюсь не имѣть недостатка въ „забавахъ!„

Разсмотримъ, удобенъ ли сей планъ жизни къ произведенію въ дѣйство, или нѣтъ; не есть ли онъ только порожденіе распаленнаго воображенія, не имѣющее ни малой твердости, и по тому изчезающее подобно тѣни, какъ скоро освѣщено бываетъ.

Ищущій увеселенія человѣкъ упоминалъ все о такихъ вещахъ, отъ которыхъ онъ надѣется удовольствія, при чемъ не имѣетъ онъ никакой опредѣленной цѣли, но хочетъ только вообще чѣмъ нибудь съ пріятностію заниматься. Для него совершенно равно, итти ли сперва въ концертъ, оттуда къ своимъ пріятелямъ, по томъ къ цвѣтнику, а по томъ уже танцовать; или дѣлать все сіе совсѣмъ въ иномъ порядкѣ. Ошибаюсь ли я, или не въ самомъ ли дѣлѣ есть сіе жизнь дѣтская? Дитя хочетъ что нибудь дѣлать, не для того, чтобъ сдѣлать

лать что нибудь, но чтобъ избавиться отъ скуки. По сей причинѣ оно безпрестанно играетъ; и для него почти все равно, какая бы игра ни была, только бы играть. Чѣмъ менѣе дитя, тѣмъ легче его удовольствовать: ключь, палочка, деревянной кружокъ, или какая либо другая подобная симъ простая вещь, можетъ занимать его чрезъ цѣлые часы. Но чѣмъ болѣе дитя становится, тѣмъ болѣе хочетъ имѣть перемѣны, и скорѣе начинаетъ чувствовать скуку даже и при самой забавной игрѣ; то есть: какъ скоро начнутъ въ немъ развиваться тѣ силы, посредствомъ которыхъ человѣкъ собственно достоинство свое получаетъ, то начинаетъ оно чувствовать, что оно не для игры только рождено. Оно ощущаетъ (хотя еще темно) потребности ума, и ищетъ удовлетворенія онымъ, котораго игра доставлять не можетъ. Человѣкъ можетъ искусствомъ продолжить свое дѣтство; но какъ бы ни старался, однакожъ никогда не дойдетъ до того, чтобъ во всю жизнь свою оставаться дитятемъ. Вопреки усильнымъ его стараніямъ наступитъ наконецъ такое время, въ которое онъ не въ состояніи будетъ довольствоваться игрою,

такъ же, какъ наступаетъ такое время, когда онъ требуетъ уже не молока своей кормилицы, но иной пищи. Естьлижъ онъ противъ натуры своей захочетъ только играть, то необходимо долженъ будетъ испытать то же, что всякое нѣсколько взрослое дитя чувствуетъ при прежнихъ своихъ играхъ: пустоту въ головѣ и въ сердцѣ. Сія пустота можетъ наполнена быть только такими упражненіями, при которыхъ имѣемъ мы какую нибудь *цѣль* и приближаемся къ оной каждымъ особливымъ дѣйствіемъ. Цѣль сія должна быть нѣчто *полезное*; дѣйствія сіи должны произходить *правильно*; или иными словами сказать: должно заниматься *дѣломъ*. Одно только чувствованіе потребности ума побуждаетъ насъ къ тому; и естьли мы не хотимъ удовлетворять оной, то непремѣнно подвергаемся мучительному чувствованію непріятности.

Число забавъ, которыми человѣкъ наслаждаться можетъ, не безконечно; и сколь бы велико ни было богатство, сколь бы выгодны ни были обстоятельства человѣка, посвящающаго всю жизнь свою удовольствію, однакожъ не можетъ онъ

онѣ сдѣлать неизмѣримымъ круга увеселеній, въ которомъ онъ обращается. Всегда будутъ случаться минуты, часы и даже цѣлые дни, въ которые будетъ недоставать ему предметовъ увеселенія посредствомъ чувствъ или страстей. Естьлижъ нѣсколько времени не случится сего недостатка, тѣмъ хуже для него: тѣмъ скорѣе наступитъ то время, въ которое почувствуетъ онъ омерзеніе ко всѣмъ забавамъ, наслаждавшись ими съ излишествомъ. Ибо сказанное выше сего о каждомъ чувствѣ и о страстяхъ особливо, что они способны къ наслажденію только до нѣкотораго предѣла, а по томъ разслабѣвать начинаютъ, — и о всѣхъ чувствахъ человѣческихъ вообще сказать должно: чѣмъ менѣе даемъ мы отдохновенія нервамъ, тѣмъ скорѣе онѣ лишаются силъ и перестаютъ служить намъ. И такъ живущему только для удовольствія человѣку въ обоихъ случаяхъ планъ его разрушается: естьли не находитъ онъ столько предметовъ удовольствія, сколько бы желалъ, то страдаетъ отъ скуки; естьлижъ находитъ, скоро будетъ жаловаться на омерзеніе.

Сверьхъ того человѣкъ, хотящій жить только для удовольствія, долженъ

довольствоватьсѧ какъ бы одною скорлупою многихъ забавъ, и не можетъ никогда наслаждатьсѧ самымъ ядромъ; ибо увеселен е, онымъ доставляемое, должно сперва пріобрѣтено быть прилѣжаніемъ и трудами. Естьли хочешь, чтобъ музыка доставляла тебѣ нѣчто болѣе одного только пріятнаго щекотанія уха: то надлежитъ стараться узнать правила гармоніи; надлежитъ самому учитьсѧ играть на какомъ либо инструментѣ, дабы прійти въ состоянїе понимать теорію сего искусства. Естьли хочешь не только по справедливости, но и съ полнымъ чувствованіемъ и во всемъ пространствѣ удивлятьсѧ Руисдалевымъ, Гакертовымъ и Дитериховымъ ландшафтамъ, или превосходнымъ картинамъ Рафаелевымъ, Корреджіевымъ и Тиціановымъ: то должно напередъ долго учитьсѧ Оптикѣ, Перспективѣ, слушать критическія изслѣдованія красоты, и проникнуть въ тайны живописнаго искусства, не для того, чтобъ быть въ состоянїи критиковать художниковъ, но дабы знать, что видишь, дабы разумѣть достоинство ихъ искусства, и смотрѣть картинную галлерею съ такимъ же восхищеніемъ, съ какимъ читаетъ превосходнаго стихотворца

творца тотъ, кто нѣсколько лѣтъ учился разумѣть сего стихотворца. Хочешь ли находить удовольствіе въ чтеніи: надлежитъ сперва учиться Грамматикѣ, узнать богатство языка, и съ трудомъ пріобрѣсти множество знаній, дабы тысячи красотъ въ писателѣ, и при томъ еще самыхъ тонкихъ, не оставались для тебя тщетными. Хочешь ли почерпать удовольствіе изъ обращенія съ такими людьми, которыхъ разговоры въ самомъ дѣлѣ подавали бы пищу уму и сердцу твоему: надлежитъ обогатить разумъ свой знаніями и размышленіемъ изострить, однимъ словомъ, образовать духъ свой. Короче сказать, никакимъ увеселеніемъ, содержащимъ въ себѣ по самому его свойству нѣчто болѣе одного только пріятнаго потрясенія чувствъ, не возможно наслаждаться въ полной мѣрѣ, естьли способность наша къ наслажденію не возвышена сперва какими либо трудами. И такъ по сей уже одной причинѣ человѣку, хотящему жить въ мірѣ только для удовольствія, благоразуміе совѣтуетъ: „не убѣгай трудовъ, дабы могъ ты болѣе удовольствіемъ наслаждаться.„

Послѣ работы душа наша чувствуетъ удовольствіе гораздо живѣе. Занимающемуся дѣлами человѣку и то уже пріятно, когда онъ послѣ трудовъ отдохновеніе получаетъ. Онъ и въ томъ уже находитъ удовольствіе, что напряженіе силъ его прерывается, и тѣмъ удобнѣе довольствуется какою либо забавою. Чувства его не привыкли къ сильному потрясенію и отъ онаго не притупѣли: по чему и не имѣетъ онъ нужды въ искусственныхъ способахъ къ возбужденію оныхъ. Какой нибудь источникъ удовольствія для него всегда открытъ бываетъ. Естьли погода позволяетъ ему выйти въ поле: и сіе для него уже забава. Вмѣсто тѣсной комнаты, въ которой трудился надъ своими дѣлами, видитъ онъ предъ собою пространный храмъ натуры; вмѣсто сжатаго воздуха, дыхаетъ онъ тамъ воздухомъ чистымъ, и купно съ онымъ вбираетъ въ себя живительные пары. Зрѣніе его укрѣпляется видомъ свѣжихъ луговъ; простое пѣніе птицъ кажется ему прелестною музыкою. Однимъ словомъ, въ немъ происходитъ чувствованіе пріятности, составляемое множествомъ простыхъ ощущеній, къ которому человѣкъ, только за

удо-

удовольствіемъ гоняющійся, не способенъ, по причинѣ великой разности простоты сего чувствованія съ принужденными и только искусствомъ производимыми забавами, къ какимъ онъ привыкъ. Въ семъ случаѣ со всѣмъ чувствованіемъ бываетъ то же, что со вкусомъ. Воздержному человѣку, соблюдающему здоровье свое работою, простая пища вкусна; она питаетъ его и укрѣпляетъ силы его столько, что онъ снова можетъ употреблять ихъ къ трудамъ, а по томъ паки наслаждаться отдохновеніемъ. Но лакомому человѣку, котораго вкусъ привыкъ уже отъ пряныхъ зелій, простая пища не пріятна; онъ ѣстъ не для утоленія голоду, по чему и не довольно для него того, чѣмъ только голодъ утоляется; онъ не истощаетъ работою питательныхъ соковъ, получаемыхъ отъ пищи, и по тому онъ бываетъ еще какъ бы полусытъ, когда приходитъ время ѣсть въ другой разъ.

Занимающійся дѣлами человѣкъ принимаетъ участіе въ общежитіи. Онъ не можетъ быть равнодушенъ ко всѣмъ подобнымъ ему человѣкамъ, такъ, какъ тотъ, кто не связанъ съ нѣкоторыми

изъ нихъ тѣснѣйшимъ союзомъ. Кто ищетъ сообщества другихъ только для своего удовольствія, тотъ необходимо долженъ всегда чувствовать, что онъ можетъ завтра паки разорвать связь, въ которую сегодни вступилъ. Продолженіе такой свободы съ одной стороны имѣетъ въ себѣ нѣчто пріятное, но съ другой стороны наслажденію общественнаго удовольствія пагубно. Одинъ только способъ пріобрѣсть и соблюсти друзей: *должно самому быть имъ другомъ*. Можетъ случиться, что кто нибудь искренно полюбитъ насъ; но сія склонность не будетъ продолжительна, естьли онъ не видитъ въ насъ взаимной къ нему склонности. Почитая другаго только орудіемъ нашего удовольствія, мы такъ и поступать съ нимъ будемъ. Онъ, примѣтивъ сіе, никогда не будетъ имѣть къ намъ сердечной привязанности. Напротивъ того человѣкъ, упражняющійся въ дѣлахъ, научается цѣнить людей не по одному только своему удовольствію, но по инымъ правиламъ. Приличное каждому уваженіе оказывается само собою во всѣхъ его поступкахъ. Видящіе отъ него къ себѣ уваженіе охотно платятъ ему взаимнымъ уваженіемъ. Отъ сего

произ-

произходятъ связи, которыя хотя и не имѣютъ всѣхъ прелестей пылкаго юношескаго дружества, но по истинѣ драгоцѣнны для сердецъ, и по тому не легко разрываются.

Человѣкъ, упражняющійся въ дѣлахъ, главною цѣлію увеселенія своего всегда поставляетъ то, чтобъ собрать новыя силы для трудовъ. Одно напоминаніе сея цѣли удерживаетъ уже его отъ выбора такихъ забавъ, которыя могли бы привести жизненные духи его въ излишнее движеніе, возмутить страсти, истощить силу и оставить по себѣ чувствованіе непріятности. Бодрость, съ какою онъ отъ простаго своего увеселенія къ трудамъ возвращается, служитъ ему довольною наградою за небольшое принужденіе, котораго воздержность его иногда ему стоитъ. Величайшую радость доставляетъ ему та мысль, что онъ дѣятельностію своею другимъ приноситъ пользу. Напротивъ того человѣкъ, живущій только для своего удовольствія, можетъ ли когда нибудь съ награждающимъ чувствованіемъ при концѣ дня самъ себѣ сказать: „сегодни „сдѣлалъ я пользу моимъ ближнимъ; сего-

„дни

„дни наслаждался я плодами моего прилѣ-
„жанія; сегодни награжденъ я за труды,
„которые надежда, или только долж-
„ность, предпринять меня заставила.„

Представимъ себѣ Алцеста, во всемъ прочемъ такимъ, каковъ онъ есть, но только дадимъ ему какое нибудь дѣло, которое надлежало бы ему почитать должностію: онъ вдругъ становится совсѣмъ уже не тотъ! Онъ не тотъ уже Алцестъ, который прежде вставая поутру, не зналъ, за что приняться. Дѣло его предписываетъ ему расположеніе времени, и принимаясь за оное, онъ чувствуетъ, что сонъ его укрѣпилъ (и можетъ быть чувствуетъ сіе съ радостнымъ благодареніемъ Богу). По прошествіи опредѣленнаго для трудовъ времени онъ радуется, что провелъ время свое съ пользою, и съ симъ чувствованіемъ идетъ къ тѣмъ предметамъ, которымъ надлежитъ увеселять его. Эстампы его, садъ, сообщество, прогулки, получаютъ большую пріятность отъ того самаго, что онъ нѣсколько времени не могъ ими наслаждаться; они какъ бы нечаянно ему встрѣчаются, и имѣютъ въ себѣ нѣчто для него новое, чего прежде со-

совсѣмъ не имѣли, пока онъ однимъ только ими занимался. Онъ знаетъ, что онъ полезенъ человѣческому обществу, и что каждой празднолюбецъ не можетъ заступать его мѣста. Сіе увѣреніе даетъ ему большую важность: другіе цѣнятъ его надлежащимъ образомъ за что и его сердце платитъ имъ . . кимъ же уваженіемъ. Кругъ знакомыхъ его не состоитъ уже изъ однихъ только празднолюбцовъ; разговоры съ ними не суть уже пустословіе безъ всякой цѣли. Онъ смѣется съ живѣйшимъ веселіемъ, ибо смѣется рѣже. Онъ привыкъ находить удовольствіе въ трудахъ, и по тому удовольствіе уже не кажется ему трудомъ. Онъ имѣетъ вѣрной способъ къ избавленію себя отъ скуки, а съ нею купно и отъ всѣхъ страданій, неразлучно ее сопровождающихъ.

Алцестъ терпитъ неудовольствіе, для того, что безпрестанно удовольствіемъ наслаждаться хочетъ; но пусть не поставляетъ онъ удовольствія главнымъ своимъ предметомъ, и тогда будетъ находить его не искавши. Да послужитъ примѣръ его въ пользу всякому, кто находится въ его обстоятель-

тельствахъ, или къ онымъ близокъ! Люди, не хотящіе принять на себя никакой должности, говорятъ: „развѣ не можно „вести полезной жизни, не обязываясь „никакою должностію?„ Безъ сомнѣнія можно; но рѣдко въ самомъ дѣлѣ *исполняется*. Кругъ полезныхъ дѣлъ не имѣетъ предѣловъ. Естьли должность не назначитъ, чѣмъ намъ заниматься, то обыкновенно находимъ мы столько затрудненій въ выборѣ, что рѣдко однажды навсегда рѣшимся. Даже и рѣшившись, не всегда почитаемъ за необходимость, ненарушимо слѣдовать сему рѣшенію. Я знаю довольно людей, начинавшихъ безъ должности множество полезныхъ дѣлъ, но весьма мало такихъ, которые доводили бы предпринятое ими до конца.

Содержанїе XX части.

Стран.

Прилѣжаніе и Покой, аллегорическая повѣсть. - - - - 3

Различныя опредѣленія, Персидская басня. - - - - 12

Разныя мысли. - - - - 15

Рейнской водопадъ. (Изъ описанія одного путешественника.) - 17

*Письмо сельскаго священника къ Милорду ***.* - - - 22

Дѣйствіе совѣсти. - - - 29

Неравные братья, Испанская повѣсть. - - - - 33

О деревѣ Саго. - - - - 77

О хлѣбномъ деревѣ. - - - 81

О снѣгѣ. (Изъ Англійскаго періодическаго изданія: Бродяга.) - 85

Садоводство. - - - - 94

О стыдливости и смѣлости. (Изъ Англійскаго Спектатора.) - 97

Описа-

Стран.

Описаніе жилища Надежды. (Изъ Англійскаго періодическаго изданія: Бродяга.) - - - 101

Скупой. - - - - - 111

Августа, справедливая повѣсть. - 113

Малые міры въ большомъ мірѣ. (Изъ Нѣмецкаго періодическаго изданія: Ганноверской Магазинъ. - 135

Астрономъ и нищій. - - 144

Обидагъ, Восточная повѣсть. - 149

Отеческая любовь и правосудіе. - 156

Нравоучительныя изреченія. - 160

Нѣчто изъ практической Философіи. - 161